

MARVEL

ЧЕЛОВЕК-ПАУК

ВЕНОМ-ФАКТОР
ОМНИБУС
ДИАНА ДУЭЙН

Диана Дуэйн
Человек-Паук. Веном-фактор
Серия «Вселенная MARVEL»
Серия «Человек-паук»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65062327*

*Человек-Паук. Веном-фактор. Омнибус. Роман. Книга первая. Веном-фактор; Книга вторая. Проблема Ящера; Книга третья. Дело Осминого: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134929-5*

Аннотация

Собрание трех романов Дианы Дуэйн о вечном противостоянии Человека-Паука и Венома.

Человек-Паук. Веном-фактор. Веном выходит из-под контроля, по-видимому, убивая одного из невинных, которых он поклялся защищать. Веном сошел с ума или Нью-Йорку угрожает еще один подозреваемый?

Человек-Паук. Проблема Ящера. Ящер неистовствует в Эверглейдс, в попытках найти себе лекарство. Пока Человек-Паук пытается остановить его, вызывая лишь новые разрушения, Веном практически одержим убийством Ящера. Что у врагов супергероя общего, и имеет ли это какое-то отношение к таинственной группе наемников, действующей в Эверглейдс?

Человек-Паук. Дело Осьминога. Доктор Осьминог собирает ядерные бомбы и разработал план по созданию хаоса во всем мире. Человек-Пауку и Веному придется оставить в стороне свои разногласия и объединиться, чтобы победить Доктора Осьминога, прежде чем он опустошит планету.

Содержание

Книга первая	7
Пролог	8
1	24
2	67
3	103
4	131
5	168
6	205
7	237
8	264
Конец ознакомительного фрагмента.	271

Диана Дуэйн
Человек-Паук
Веном-фактор
Омнибус
Роман

Diane Duane

Spider-Man: The Venom Factor Omnibus

* * *

Special thanks to Lou Aronica, Lucia Raatma, Eric Fein, Danny Fingerioth, Julia Molino, Ginjer Buchanan, Eileen Veith, Ken Grobe, Stacey Gittelman, Mike Thomas, Steve Behling, Steve Roman, Carol D. Page and the gang at Marvel Creative Services.

Original trilogy edited by John Betancourt & Keith R.A. DeCandido.

Cover-art credit J. Scott Campbell & Edgar Delgado.

FOR MARVEL PUBLISHING

Jeff Youngquist, VP Production, Special Projects Caitlin O'Connell, Associate Editor, Special Projects Sven Larsen, VP,

Licensed Publishing David Gabriel, SVP Sales & Marketing,
Publishing C.B. Cebulski, Editor in Chief Spider-Man created
by Stan Lee and Steve Ditko

© 2021 MARVEL

Книга первая

Веном-фактор

*Всем нашим друзьям на «Бэйконе'94» и «Ад
Астра'94», Торонто*

...кто следил за тем, как это случилось.

*Спасибо Кейту, который страдал, ну, мы знаем,
как именно...*

Пролог

НА ГЛУБИНЕ девяноста метров царили холод и темнота – но не тишина. Снаружи ревели, бурлили и стучали об обшивку морские воды, с поверхности доносился приглушенный рокот проходивших мимо кораблей, слышались лязг и гул колоколов или сигналы далеких и близких гидроакустических буюв, периодически раздавалось даже тихое пение кита, спокойно бороздившего океанскую глубь по своим китовым делам. Человек, сидящий в капитанском кресле посреди мостика субмарины, задумчиво разглядывал карты. Он вздохнул, представив предстоящий отпуск, относительную тишину и спокойствие мира, где вместо воды тебя окружает воздух.

Разумеется, капитанское кресло располагалось не в центре мостика. Пока что: его лодке до переоборудования оставалось еще три года. Со временем мостики всех американских субмарин будут напоминать оригинальный вариант из всем известного телесериального космического корабля: в конечном итоге, власть имущие признали его круговой дизайн лучшим и наиболее эффективным из доступных на текущий момент. Но прямо сейчас мостик SSN-45, атомного подводного крейсера ВМФ США «Миннеаполис», по-прежнему представлял собой клубок из панелей, кабелей и трубопроводов, расположенных вокруг торчащей по центру ко-

лонны перископа. А капитан восседал не на роскошном троне, приподнятом над остальным мостиком, а на складном стульчике, задвинутом под освещенный столик с разложенными на нем картами. Не очень эстетично, не очень удобно. Но никто и не задумывался об удобстве. Большую часть своей вахты капитаны проводили на ногах.

Прямо сейчас, впрочем, капитан Энтони ЛоБуоно сидел, и его совершенно не волновало, что его подчиненные думали по этому поводу. Он не мог дожидаться момента, когда лодка подойдет к пристани и затем отправится обратно в море. Через восемь дней, после финальной швартовки в Гренландии, кормовой грузовой отсек будет разгружен раз и навсегда, а он наконец-то сможет убраться отсюда. «Что б еще хоть раз, – думал он. – Нет, больше никогда».

Однако капитан ЛоБуоно был реалистом и прекрасно понимал: ему вполне могут скомандовать перевезти сходный груз снова, и он примет приказ и выполнит его. Внезапно возникшая мысль заставила капитана вздрогнуть: раз уж он так хорошо справился с поручением на этот раз, шансы на получение подобного задания в будущем только выросли.

ЛоБуоно тихонько выругался себе под нос. Нескоро еще он будет готов вынести другие такие полторы недели. Его команда была на взводе – совсем не удивительно, ведь он сам был в таком состоянии. Его чувства передаются другим, неважно, насколько тщательно он пытается удержать их в тайне. «Тебе следует быть благодарным, – подумал капи-

тан, – ибо это одна из причин, по которым твой экипаж настолько хорош. Они читают твои мысли, предсказывают твои действия, прыгают выше, чем обязаны».

И все же, при прочих равных, он бы предпочел обойтись без той нервотрепки, в какую превратилась минувшая неделя.

За его плечом материализовался старпом. ЛоБуоно поднял взгляд. Баз Лорритсон – никто не смел называть его Базилем, поскольку потом не хотел оказаться «случайно» облитым водой – одарил капитана спокойным взглядом, который ни на йоту того не одурачил.

– Сэр, мы по графику выходим на мелководье в северной части Гудзонского каньона, – произнес он. – Ваши приказы предусматривают какой-то конкретный курс или нам позволено действовать по обстановке?

ЛоБуоно мрачно улыбнулся:

– Мы действуем в пределах полномочий, – ответил он, – и сейчас надежно укрыты от всех «птичек». Никаких особых приказов, кроме как избегать фарватера Гудзонского каньона и Барнегата – там слишком интенсивное движение. Проведи нас к маяку береговой охраны в Демократ-Пойнте, а оттуда следуй предпочтительным курсом на верфи ВМФ.

Баз приподнял бровь и задумался.

– Джонс-Инлет, – сказал спустя минуту он, – Ист-Рокей-Инлет, Рокуэй-Пойнт, Эмброуз-Лайт, Нортон-Пойнт, мост Верразано-Нэрроуз и дальше.

ЛоБуоно кивнул:

– На этот раз не останавливайся, чтобы заплатить за проезд по мосту. Какова скорость приливного течения возле Эмброуза?

– Береговая охрана передает: около трех узлов.

Капитан кивнул.

– Еле ползет, значит. Думаю, нам это в самый раз. Свяжись с портовым управлением и сообщи ожидаемое время прибытия. Затем позвони в управление верфями и скажи: я хочу, чтобы груз дожидался нас на причале и оказался в трюме не позднее чем через пятнадцать минут после того, как мы отдраим люки.

– Слушаюсь, сэр.

– Я не шучу, Баз. Я не хочу ждать.

– Так им и передам, капитан.

– Исчезни.

Баз исчез. Капитан поднялся на ноги и подошел к перископу:

– Глубина.

– Шестьдесят метров, – доложил сидящий за вторым радаром Макилвейн, – выйдем на перископную глубину через тридцать секунд.

ЛоБуоно ждал, прожигая взглядом блестящий, покрытый многочисленными царапинами палубный настил. Казалось, с того момента, как он вернулся на борт «Миннеаполиса» из последней увольнительной в Холи-Лохе и получил в ру-

ки запечатанный конверт, миновала целая вечность. К этому аспекту своей жизни капитан уже давно привык. Обычно в конверте оказывалась целая папка, битком набитая информацией о предстоящей миссии, с печатью «Секретно» (что при нынешнем положении дел обычно означало «Да не особо...»). Но этот конверт был необычным, а яркого, броского цвета спасательного жилета, и на нем красовались новые защитные пломбы со штрихкодами. Даже два комплекта пломб: один для конверта, а второй – для груза, стоявшего на погрузчике на причале. Металлический ящик двух с половиной метров в длину и ширину шел вместе с толпой вооруженных и нервничающих солдат. Если бы ЛоБуоно пребывал в более легкомысленном настроении, то подобный эскорт навел бы его на мысль, что внутри ящика скрывается сам президент. А так капитан спустился в свою каюту, просканировал штрихкод, открыл конверт, просканировал штрихкод на внутреннем конверте, открыл его, сел и начал читать.

И выругался. Но он ничего не мог поделать, ни тогда, ни сейчас, ничего и ни с чем: ни с конвертом, ни с ящиком, ни с содержимым того или другого. Ящик погрузили в трюм, и ЛоБуоно велел экипажу не задавать ему вопросов о содержимом их груза, потому что у капитана не было для них ответов. Затем «Миннеаполис» отчалил.

Дверь защищенного грузового отсека на корме, где нервничающие солдаты разместили свой груз, теперь была опечатана вторым комплектом защитных пломб со штрихкодами,

а на уровне глаз красовался наклепленный одним из солдат знак: «ОПАСНО! РАДИАЦИЯ!» с тремя всем известными красными треугольниками на желтом фоне. Ниже какой-то умник из экипажа шариковой ручкой дописал: «А ДРУГИЕ НОВОСТИ-ТО ЕСТЬ?» Кто бы это ни сделал, его вопрос имел смысл: «Миннеаполис» был ударной подводной лодкой и нес на борту ядерный боекомплект, его команда знала о радиации практически все, а чего не знала – то поместилось бы на страницах очень тонкой книжки.

«Полная боевая готовность, – говорилось в полученных капитаном приказах, – от Холи-Лоха до Гренландии тройная вахта, до прибрежных вод Нью-Йорка: полное радиомолчание». Приказы исполнялись в точности. ЛоБуоно видел, какой эффект это оказало на его команду. Парни были умны и дисциплинированы – тоже не новость, глупых и неуравновешенных на ядерные подлодки не пускали. Но им оказалось непросто выполнять секретные приказы. Они начали подозревать, будто командование им не доверяет, и не знали, на кого конкретно злиться: то ли на своего капитана, то ли на штабных на берегу.

ЛоБуоно понимал их. Его же раздражение имело более практический характер. Не зная, что конкретно он сопровождает, капитан не мог быть уверен, принял ли он все возможные и разумные меры по защите груза, а это ставило под угрозу всю миссию.

– Перископная глубина, сэр, – доложил радарный.

– Благодарю вас, мистер Макилвейн, – произнес ЛоБуоно, – поднять перископ.

Перископ скользнул перед ним, капитан схватился за ручки и взгляделся в окуляр. Кто-то забыл выключить звездный фильтр, и все вокруг окрасилось в зеленый. ЛоБуоно мысленно хмыкнул, отключил усилитель и снова посмотрел в окуляр.

Прямо по курсу, милях в шести от них, покачивался на волнах плавучий маяк «Эмброуз». Капитан взглянул на север, в сторону Нортон-Пойнт, скользнул взглядом по Кони-Айленду, перевел перископ на северо-восток и увидел торчащую посреди Джонс-Айленда кирпичную башню с остроконечной верхушкой бронзовато-зеленого оттенка. ЛоБуоно усмехнулся. Сколько ж времени прошло с тех пор, как он каждые летние выходные уговаривал родителей отвезти его в залив Закс, расположенный рядом с башней, где он мог пускать игрушечные лодочки в тихой воде недалеко от театра...

– ...не знаю, – услышал он чей-то шепот позади.

– Думаешь, он знает? – раздался другой голос.

Тишина. Скорее всего, кто-то отрицательно покачал головой.

– Думаю, это-то его и бесит последние несколько дней.

А вот и другая причина, по которой капитан ЛоБуоно так ненавидел секретные миссии: они запускали мельницу слухов, которая начинала крутиться одновременно со стартом

двигателей и не останавливалась, пока команда не сходилась в свою следующую увольнительную, а иногда и продолжалась на берегу.

– А я слышал кое-что другое, – слышался шепот кого-то еще.

– Что?

– Это какая-то тварь, и они ее изучают. Они ее где-то нашли.

– Тварь? Что за тварь?

Капитан ЛоБуоно осторожно повернул перископ, чтобы его широкая спина по-прежнему была обращена к сплетникам. Он лениво оглядел пустые воды на юге, затем медленно повернулся, взглянул на запад, отметив знакомые ориентиры: наблюдательную вышку береговой охраны на Санди-Хук и сам маяк Санди-Хук, старейший непрерывно действующий маяк на территории страны; невысокие холмы нагорья Навесинк, окаймляющие южную границу Нью-Йоркской гавани.

– Я не знаю. Что-то... нездешнее.

Мгновением позже ЛоБуоно повернул перископ к сплетникам. Беседа сразу стихла.

– Верразано Нэрроуз, – доложил старпом.

– Это я вижу, – ответил капитан, рассматривая через перископ изящные стальные обводы и изгибы кабелей. – Приготовил пять баксов, Баз?

Экипаж на мостике мигом расплылся в улыбках. Три по-

хода назад они проходили этим маршрутом, и Баз выводил лодку в открытое море в шторм, пока ЛоБуоно у себя в каюте занимался бумажной работой. Разрывное течение неожиданно толкнуло «Миннеаполис» на одну из опор моста. Лодка отделалась приличной царапиной на корпусе, но старпом пришел в ужас, а экипаж с тех пор добродушно подтрунивал над ним, предлагая оплатить за него пошлину за проезд по мосту, раз уж Баз так хотел на него попасть.

– Кончились мелкие купюры, капитан, – ответил Баз.

– Отлично. Готовимся к всплытию. Сначала прямо по курсу, затем двадцать градусов на правый борт.

– Есть готовиться к всплытию. – Послышался обычный лязг. – Есть двадцать градусов. В управлении верфями говорят, что наш груз уже ждет на пристани, капитан.

– Очень хорошо, мистер Лорритсон. Всплываем. Что-нибудь слышно от управления гаванью?

– Обычное движение к западу от залива Говануса, – ответил Макилвейн, – мы пройдем на восток, правым бортом к разделительной зоне. Курсы к проливу Баттермилк и на север к верфям чисты.

– Выполняйте, – распорядился ЛоБуоно.

Они прошли Нижний залив и не торопясь вошли в Нью-Йоркскую бухту. ЛоБуоно снова повернулся, чтобы полюбоваться видом возвышающихся над нижним Манхэттеном небоскребов, ну или чтобы создать такое впечатление. Однако ничего нового, помимо обычной болтовни о скорой швар-

товке, он не услышал.

– Прилив через два часа, – сообщил Лоритц, второй навигатор, один из участников обмена сплетнями.

– Следите за «пауком», – распорядился Баз.

ЛоБуоно усмехнулся. Поперечные потоки, именуемые «пауком», бежали по правому борту от Губернаторского острова – именно они оказались причиной тех проблем с мостом. Но сейчас, когда до высшей точки прилива оставалось еще два часа, потоки были наименее опасны.

Без лишних инцидентов они проплыли вверх по Ист-Ривер и под Бруклинским мостом. Движение на мосту замедлилось: завидевшие «Миннеаполис» автомобилисты притормозили и теперь глазели на подлодку и тыкали в нее пальцами. ЛоБуоно слегка улыбнулся с гордостью, но это чувство не смогло ослабить его напряжение. «Чем быстрее мы загрузимся и уйдем отсюда, тем лучше я себя буду чувствовать», – подумал он.

Несколько минут спустя они прошли под Уильямсбургским мостом, спровоцировав аналогичный затор, а затем «Миннеаполис» свернул, выбираясь из главного «глубоководного» канала Ист-Ривер.

– Залив Уоллабаут, – доложил второй штурман.

«Военно-морские верфи, наконец-то».

– Опустить перископ. Отдраить люки, – распорядился ЛоБуоно. – Швартовую команду к кормовому люку. Скорость один узел, Баз.

- Есть скорость один узел. Швартовая команда готова.
- Какой наш причал?
- Шестнадцатый.
- Заводи.

Они медленно пробирались через внешнюю гавань военно-морских верфей. После всех сокращений оборонных расходов и прочих бюджетных экономий здесь было уже не так оживленно, как раньше. Бруклинская военно-морская верфь, некогда известная на весь мир, полная наполовину возведенных корабельных островов, грохота заклепок и воздушных молотов, теперь в основном служила домом для законсервированных кораблей да массивных подъемных кранов, чьи пустые крюки лениво покачивались на ветру. И все же ВМФ иногда пользовался верфями для случайных нетехнических ремонтных работ и пополнения припасов.

- Правый руль на двадцать пять градусов, – приказал Баз, – скорость половина узла.
- Пятьсот метров, сэр.
- Очень хорошо. Руль назад.

Матрос крутил привод, открывающий носовой люк. Капитан ЛоБуоно дождался, пока матрос уберется у него с дороги, затем поднялся по трапу, чтобы взглянуть на место швартовки.

Дул сильный ветер. Он уже успел почти полностью высушить рубку и надстройку. ЛоБуоно оперся о перила рубки и посмотрел направо, на причал номер шестнадцать, к кото-

рому сейчас осторожно швартовался «Миннеаполис». Пристань оказалась завалена ящиками, обернутыми пластиковой упаковкой, и коробками, стоящими на тележках, готовыми к подъему и погрузке. Очень медленно, аккуратно подлодка подошла к пристани.

Удар.

А затем, совершенно неожиданно, раздался ужасающий звук сирены, предупреждающей о столкновении. Весь корабль внезапно содрогнулся, затем его тряхнуло еще раз. «Что за...» – пробормотал ЛоБуоно и, не закончив мысль, быстро спустился по трапу внутрь корпуса.

Когда капитан добрался до мостика, Лорритсон уже мчался на корму, по направлению к источнику сигналов тревоги.

– Пробоина в корпусе! – крикнул кто-то, пока ЛоБуоно проносился мимо.

– Баз! – завопил капитан в спину бегущему перед ним старпому.

– Это не я, капитан! – крикнул в ответ старпом.

Они продолжили бежать дальше.

С кормы до них доносился самый страшный звук, который только могут услышать запертые внутри подводной лодки люди: грохочущий рев неконтролируемой воды. Но в то же время они слышали и другой, куда более успокаивающий звук – задраивались автоматические люки водонепроницаемых отсеков. Сперва Баз, потом и ЛоБуоно остановились перед последним люком, тем, что находился в дальнем конце

арсенала. Он также был задраен. Оба знали: за этим люком находится дверь с наклеенным на нее знаком: «Опасно! Радиация!». Капитан и старпом переглянулись.

ЛоБуоно схватил висящий поблизости микрофон и нажал на кнопку «Вкл.».

– Мостик, это капитан. Все на месте?

– Да, сэр, – доложил главный корабельный старшина, – на корме никого нет.

– Направьте кого-нибудь за борт, пусть оценит повреждения.

– У меня уже есть там человек, капитан, – ответил старшина, – минуточку... – Послышался неразборчивый бубнеж разговора по второй линии. Затем старшина произнес: – У нас пробоина в корпусе размером примерно в полметра на три четвертых метра. Палубная команда уже накладывает на нее временную заплатку. Мы сможем откачать воду из кормового отсека через несколько минут.

– Приступайте, – велел ЛоБуоно.

Он взглянул на старпома. Лорритсон открыл было рот, но капитан его опередил:

– Прости, Баз. Течения под мостом – это одно, но я знаю, что ты бы никогда не выкинул подобную шутку в доке. – Он невесело усмехнулся. – Спишем на нервы.

Лорритсон кивнул:

– Это было... нелегко.

– Кругом...

– Заплата установлена, – доложил старшина, – начинаем откачивать воду.

С тихим хлопком запустились бортовые насосы. Несколько минут они ненавязчиво гудели, затем ЛоБуоно услышал кашляющий звук, который означал: в отсеке кончилось то, что можно было откачать.

– Отлично, – сказал он и повернулся к Лорритсону. – Дозиметр с собой?

Баз похлопал по карману, к которому крепилась маленькая, чувствительная к радиации заплатка.

– Если она начнет показывать интересные цвета, уноси отсюда задницу, – велел капитан и крутанул колесо, открывающее люк.

Защелка звякнула, ЛоБуоно потянул, и крышка люка слегка подвинулась. Капитан сунул нос в образовавшуюся щель.

Его дозиметр, одна из новых моделей со встроенным звуковым чипом, который, по сути, превращал прибор в миниатюрный счетчик Гейгера, тихонько тикал – медленно, словно часы: доза серьезная, но едва ли смертельная.

– Давай не задерживаться, – велел капитан, заходя в отсек и осторожно оглядываясь по сторонам.

Смотреть здесь было не на что, за исключением мокрого пола, мокрых стен, мокрого потолка, и стоящего посреди отсека серебристо-серого металлического ящика, такого же мокрого, как и все остальное. ЛоБуоно начал медленно обхо-

дить ящик. Спереди все выглядело обычно. По бокам тоже.

А вот в задней стенке красовалась та самая овальная дыра, как будто кто-то проломил стенку изнутри. Листы металла и штыри оказались выгнуты наружу. Дозиметр ЛоБуоно начал тикать с гораздо большим энтузиазмом. Вскоре к нему присоединился и дозиметр Лорритсона – старпом подошел к капитану и заглянул в дыру в ящике. Внутри ничего не было.

Они покосились на дыру в корпусе, заделанную розовой, быстро сохнущей заплаткой. Она очень четко совпадала с дырой в стенке ящика как размерами, так и направлением удара – что-то явно сидело внутри ящика и стремилось оказаться снаружи. Что бы ни скрывалось внутри него, оно дождалось самого подходящего момента, а затем самостоятельно покинуло лодку...

Лорритсон потянулся было к дыре в корпусе, одумался и опустил руку.

– Полагаю, нам лучше позвонить в бюро находок.

Капитан покачал головой.

– Ну, с тем, что мы что-то потеряли, кажется, разобрались, – мрачно сказал он. – Хотя я не сомневаюсь: в ближайшее время это обернется для нас кучей проблем. А что касается находки – так ли уж мы хотим найти пропажу?

Лорритсон покачал головой как человек, который не уверен в правильном ответе.

– Идем, – произнес капитан, – нужно доставить дурную весть начальству. Лучше самим донести о проблеме, чем

ждать, пока она свалится нам на головы.

По пути обратно на мостик ЛоБуоно, вопреки собственным приказам, снова задумался о том, что же такое могло таиться в этом ящике... и содрогнулся.

В ТЕЧЕНИЕ своей жизни он попадал во множество странных и порой страшных мест. Бывал на орбите Земли, на иных планетах, даже в других галактиках. Встречался лицом к лицу с угрозами настолько жуткими, что вся Земля затряслась бы от ужаса, и остался жив. В общем, до сих пор справлялся он со всеми проблемами вполне сносно.

Но прямо сейчас Питер Паркер стоял у дверей центрального отделения Первого Манхэттенского банка на 48-й улице и злился из-за того, что у него потели ладони.

За его спиной раздавались обычные городские звуки. Мимо по тротуарам спешили по своим делам люди, и никто из них не замечал одиноко стоящего юношу, парализованного собственным беспокойством – Паркер отказывался называть это чувство «страхом». «Я же супергерой, – подумал он, – так почему так сильно нервничаю?»

Нет ответа. Питер шаркнул кроссовкой об асфальт и продолжил сверлить взглядом окно банка из стекла и хрома. По правде говоря, он так и не смирился до конца с термином «супергерой», по крайней мере применительно к собственной персоне. По долгу службы ему приходилось иметь дело с разными личностями – мутантами или людьми, одаренными необычайными способностями, – и вот они, на его взгляд, полностью соответствовали значению слова «герой». Прояв-

ляемые многими из них смелость и благородство вдохновляли, а иногда и стыдили его. В его случае с приставкой «супер», конечно, не поспоришь. Но те чувства, которые Питер частенько испытывал, надевая костюм, – раздражение, гнев, а порой и ужас – в его понимании никак не сочетались с героизмом. «Что же касается этого... это совсем другое. В каком-то смысле даже более сложное. Это просто жизнь».

Люди на тротуарах продолжали сновать мимо. Приближалось время обеда, и их внимание занимали куда более важные вещи, чем колеблющийся супергерой, да и не узнали бы они его в обычной одежде. Питер выдохнул, расправил плечи и вошел в банк.

Пробившись через располагавшуюся сразу за входом зону бездушной жизнерадостности, заполненную безвкусными плакатами, кричащими об ипотеке и выгодных процентных ставках, Паркер придвинулся к стойке обслуживания клиентов. Прошло пять минут, и за это время ему уделили так много внимания, что с тем же успехом он мог остаться на улице. Подошедшая к нему, наконец, молодая женщина всем своим видом показывала, что у нее есть куда более важные дела, чем обслуживание клиентов.

– Да? – спросила она, щелкая жвачкой.

– Я бы хотел увидеть мистера Вулмингтона, – произнес Питер.

– Он на обеде.

Эта информация хорошо сочеталась с тем мнением, кото-

рое уже сложилось у Питера о мистере Вулмингтоне, но едва ли он мог озвучить его на публике.

– А вы не могли бы сказать, когда он вернется?

– Не знаю, – ответила девушка. – Где-нибудь после обеда. – Она отвернулась.

– А вы не могли бы оставить для него сообщение?

Щелкнув жвачкой так, что можно было подумать, будто в прошлой жизни она была пулеметом, девушка спросила:

– Да?

– Пожалуйста, передайте ему...

Питера так и подмывало сказать: «Пожалуйста, передайте ему, что Человек-Паук приходил узнать, одобрен ли его кредит на консолидацию долгов или же ему нужно привести в качестве поручителя кого-нибудь из Мстителей?» Но он сдержался.

– Пожалуйста, передайте ему, что приходил Питер Паркер и спрашивал, одобрен ли его кредит.

– Угу, – ответила девушка и снова отвернулась.

Питер проследил за ее уходом, затем развернулся и вышел обратно на улицу, испытывая... по правде говоря, он испытывал некоторую благодарность. Он был настолько уверен в ответе «Нет», что невозможность пообщаться с человеком, который наверняка сообщил бы ему плохие вести, стала своего рода благословением.

Паркер засунул руки в карманы и спустился по 48-й улице до пересечения с 5-й авеню, внимательно глядя себе под но-

ги – совсем не лишняя мера предосторожности. Какими бы ни были штрафы для людей, не убравших за своими собаками, они по-прежнему оставались недостаточно большими.

«Банки», – подумал Питер. Всего лишь еще одна из множества ситуаций, с которыми ему пришлось сталкиваться за последнее время и которые заставляли его задуматься, не стоит ли раскрыть свою супергеройскую личность. Или же это только ухудшит положение дел? Существовали герои, как-то обходившиеся без тайн, и когда ты встречал их на публике – если встречал, – казалось, будто они с этим отлично справляются. И все же Питер подозревал, что каждый раз, как такие ребята возвращаются домой с работы или даже из магазина, их автоответчики оказываются забиты до предела. А одна лишь мысль о количестве хлама, который они находят в своих почтовых ящиках, заставила юношу поморщиться. Питер и без этого получал такое количество ерунды по почте, что его походы к мусорному баку превратились в тяжкое испытание для любого человека, супергерой он или нет. А если добавить к этой горе бесчисленные каталоги Эм-Джей...

Слегка улыбнувшись, Паркер пересек улицу Мэдисон и направился к 5-й авеню. Мэри Джейн Уотсон-Паркер и сама теперь настоящая знаменитость... ну, или была ей до тех пор, пока не покинула мыльную оперу «Тайный госпиталь». Но даже до этой роли ее знали по работе моделью. В результате, складывалось впечатление, будто каждый магазин «То-

вары почтой» в стране высылал ей уведомления о выходе своей новой продуктовой линейки... и Мэри Джейн честно и охотно пролистывала все приходящие ей каталоги, вздыхая и заглядываясь на разные интересные штучки.

Заглядываясь, но, в последнее время, ничего не покупая. С деньгами стало, ну, если не совсем тяжело, то довольно туго. Легко забыть, как щедро оплачивается работа на телевидении, пока ты ее не теряешь. Перед этим ЭмДжей несколько месяцев пыталась заставить мужа немного расслабиться и потратить чуточку больше денег, купить себе вон тот пиджак и чаще ходить по ресторанам. Поначалу Питер сопротивлялся, но потом сдался, стремясь порадовать жену. И уже привык наслаждаться жизнью, к большому количеству доступных средств для работы, перестал с ужасом ожидать момента, когда придут счета по кредитной карте.

И именно тогда, когда он освоился в этом более сытом существовании, все и переменялось.

Почтовый ящик снова превратился в источник беспокойства. Плата за квартиру, которую легко покрывал объединенный доход второстепенной телевизионной звезды и фотографа-фрилансера, превратилась в серьезную проблему. Разорвать договор аренды до истечения его срока действия, чтобы переехать в жилье попроще и подешевле, оказалось практически нереальным. Равно как и оплачивать жилье на одну непостоянную зарплату фрилансера. У них накопились кое-какие сбережения, немного, но на некоторое время хватит.

ЭмДжей ходила на каждое собеседование, каждое прослушивание, о котором только могла договориться. Она тоже постепенно начинала падать духом из-за того, что ей сразу же не предложили новую роль. Но Питер, как бы сильно он ни переживал из-за происходящего, намеренно не выказывал уныния и пытался поддерживать настрой жены и не давать ей опустить руки. В душе же Паркер отчаянно желал, чтобы и у него самого нашелся кто-то, кто не дал бы ему опустить руки.

«Быть супергероем совсем не плохо, – думал он, – еще бы платили побольше».

«Еще бы вообще платили!»

Питер остановился на перекрестке, дожидаясь зеленого сигнала светофора. Вокруг него люди перебежали дорогу, бросая вызов городскому движению. Оплачивалась супергеройская работа или нет, Питер все равно должен был ей заниматься. Точно так же, как должен был делать фотографии, потому что ему это нравилось, и не важно, платили за это или нет. Точно так же, как он должен был заниматься наукой, и не важно, получит он в будущем работу в этой сфере, или нет. Это старое хобби, старая любовь, уходящая корнями так глубоко, – она стала слишком большой его частью, чтобы от нее теперь можно было так легко отказаться.

Нужно было лишь как-то связать это все вместе и заставить работать.

Загорелся зеленый. Питер перешел дорогу и направился

вверх по 5-й авеню в сторону Западной 49-й, к магазинчику, где он обычно пополнял запасы фотоматериалов. Ему предстояла пара часов работы в темной комнате. Обычно Питер старался управиться с этим до того, как ЭмДжей возвращалась домой и принималась жаловаться на запах проявляющего раствора (а она могла). Не всегда все проходило легко. Проявка фотографий стала куда более сложным и дорогостоящим делом с тех пор, как первая страница «Дейли Бьюгл» начала печататься в цвете. Теперь, если фотограф мечтал о передовицах, требовалось научиться управляться с качественной обработкой цветов в домашних условиях – часом работы уже не отделаться. А цветные химикаты стоили в четыре раза дороже черно-белых.

Но что он мог с этим поделаться? Питер заскочил в магазин и подождал пару мгновений. Джоэл, владелец, оказался занят: пытался продать парню в кожаной куртке большой и навороченный футляр для камеры. Спустя несколько минут парень покачал головой и ушел.

– Пити, привет! – воскликнул Джоэл. – Не нужен футляр для камеры?

– Этот? – фыркнул Питер. – Из пластика? Да он недели не протянет.

Они оба засмеялись. Это была старая игра: Джоэл пытался впарить Питеру что-нибудь бесполезное, Питер сопротивлялся. Затем они обменивались байками. Питер давно научился ценить эти разговоры: Джоэл мог навести на потен-

циальный новостной сюжет, и пару раз Питер даже смог пристроить в «Бьюгл» горяченький эксклюзив прежде, чем кто-либо еще вообще пронюхал о новости.

– Слушай, – сказал Джоэл, на секунду заглядывая под прилавок, – я тут получил то устройство, о котором ты просил.

– Которое?

– Секундочку. – Джоэл исчез под прилавком, и на стойке начали появляться рулоны пленки, кисти, крышки для объективов, бленды для объективов и множество другого мелкого оборудования. Спустя мгновение Джоэл вынырнул обратно, держа в руках маленькую черную коробочку с прозрачной пластиковой линзой спереди.

– Дополнительная вспышка, – заявил он.

– Уже есть одна, – отмахнулся Питер.

Это действительно полезный аксессуар для фотографа: вторая вспышка крепится кабелем к камере и «подчиняется» первой, чтобы они могли включаться одновременно. Таким образом можно добавить света на темную сцену или заполнить нежелательные тени по углам.

– Такой у тебя точно нет, – заверил Джоэл. Он повернул коробочку, показывая Питеру крошечную дополнительную линзу сбоку. – Беспроводная. Включается одновременно с первой, чувствуя внезапное изменение в естественном освещении.

Питер взял коробочку и задумчиво на нее уставился. Он и вправду подумывал о кое-каких улучшениях своего нынеш-

него снаряжения.

– Как думаешь, можно к ней как-то подключить датчик движения?

Джоэл кивнул и указал на гнездо на задней поверхности вспышки.

– Один из моих покупателей сделал что-то подобное. Он фотографирует природу. Он подобрал одну из этих пассивных инфракрасных штук, ну, ты знаешь, о чем я, которая включает уличное освещение всякий раз, как кто-то подходит к твоей двери. Спасло его от необходимости следить за птичками, – хохотнул Джоэл. – Птичка взлетает, и камера делает снимок прежде, чем пташка упархивает из кадра.

Питер улыбнулся.

– Такое мне может пригодиться. Сколько?

– Сорок.

Он вздохнул, мысленно проделал необходимые вычисления и достал кредитку.

– Беру. И дай мне еще одну упаковку девять на двенадцать и бутылочку три-пятьдесят, лады?

– Без проблем.

Джоэл ушел к полкам и вернулся с бутылкой проявляющего раствора и фотобумагой и принялся колдовать над кассовым аппаратом.

– Твоя миссис еще не нашла работу? – поинтересовался он.

Питер покачал головой.

– По-прежнему в поисках.

– Хм-м. Знаешь, ко мне тут парень заходит из студии за углом, они там снимают всяческие дневные сериалы. Вчера он сказал, что они внезапно начали нанимать актеров. Какая-то высококачественная мыльная опера, он сказал, – Джо усмехнулся, – такие вещи вообще существуют?

– Согласен. Но я все равно передам ЭмДжей.

Кассовый аппарат звякнул.

– С тебя шестьдесят два тринадцать, – сказал Джоэл.

Питер поморщился и протянул кредитку.

– Что, цена на три-пятьдесят опять выросла?

– Ага. Еще на четыре бакса. Прости, Пити.

– Едва ли мы можем с этим что-то поделать, – произнес Питер, пока Джоэл проводил кредитку через терминал.

– Кому ты рассказываешь. Поставщик говорит, будто ничего не может с этим поделать после того, как производитель поднимает отпускные цены... – Джоэл вздохнул. Терминал дважды бипнул. Хозяин взглянул на него и изогнул бровь. – Ой-ой, платеж отклонен.

Питер сглотнул.

– Видимо, деньги еще не поступили.

– Не удивлюсь. Я тебе не рассказывал, как отправил поздравительную открытку жене моего брата в Бруклин за две недели до ее дня рождения, а она пришла через две недели после него? Я спрашиваю себя. Где мы живем, в какой-нибудь Европе, что ли? Хотя, если подумать, то я получаю

письма от кузины, которая живет в этой Европе, быстрее, чем весточки от Сесилии.

Питер вытащил бумажник, достал необходимую сумму наличными и с грустью отметил, что в итоге у него осталась огромная сумма: целый один доллар и аж шестьдесят центов.

– Да уж, – сказал он, – держи.

– Хорошо, – протянул ему сдачу Джоэл. – Эй, Пити...

Питер обернулся, уже на полпути к двери. Джоэл пошевелил бровями.

– Не позволяй этому огорчать тебя. Все обязательно станет лучше.

Питер улыбнулся, практически против воли.

– Ну да. Увидимся, Джоэл.

– До встречи.

И все же, когда Питер вышел на улицу, ему было сложно представить, как дела в ближайшее время смогут стать лучше. «Есть только одна вещь, – подумал он, – которая сможет придать этому смысл. Сегодня ночью...»

Когда Питер вернулся, дома никого не было. Из их с ЭмДжей квартиры, просторной и вместительной, открывался довольно симпатичный вид на небоскребы и несколько менее впечатляющий – на крышу соседнего здания этажей на десять пониже. В такую погоду на ней не было свободного места из-за людей в купальниках, пытающихся получить хоть какой-то заггар сквозь городской смог. Большие окна пускали в квартиру достаточно света, падающего на белые стены и

полированный дубовый пол. Окажись они сейчас в квартиры некоторых друзей ЭмДжей из шоу-бизнеса, свету некуда было бы упасть. В отличие от них, Мэри Джейн не очень-то жаловала популярную минималистскую школу декора, согласно которой наличие одного дивана и одного ковра считалось «достаточным количеством мебели», из-за чего жилье казалось пустынным как японский песочный сад. Мэри Джейн Уотсон была своего рода барахольщицей, хоть и в самом лучшем смысле слова, и Мэри Джейн Уотсон-Паркер таковой и осталась. Ее вкус был ближе к Лоре Эшли, чем к датскому модерну: большие удобные диваны и кресла, на которых можно свернуться калачиком, повсюду разбросаны подушки, стоят книжные полки, заставленные всяким барахлом – вазами, старыми и новыми (в основном старыми) безделушками и кучей книг. Все это создавало удобную и гостеприимную обстановку, но содержать это богатство в чистоте – та еще задача.

Но прямо сейчас уборка занимала мысли Питера в последнюю очередь. Его внимание полностью поглотила новая вспышка. Питер прошел в темную комнату, разложил химикаты и бумагу и вернулся в гостиную проверить автоответчик. Два предложения подписаться на «Нью-Йорк Таймс» (и так уже подписаны), одно – вычистить их ковры (которых у них не было), два анонимных «пожалуйста, перезвоните на этот номер» сообщения (скорее всего коллекторы; вздохнув, Питер переписал номера и пожалел, что автоответчик не вы-

кинул один из своих периодических припадков и не очистил память). Никаких предложений о работе, приглашений на вечеринки, внезапно свалившихся на голову наследств — ни одной хорошей новости.

«А, точно. Сегодня ночью...»

Питер встал и вернулся к столу, на котором оставил новую вспышку. Нелегко сделать приличный снимок, когда ты не держишь в руках камеру, а находишься перед объективом как Человек-Паук. Тяжело подобрать нужное значение диафрагмы и освещение, когда ты обмениваешься тумачами с плохими парнями. Дьявольски сложно удержаться в фокусе, когда перелетаешь с одной крыши на другую с помощью паутины. Кроме того, преступники, причем как элитные суперзлодеи, так и обычные садовые воришки, были не рады оставаться в кадре, пока ты с ними дерешься. Питер уже какое-то время пытался найти решение этим проблемам, но до сих пор все было тщетно.

«Однако теперь, похоже, один вариант у меня появился». На столе еще с прошлого вечера, когда он чинил солнечные очки Мэри Джейн, остался набор миниатюрных отверток, которыми Питер пользовался для обслуживания своих веб-шутеров и снятия передней панели микроволновки всякий раз, как ее светодиоды выходили из строя. Теперь он взял третью по величине отвертку, отвинтил шурупы на нижней и боковых поверхностях вспышки, осторожно поднял заднюю пластину и пристально всмотрелся в содержимое. В целом,

это была довольно прямолинейная система, хотя часть пайки на лежащем в ее основе чипе оказалась проделана впустую. Транзистор, несколько разных диодов, все помечены для изменений, светодиод, показывающий, когда устройство включено, датчик освещенности и обходной контур, чтобы его отключить, если в штекер подключался какой-то другой механизм запуска.

Ну что ж. У Питера имелось еще одно устройство, которое после небольшой пляски с бубном смогло бы достаточно легко взаимодействовать со вспышкой. В последнее время миниатюризация сотворила уже достаточно чудес, но было и еще кое-что, о чем за пределами исследовательских кругов мало кто знал. Чтобы сэкономить место на лабораторных полках, какой-то умник с Дальнего Востока взял целую материнскую плату от компьютера и придумал, как уместить ее на пространстве в две сигаретные пачки, положенные вплотную друг к другу. Если добавить сюда достаточное количество оперативки, то этого хватит, чтобы умные машины смогли управлять довольно чувствительным устройством контроля над движением – и вот над таким Питер и работал уже какое-то время.

Когда он пришел поболтать о тонкостях программирования подобного устройства, парни с инженерного факультета Университета Эмпайр-Стейт решили, что кто-то из докторантов снизошел с небес для беседы с простыми студентами. По итогам разговора они подумали, будто сотрудники

факультета ядерной физики струсил обращаться с радиоактивными веществами сами и хотят научить компьютеры делать это за них. Едва ли они могли заподозрить истинную причину визитов Питера. Однако он уже довольно скоро получит нечто необычайно полезное для фотографа, который также борется с преступностью.

Элемент за элементом, Питер Паркер создавал фотокамеру, которая с подключенным датчиком контроля над движением умела бы самостоятельно поворачиваться в направлении происходящей рядом активности и включаться удаленно. И которая (если вышеупомянутый борец с преступностью оказался бы слишком занят) могла следить за его битвами и делать снимки через заранее установленные интервалы. Как только эта работа будет закончена, у боссов «Бьюгл» мигом уменьшится количество жалоб на плохую композицию снимков Питера по сравнению с другими фотографами.

И выпустивший его кредитную карту банк мигом станет довольнее клиентом Паркером.

В течение следующего получаса или около того он возился со вспышкой. Оборудование для управления движением, начинка выпотрошенного телескопа и сильно измененный часовой механизм были готовы уже давно, оставался только подходящий привод. Дополнительная вспышка отлично справится с этой ролью, пока не появится нечто более современное. Полуденные тени протянулись по квартире, и наконец солнечный свет вовсе исчез из окон. Питер, едва ли

обратив на это внимание, заканчивал настройку вспышки, а затем собирал движущиеся части системы и саму камеру. Это был его лучший фотоаппарат, Minax 5600si, с чрезвычайно продвинутой автоматической системой контроля экспозиции и затвора, которая оказывалась весьма кстати, когда владелец камеры в погоне за бандитом спрыгивал на синтетической паутине с крыши какого-нибудь здания в десятках, а то и сотнях метров от самого фотоаппарата. Камера крепилась к маленькой платформе с шарнирным соединением, способным вращаться, поворачиваться и наклоняться. Платформа, в свою очередь, вкручивалась в верхнюю часть небольшого складного штатива, к ногам которого в небольших противоударных корпусах крепились моторчик системы контроля над движением и небольшая материнская плата. Все устройство в сложенном виде спокойно помещалось в рюкзаке или одном из эластичных мешочков, которые Питер вшил в костюм.

Наконец, он доделал устройство. Выглядело оно неаккуратным, но в теории должно было работать. Питер снял камеру с подставки, откинул крышку, нашел в ящике стола просроченную пленку, которой пользовался для испытаний, зарядил ее в камеру и снова поставил аппарат на подставку.

Стоило ему включить камеру, как та мгновенно крутанулась на платформе. Сработала встроенная вспышка, и камера начала делать одно фото за другим, одно за другим...

– Боже мой, – пробормотал Питер, – прекращай уже.

Он шагнул, пытаясь обойти камеру сбоку и выключить механизм, но устройство неизменно повторяло его движения, делая снимки со всей возможной скоростью, примерно по одному в секунду. Вспышка начала слепить Питера. Он перепрыгнул через стол и сделал еще несколько шагов. Камера попыталась повторить его движения, запуталась в собственных кабелях и застряла. Однако продолжала делать один снимок за другим, пытаясь угнаться за Питером, а ее моторчик принялся издавать настойчивый жалобный звук. Паркер протянул руку и поймал штатив, как раз когда тот собрался упасть.

Еще несколько секунд устройство жужжало в его руках, а затем Питеру удалось выдернуть из штекера провод контроля над движением. «Что ж, оно работает, – подумал Питер, поворачиваясь обратно к столу, – пусть даже начинает снимать слишком рано. Возьму его сегодня с собой и посмотрю на результат».

В замке повернулся ключ, дверь послушно открылась. Сверкнула вспышка. ЭмДжей, державшая в руках два тяжелых пакета с покупками, разинула рот, застыла и с любопытством уставилась на мужа.

– Сегодня не мой день рождения, – произнесла она, – и я не помню, чтобы созывала пресс-конференцию. По какому поводу съемка?

– По поводу твоего блистательного возвращения домой, – ответил Питер, кладя камеру на стол. – Иди сюда. Мне нуж-

ны обнимашки.

ЭмДжей сгрузила пакеты на столик возле двери, и Питер получил свою порцию обнимашек и даже парочку серьезных поцелуев, и все это время камера за его спиной продолжала сверкать, и сверкать, и сверкать. Несколько секунд спустя Мэри Джейн слегка отстранилась от него, прикрыла лицо руками и произнесла:

– Ты так батарейки посадишь.

– Чьи, мои?

Она рассмеялась:

– Нет, любовь моя, не твои. Ты-то всегда готов. И продолжаешь работать, и работать, и работать... – Питер добродушно ткнул жену в живот, ЭмДжей взвизгнула и изогнулась в объятиях мужа. – Стой, стой, а чего ты вообще жалуешься? Это же *комплимент*. Пусти меня, мне нужно положить замороженные продукты в морозилку. Здесь настоящая парилка. Ты что, кондиционер не включал?

– А я и не заметил, – ответил Питер, выпуская жену из объятий. Он взял один пакет, ЭмДжей подобрала второй, и они направились на кухню.

– Может, толку бы все равно не было. – Мэри Джейн принялась разбирать один из пакетов: достала овощи для салата, пару бутылок вина, мороженое и щербет. – Я включила его утром, а он так и не заработал. Булькал-булькал какое-то время, а холодного воздуха не прибавлялось. Я его выключила... подумала, если оставлю его в покое, он одумается.

Питер вздохнул.

– Он также делал перед прошлой поломкой. Компрессор, да?

– Ага. Ремонтник сказал, что долго кондиционер не протянет.

Мэри Джейн вытащила пару упаковок сыра, а затем начала складывать пакет. Питер открыл было рот, чтобы сказать, мол, прямо сейчас они не могут себе позволить починку кондиционера, у них хватает других счетов на оплату... а затем закрыл его. Мэри Джейн выглядела такой уставшей и несчастной. Пот и дневная жара подпортили макияж, волосы растрепались, на чулке поехала стрелка. Питер знал, она ненавидит выглядеть подобным образом, но сейчас она так вымоталась, что не обращала на это внимания.

Питер подошел к ЭмДжей и обнял. Слегка удивившись, она обняла его в ответ, а затем уткнулась носом в плечо и издала тихий стон – этот звук причинил ему столько же боли, сколько отплясывающий на его селезенке суперзлодей.

– Сегодня опять ничего, да? – спросил он.

– Ничего, – ответила Мэри Джейн, немного помолчала и продолжила: – Я больше этого не вынесу. Я ненавижу это. Я хорошая актриса. По крайней мере, они все мне так говорили. Неужели они только хотели угодить? А если слова были искренними, то почему я не могу найти другую работу?

У Питера не было ответа на ее вопросы. Поэтому он лишь крепче сжал жену в объятиях.

– Я уже весь город объездила, – бормотала Мэри Джейн. – То я слишком высокая, то слишком низкая, то слишком толстая, то слишком тощая, то цвет волос не тот, то голос не такой! И ладно бы продюсеры знали, чего они хотят. Но они же не знают! Ничего не знают, кроме одного: я – это совершенно точно не то, что они ищут. Что бы это ни было. – Она тяжело выдохнула. – И у меня ноги болят, одежда прилипла к телу, и я хочу надрать каждую из этих обвисших уродливых задниц.

– Ой, да брось, – произнес Питер, слегка отстраняясь, поскольку тон ее голоса подсказал: уже можно. – Их задницы не могут все быть уродливыми.

– Еще как могут, – ответила Мэри Джейн, выпрямляясь и протягивая руку за вторым бумажным пакетом. – Видел бы ты сегодняшнего парня. У него была такая...

– Для кого вся эта еда? – внезапно спросил Питер, глядя на столешницу, на которой продолжали появляться продукты. Куриные грудки, еще вино, на этот раз десертное, свежий шпинат, сливки, клубника. – Кто-то придет к нам на ужин, а я об этом забыл? Ой, ты же говорила, что мы приглашали тетю Мэй...

– Это для нас, – сказала Мэри Джейн. – Почему мы должны устраивать роскошные ужины, только когда к нам приходят гости? К тому же Мэй мы позвали на следующую неделю. У тебя память как у рыбки. – Она сложила второй пакет, подхватила первый и запихнула их в пакет с пакетами.

– О, я даже спорить не стану, – произнес Питер, радуясь возможности не выкладывать ей сразу новости о банке, или о кредитной карте, или об автоответчике. – Рыбки наше все. Что на ужин, секси?

– Я ничего не скажу, пока ты не накроешь на стол. И к сведению твоего маленького электронного друга, ему высокий стул не достанется. Может сесть в гостиной, я дам ему банку WD-40 или чего он там хочет. – Она открыла один из ящиков, довольно хмыкнула и начала доставать кастрюли и сковородки. – Вспышки. Мало мне их на улице, так еще теперь и дома меня встречают.

Питер усмехнулся, взял штатив и остальное оборудование, отнес в гостиную и поставил камеру объективом к стене. Затем, насвистывая себе под нос, пошел за скатертью.

«Сегодня, – подумал он, – сегодня мы все увидим».

Гораздо, гораздо позже огни в квартире Паркеров погасли. Везде, кроме спальни. Мэри Джейн лежала в постели, опершись на гору подушек, и читала. Если бы кто-то услышал об этой привычке и спросил о ней, Мэри Джейн – Питер точно знал – рассказала бы одну из версий правды: что она просто принадлежит к той породе людей, которые не могут заснуть, пока не почитают перед сном книжку, любую, какую угодно. Другую версию правды знал только Питер, и то же на озвучивала ее не часто – Мэри Джейн нуждалась в чем-то отвлекающем ее от мыслей о «ночной работе» мужа. Его ночные часы, в отличие от дневных, не отличались регуляр-

ностью, компания, с которой он чаще всего водился, была куда менее желанной, а иногда Питер и вовсе возвращался домой необычайно поздно или скорее рано, уже под утро. Он знал, что ЭмДжей сдерживается, стремясь не повторять слишком часто, как сильно она боится, что однажды ночью муж отправится на очередную ночную миссию и не вернется. Питер же научился оценивать уровень ее нервозности по размеру читаемой ей книги. Сегодня это была «История камня» в мягкой обложке нормального размера. Так что Питер отправился в ночь, будучи в хорошем настроении и настолько расслабленным, насколько вообще мог чувствовать себя в эти дни, когда перестал быть самому себе хозяином.

Пожалуй, более точным будет сказать, что Питер Паркер только открыл окно и погасил свет. А вот несколько минут спустя кто-то совсем другой, в красно-синем костюме, невидимом в крошечной тьме для любого предполагаемого наблюдателя, выбрался из окна и замер на мгновение. Питеру этот момент всегда казался немного волшебным: колебание на границе между двумя его мирами, мирное стояние на пороге чего-то необыкновенного, все так безобидно... но ненадолго.

Сегодня он колебался меньше обычного. Камеру и ее подставку Питер упаковал максимально компактно и убрал в задний карман, где они будут меньше всего ему мешаться. Если сегодня он попадется кому-то на глаза, то случайный свидетель наверняка задастся вопросом, кто этот новый ко-

стюмированный герой и почему он решил изобразить горбуна из Нотр-Дама. Он усмехнулся. «Да разве новой костюмированной личности еще под силу привлечь к себе внимание в этом городе?» В последнее время Нью-Йорк просто кишел супергероями. И все же, если бы один из местных заметил его, одного из наиболее знакомых, если не повсеместно любимых, городских супергероев, это вызвало бы привычный ажиотаж.

Спрятанные за тесно прилегающей к лицу маской губы расплылись в улыбке. Затем Человек-Паук выскользнул из квартиры, прилип к стене и практически бесшумно прикрыл за собой окно.

Осторожно, как и всегда, стенолаз завернул за угол здания – они жили в угловой квартире – и добрался до окна спальни. Оно оказалось открыто в надежде на прохладный ветерок. Человек-Паук заглянул внутрь и легонько постучал по створке. Внутри, возле стоящей у дальней стены кровати, горела лампа для чтения. Мэри Джейн подняла взгляд, увидела его, улыбнулась, пригрозила пальцем и вернулась к чтению. Она уже была на середине книги. «Вот бы она научила меня читать так же быстро», – подумал Паук, пробираясь к заднему фасаду здания, откуда начал подъем на крышу.

Добравшись до нее, он осторожно выглянул из-за парапета. В столь поздний час кровля пустовала: слишком жарко и влажно, так что их соседи, по всей видимости, предпочли воспользоваться преимуществами работающего конди-

ционера и остались дома.

«Не могу их в этом винить», – подумал стенолаз. Совершенно неподходящая ночь, чтобы выбираться наружу да еще в облегающем костюме. Однако у него есть работа, и он не собирается от нее отлынивать.

Примерно в трети квартала от его дома возвышалось высокое офисное здание. Паук выстрелил паутиной. «Ну, поехали», – подумал он и прыгнул в ночь.

У Человека-Паука имелось пять стандартных путей выхода из квартиры, которые он регулярно чередовал как в целях безопасности – нет смысла рисковать возможностью регулярно попадаться кому-то на глаза, ведь этот кто-то мог сделать выводы, – так и чисто интереса ради. Однако безопасность ставилась на первое место: он очень не хотел оказаться в ситуации, когда кто-то выяснит, где он живет, просто проследив за ним до дома.

К сегодняшнему дню передвижение по городу стало для него второй натурой, чем-то, что он делал с легкостью. Тарзан бы не справился лучше, да и потом все лианы Тарзана и так свисали с веток в ожидании его. А Человек-Паук делал свое качающееся оборудование на заказ, по ходу пьесы. Он выстрелил еще одну длинную порцию паутины, перемахнул через улицу Лексингтон, обогнул угол здания Крайслера, запулил паутиной в одного из больших серебристых орлов и забрался по ней на голову изваяния, чтобы осмотреться.

Это была его любимая наблюдательная точка: отсюда от-

крывался отличный вид на центр города и другие достопримечательности. К тому же именно эту голову орла в конце сороковых годов прошлого века оседлала Маргарет Бурк-Уайт¹, делая свою знаменитую серию фотографий нью-йоркских небоскребов с высоты птичьего полета. Паук задержался здесь на мгновение, наслаждаясь бризом – на этой высоте он казался свежее, – и оглядел свой город.

Он был в движении, всегда в движении, как беспокойный и живой организм, его дыхание – мягкий отдаленный рев, от которого Питер никогда не уставал, его пульс скорее видим, чем слышим. «Кровь» задних фонарей течет по золотым, залитым натриевой подсветкой артериям. Белый свет оспаривает дорогу у красного, доносятся звуки автомобильных гудков; периодически раздаются очень тихие и с высоты шестьдесят первого этажа кажущиеся далекими крики, рев поздних самолетов, готовящихся взмыть в ночные небеса со взлетной полосы аэропорта Ла-Гуардия. Свет в миллионах окон. Люди работают допоздна, возвращаются домой, отдыхают, ужинают с друзьями, готовятся ко сну. Те, кто живет и работает здесь, те, кто любят этот город и не могут из него уехать, – именно ради них Человек-Паук каждый вечер выходит в ночную смену.

Точнее, *стал* выходить. Все начиналось совсем не так, но

---

¹ Маргарет Бурк-Уайт (1904–1971) – американский фотограф и журналист. Первая женщина – военный журналист, побывавшая на фронте. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

с той поры его миссия разрослась, как и сам он повзрослел и возмужал. Человек-Паук выдохнул. Хотя он за прошедшее время так и не выработал формальных форм общения с населявшими городские улицы гопниками, информаторами, стукачами и прочим отребьем, до него все равно доходили разные слухи. За последние несколько дней он неоднократно слышал, будто в Вест-Сайде творится какая-то «странная хрень». Ничего более конкретного, просто «странная».

Паук запустил длинную паутину к отелю «Гранд Хаятт», обогнул его и преодолел половину расстояния до Центрального вокзала. Затем запустил еще одну паутину в старое здание компании «Пан Ам», обогнул его и, пользуясь высокими зданиями сороковых улиц, устремился на восток. Добрался до 7-й авеню и свернул в сторону центра. Этому он научился еще в самом начале: если ты куда-то направляешься с помощью паутины, прямой путь не всегда лучший. Более того, он даже не всегда возможен. Никто не станет расставлять достаточно высокие, чтобы от них можно было оттолкнуться, здания по прямой линии до нужного Человеку-Пауку места назначения. Со временем он выучил расположение всех высотных зданий в городе и знал, где их целая россыпь, а где днем с огнем не сыщешь. Паук научился использовать расположение этих кластеров для повышения собственной эффективности. Оказывается, опытный стенолаз способен обигать углы высотных зданий со скоростью, которая компенсирует ему любые потери времени от невозможности прямого

перелета к заданной цели.

Вскоре он оказался посередине двадцатых улиц и несколько замедлился, чтобы оценить обстановку. В такое время в этой части города стояла тишина, напоминая пустыню. Здесь располагались всего пара ресторанов, несколько баров и почти никто не жил, лишь изредка небольшие колонии бездомных разбивали лагерь в одном из неиспользуемых или заброшенных строений. Здесь даже машины почти не ездили. Уличное освещение в лучшем случае можно было назвать ненадежным: фонари погасли или стояли разбитыми – некоторые люди предпочитали заниматься своими делами в темноте. Существование подобных субъектов и стало одной из причин усиленного внимания Паука к этому району – он старался патрулировать его на более или менее регулярной основе. Если оставить все как есть, у «детей ночи» может сформироваться заблуждение, будто эта округа принадлежит им. Поэтому не мешало время от времени напоминать, что у других людей может быть иное мнение на этот счет.

Паук остановился на крыше одного из зданий, осмотрелся и тщательно прислушался.

Ничего. Он запустил еще одну паутину, перемахнул через еще одну улицу и снова принялся ждать, прислушиваясь не только к звукам.

Ничего.

Так продолжалось какое-то время. Не то чтобы он возра-

жал. Иногда Человеку-Пауку выпадала тихая ночка, дающая редкую возможность просто любоваться городом, а не беспокоиться о его сохранности. Проблема заключалась в том, что теперь беспокоиться приходилось куда чаще, чем раньше. Город становился совсем не таким милым, как в его детских воспоминаниях... Тут Паук ухмыльнулся, вспомнив, каким неопрятным и погрязшим в преступности показался ему Манхэттен, когда дядя с тетей впервые привезли его сюда из Квинса. По сравнению с сегодняшним, тот Нью-Йорк из прошлого – не из такого уж и далекого – казался безмятежным воспоминанием, приятным и счастливым местом, где, создавалось впечатление, постоянно сияло солнце.

Теперь все обстояло не так.

Человек-Паук остановился на крыше здания на 10-й Западной улице и снова осмотрелся. Ничего, обычный приглушенный городской шум. Рядом не ощущалось никакого движения, но доносились грохот и вой работающего дизельного мотора грузовика, двигавшегося на север по 10-й авеню, у которого, судя по звуку, были серьезные проблемы с коробкой передач. «Тихая ночь, – подумал Паук, – никакой „странной хрени“ на горизонте. В другой день я был бы счастлив».

И тут его словно ударило.

Питер несколько раз пытался объяснить Мэри Джейн, как работает странное чувство, которое он уже давно начал называть паучьим чутьем. Прежде всего, это довольно простое дело не требовало серьезного анализа. Это был не страх,

а чувство непосредственной угрозы, без каких-либо других эмоций, хороших или плохих. Ты словно бы слышал завывающую позади себя сирену, раздавшуюся тогда, когда точно уверен, что не сделал ничего плохого. Ему казалось, что, если бы паук мог испытывать тревогу, она бы ощущалась именно так. А еще паучье чутье вызывало ощущение, будто тебя колет во всех местах. Прямо как сейчас.

Человек-Паук замер, а затем начал медленно поворачиваться кругом. Паучье чутье редко указывало в определенном направлении, однако если как следует сосредоточиться... Ничего особенного на севере, ничего на юге, а вот на западе...

Паук выстрелил паутину и переметнулся на запад, перемахнув через несколько ветхих с виду крыш. В отличие от домов ближе к центру города, эти пребывали в очевидно плачевном состоянии. В некоторых местах зияли прорехи, где смола, черепица и гравий провалились внутрь... или были прорезаны. «Хотя не похоже, чтобы в округе можно бы разжиться чем-то ценным».

Чутье резко усилилось, так что его стало невозможно игнорировать, словно нерв в сломанном зубе, и указало на одно конкретное здание. Паук едва не пролетел мимо – обычное одноэтажное здание с широкой крышей и световыми люками, которые казались целыми несмотря на то, что большая часть стекол была разбита. Ну хорошо...

Он выпустил еще одну паутину, отлепился от той, на ко-

торой летел, и прыгнул на крышу старого склада. Спустя секунду или две Паук так тихо приземлился, что вряд ли кто-то внутри мог его услышать.

Бесшумно ступая, он подошел к самому пострадавшему световому люку, опустился рядом с ним на корточки, чтобы максимально уменьшить шанс быть замеченным, и заглянул внутрь.

Действительно, очень старое место. Внизу, на полу основного помещения, если это было оно, валялись упавшие или брошенные куски древесины, груды мусора, из протекающей кровли набежали лужи воды. Старые нефтяные бочонки валялись на боку, некоторые из них треснули, и их содержимое растеклось вокруг. По полу были размазаны старые газеты, их краска потускнела и выцвела от времени.

Человек-Паук содрогнулся. Когда-то в очень похожем на этот склад месте он нашел человека, убившего его дядю. Иногда ему казалось, что все случилось давным-давно.

Его жизнь с тех пор стала необычайно насыщенной. Но здесь казалось, будто все случилось буквально вчера. Его воспоминания о том дне угасли до череды кратковременных вспышек. Он на научном факультете в колледже, проводит эксперимент с, как их мягко называли, «радиоактивными лучами». Питер едва не рассмеялся при мысли об этом названии. Потребовались годы исследований, даже доучиться практически до магистра, чтобы он смог понять, что на самом деле случилось в том эксперименте. И теперь Питер

знал: профессор, проводивший эксперимент, также не до конца понимал происходящего. Они не просто генерировали старые добрые гамма-лучи, источник радиации оказался загрязнен необычными элементами и примесями, что в итоге привело к совершенно неожиданным результатам.

Паук незаметно опустился между генерирующими капсулами и оказался облучен. Его ДНК так быстро развернулась и свернулась в новую причудливую конфигурацию, что, прежде чем необратимые изменения в химии тела убили его, паук смог прожить несколько мгновений, достаточных, чтобы укусить человека. Воспоминание застыло в голове Питера словно слайд из презентации: крошечная светящаяся точка падает ему на руку, он испытывает внезапный прилив боли и тепла, когда встречаются соответствующие белки их тел. И состояние, начавшееся как аллергическая реакция, превращается в гораздо более сложное и потенциально смертельное. Если бы не крошечные размеры паука и ничтожное количество яда, Питер не сумел бы выжить. Измененные радиацией белки встретились с обычными, вызвали каталитическое изменение, охватившее тело быстрее, чем это могла сделать простая циркуляция крови. Десять секунд спустя он уже почти в буквальном смысле не был тем же самым человеком.

Еще один слайд-воспоминание: здание, на которое он запрыгнул, испугавшись прозвучавшего позади автомобильного гудка; его руки прилипли к кирпичной кладке словно на-

мазанные клеем, без каких-либо усилий. Труба, которую он случайно раздавил, казалось бы, просто схватившись за нее. Вскоре Питер осознал, *что именно* с ним приключилось, и только после того как спал первоначальный шок, решил использовать это.

Он сделал себе костюм, не желая, чтобы как-то пострадала его тихая домашняя жизнь с тетей Мэй и дядей Беном, и начал появляться на публике. Пресса с удовольствием его поддерживала. Когда на голову парня, которого сверстники считали бесполезным книжным червем, сваливается внезапная слава, это тяжело перенести. Однажды вечером, после того как Питер выступил на телевидении, какой-то мужик протолкнулся мимо него и нырнул в лифт. Преследующий его коп попросил Человека-Паука не дать беглецу ускользнуть. Но Питеру не было дела до беглеца, так что он позволил тому сбежать. Его голова оказалась занята другими делами, запланированными выступлениями и всеми деньгами, которые еще предстояло заработать. Стоит ли тратить время и силы на какого-то жалкого воришку? Не стоит; вот только позднее взломщик, застуканный на месте преступления, от испуга выстрелил и убил его дядю Бена.

Рыдающий, взбешенный Питер натянул на себя костюм и присоединился к преследованию грабителя. Тот спрятался неподалеку, на старом складе. Путиами, недоступными для полиции, Человек-Паук проник внутрь, загнал взломщика в угол, обезоружил его и хорошенько отдубасил... а затем,

ужаснувшись, долго смотрел в лицо человеку, которого однажды не потрудились остановить.

Он по-прежнему видел его словно наяву. Любые другие воспоминания могли милосердно стереться из памяти. Но не это. С той жуткой ночи Человек-Паук усвоил урок: *с большой силой приходит большая ответственность*. Вина в смерти дяди тяжким грузом осела на его совести, и хотя за прошедшие годы ее вес несколько ослаб, Питер сомневался, что когда-нибудь сможет полностью избавиться от нее... да и что вообще хочет этого.

И вот он снова заглянул внутрь склада, готовый ко всему, но не увидел ничего особенного. «Отличный шанс провести испытание, ничуть не хуже других», – подумал Питер, стараясь не шуметь, распаковал камеру и штатив, поставил его возле края люка, проверил направление камеры и убедился, что платформа поворачивается без проблем. Сегодня можно обойтись без вспышки, вместо этого он вставил в камеру катушку новой супербыстрой пленки ASA 6000, которая позволит камере снимать с доступным светом и убережет ее от недружелюбных глаз.

«Ну хорошо, а теперь посмотрим, какую историю скрывает этот склад».

Тихо ступая, он подошел к другому люку-окну и заглянул внутрь. У этого люка сохранилось больше стекла, ограничивающего обзор. Питер протер стекло перчаткой и снова заглянул внутрь. «Ничего».

Человек-Паук направился к третьему люку. У этого, как и у первого, не хватало большей части стекла. Теперь, однако, он кое-что услышал: приглушенные голоса, лязгающие звуки, с которыми переносили что-то тяжелое, скрип металла по металлу. Он заглянул внутрь. Внизу виднелась какая-то размытая форма. Паук прищурился.

На полу склада неподвижно лежал скрючившийся охранник. «Без сознания? Мертв?»

Человек-Паук с треском проломил самую большую стеклянную панель, задержавшись только для того, чтобы выпустить нить паутины, затормозившую его падение. Приземлившись, он огляделся по сторонам и застал четверых мужчин бандитского вида, погружавших большие металлические канистры, похожие на нефтяные бочки, в грузовик, стоящий возле грузовой рампы склада. Мужчины замерли при виде его, их глаза были широко распахнуты, рты открыты – бандиты определенно оказались не готовы к его появлению.

«Ну, не настолько уж не готовы», – подумал Человек-Паук, когда один из них достал пистолет. Но бандит двигался с обычной человеческой скоростью, а его противник обладал паучьими рефлексами. Он выбросил руку вперед и выпустил в стрелка толстую, клейкую струю паутины. Та приклеилась к пистолету, Питер вырвал его и швырнул в горы мусора, купающиеся в тених у противоположной стены склада. Стрелок вскрикнул – похоже, его палец застрял на спус-

ковом крючке, и теперь он стоял, тряся рукой и ругаясь на чем свет стоит.

– Урок тебе на будущее, – сказал Человек-Паук.

В это время остальные бандиты двинулись к нему, и один из них тоже достал пистолет.

– Да бросьте вы, разве не видели, что тут произошло?

Второй бандит выстрелил, и Паук метнулся в сторону, кувыркнулся, выпустил еще одну струю паутины, выхватил второе оружие и зашвырнул его следом за первым.

– Еще желающие?

Первый из четверки кинулся к нему в попытке сократить дистанцию и перейти в рукопашную.

– Ну, раз вы настаиваете, – покорно, но с некоторым удовлетворением вздохнул супергерой.

Паук отошел в сторону, уворачиваясь от стремительного броска врага, и выпустил струю паутины ему в ноги. Клейкая масса обвилась вокруг лодыжек мужчины, и Человек-Паук дернул изо всех сил, помогая бандиту растянуться на полу с наилучшим эффектом. Второй, лишившись оружия, попытался было врезать стенолазу доской, но от волнения ударил мимо. Паук начинал получать удовольствие от происходящего. Он поднял кулак – и не промахнулся. Звук идеального попадания в челюсть, так до странности похожий на звук от бейсбольной биты, идеально отбившей в «хоум-ран», эхом разнесся по складу. Бандит повалился, словно мешок картошки, и больше не вставал.

– Хрупкая челюсть. Это объясняет пристрастие к пистолету, – прокомментировал Паук, когда на него набросился третий бандит.

Этот не стал кидаться сломя голову, а остановился в метре, повернулся и сотворил то, что при нормальных обстоятельствах могло бы сойти за вполне приличный удар ногой с разворота. К сожалению, обстоятельства оказались далеки от нормальных – головорезы всех мастей пытались свалить Человека-Паука такими ударами еще несколько лет назад, когда стали популярны фильмы о кунг-фу. И хотя сам удар был неплох, наносящий его бандит, видимо, никогда не слышал о методах защиты против него. Пауку нужно было лишь сделать шаг назад, а затем схватить так соблазнительно повисшую в воздухе ногу и сильно потянуть на себя. Мужчина потерял равновесие и с размаху рухнул прямо на копчик. Раздался хруст, и незадачливый каратист закричал от боли.

– На твоём месте я бы сделал рентген, – посоветовал Паук, обмотав парня парой слоев паутины прежде, чем тот смог подняться на ноги. – А теперь...

Его чутье резко загудело – сильнее, чем во время первого осмотра склада. Паук изо всех сил прыгнул как можно дальше вправо. И хорошо, поскольку слева от него тут же с оглушительным БУМ! и ослепительной вспышкой что-то взорвалось, повалил густой дым, во все стороны взметнулись грязь и мусор.

Свет и звук казались до ужаса знакомыми: слишком часто

Человеку-Пауку приходилось сталкиваться с ними раньше. «Тыквенная бомба», – подумал он. Паук припал к полу – тело отозвалось слабой болью от воздействия ударной волны, но в целом он не пострадал – и пристально вгляделся в густой дым. Прорвавшись сквозь плотную клубящуюся пелену, на своем фирменном реактивном глайдере – излюбленном средстве передвижения – перед ним появилась оранжево-синяя фигура Хобгоблина.

Рядом с Пауком взорвалась еще одна бомба, он снова метнулся в сторону и затем прыгнул еще раз, уходя из зоны поражения.

– Хобби! – крикнул он. – Ну почему ты не можешь ограничиться играми с обычными фейерверками, как это делают остальные детишки твоего возраста? Подобное антисоциальное поведение наверняка подпортит твою репутацию!

Мерзкий смешок пролетел у Паука над головой; он кувыркнулся и отпрыгнул, чтобы разминуться с энергетическим разрядом из перчатки Хобгоблина.

– Человек-Паук, – произнес злодей своим фальшиво веселым тоном. Кроваво-алые глаза злобно сверкали из-под тени оранжевого капюшона. – Тебе действительно не стоит заниматься вопросами, которые тебя не касаются. Или чем-либо еще кроме организации собственных похорон.

Очередная пара энергетических разрядов пропахала бетон перед Человеком-Пауком, а Хобгоблин продолжал парить у него над головой. Паук отскочил от разрядов и бросил

быстрый взгляд на давешнюю четверку бандитов. Они уже начали постепенно приходить в себя, а те, кто был опутан паутиной, пытались высвободиться. «Как нехорошо. – Человек-Паук взглянул на грузовик. – Все может пойти совсем не по плану. Мне нужно поставить паучий маячок на эту...» Еще одна тыквенная бомба просвистела мимо него, и снова паучье чутье вовремя предупредило его, он отскочил в сторону – но недостаточно далеко. Ударная волна подтолкнула его в спину.

– Хобби! – закричал Паук. – Я ждал от тебя чего-то лучше. Сколько таких штучек ты уже бросил в меня за все это время? И до сих пор никакого результата!

– Мне достаточно попасть один раз, – произнес Хобгоблин сквозь завывания реактивного глайдера, – но раз уж ты настаиваешь...

И немедленно на Паука посыпался целый ливень из острых электронных «летучих мышей» – и летали они в опасной близости к супергерою. Блеск их краев скрывала темнота, но Человек-Паук уже имел возможность внимательно изучить эти по-настоящему мерзкие маленькие устройства – легкие графитовые и монакриловые «крылья» с отдельными миниатюрными системами наведения и острыми как бритва краями. «И кто меня за язык тянул», – подумал Паук, сопротивляясь желанию разогнать жужжащий вокруг него рой – «мыши» в мгновение ока могли оттяпать ему палец, а то и всю руку. Он пригнулся и, как можно быстрее укатившись

с их пути, спрятался за парой канистр в надежде запутать «мышей-с-лезвиями».

– Так лучше? – сладким тоном поинтересовался Хобгоблин.

Паук, стремившийся избежать внимания атакующих его устройств, не ответил, но рискнул взглянуть вверх. «Он прилетел сюда через световой люк. Интересно, засняла ли его камера? Что ж, это мы выясним. А пока надо убрать его отсюда. У него и так слишком большое преимущество в скорости, и в помещении я буду легкой мишенью. На открытом пространстве у меня больше шансов его скрутить».

Человек-Паук пустил струю паутины в край светового люка по соседству с камерой и забрался вверх на максимально возможной скорости.

– Трус! А ну, вернись! – прокрипел ему вслед Хобгоблин.

Оказавшись на улице, Паучок огляделся по сторонам. Сразу несколько зданий в этом и соседнем квартале тянулись вверх больше чем на десять этажей. Он выстрелил паутиной в ближайшее строение и быстро метнулся следом. И к своему величайшему удовлетворению, услышал, как камера за его спиной щелкает, меняет позицию и снова щелкает. «Хорошая девочка. Просто продолжай в том же духе».

Хобгоблин, стоя на глайдере, вылетел через световой люк, не заметив фотоаппарата. «Что бы ни случилось, – подумал Паук с несколько пугающей радостью, – эти снимки станут бомбой».

Яркий, громоподобный взрыв рядом напомнил Паучку: сейчас его должны заботить более насущные взрывчатые вещества. «Мне нужно лишь держаться подальше от бомб достаточно долго, чтобы успеть выдернуть из-под него эти санки».

Но для этого Человеку-Пауку необходимо было закрепиться в максимально выигрышной позиции, в идеале, ему пригодилась бы ловушка, в которую без раздумий влетит Хобгоблин. На создание такой времени не хватало. «И все же, – подумал Паучок, – шанс есть. Вот эти два дома стоят довольно близко». Он завернул за угол здания, к которому крепилась его паутина, но вместо того чтобы выстрелить в сторону следующего здания и продолжить лететь, Паук притянул себя к стене и прижался. Хобгоблин промчался мимо и улетел дальше вперед, по всей видимости, предположив, что и Паучок поступил так же. «Отлично. Вечно он излишне горячится».

Теперь Паук вернулся туда, откуда прилетел, выстрелил несколько струй паутины в соседнее здание, почувствовал, что они надежно закрепились, затем опустил пониже и выпустил еще несколько паутин. В темноте они оказались почти не видны. «Теперь от меня требуется лишь промчаться здесь с Хобби на хвосте, и одна из них угодит ему точно в грудь и сбросит с этого глайдера».

Человек-Паук поспешил взобраться по стене здания, огляделся по сторонам, но ничего не увидел. «Хорошо». Он

прикрепил еще одну нить паутины, принялся ждать...

...и внезапно услышал вокруг себя знакомый гул. «Мыши-с-лезвиями» последовали за ним со склада.

Паук без промедления спрыгнул со стены и на полной скорости помчался прочь, в надежде сбросить с хвоста «мышей» пронесшись в опасной близости от стены следующего здания. Несколько преследовательниц врезались в стену, и вниз хлынул град из осколков графита. Но остальные продолжали лететь за ним, а одна «мышь» подобралась совсем близко и впилась ему в ногу. Паучку удалось отшвырнуть ее в стену ближайшего здания, но теперь в его ноге зияла рана длиной в пять сантиметров, не глубокая, но обильно кровоточащая. «Вот тебе и прекрасная идея», – подумал Человек-Паук и пальнул паутиной в ту сторону, где парящий Хобгоблин наблюдал за весельем и истерически хохотал.

– Да, вся эта затея просто смех, не правда ли? Давай проверим, будет ли так смешно и дальше?! – крикнул Паучок и помчался прямо на противника, не обращая внимания на энергетические разряды и тыквенные бомбы. Даже у Хобгоблина найдутся причины понервничать, если замаячит перспектива попасть внутрь облака собственных «летающих бритв». И действительно, суперзлодей отступил, из всех сил отбиваясь бомбами и энергетическими разрядами. Паучок мрачно улыбнулся под маской, заметив, что его враг полетел прямо туда, в пространство между двумя зданиями, где он растянул свою паутину... Затем, совершенно не ожи-

данно, Хобгоблин резко развернулся, его плащ взметнулся позади него, и швырнул тыквенную бомбу прямым в Человека-Паука. Угодив под обстрел, тот оказался не в состоянии увернуться, и бомба устремилась прямо ему в лицо.

Паучок упал. Его спас только инстинкт паучьего самосохранения: струя паутины вырвалась из его запястья, приклеилась к краю ближайшего здания и замедлила скорость, с которой он летел к крыше старого склада. Но этого не хватило, чтобы смягчить падение. Паук тяжело рухнул на крышу и остался лежать, в глазах его потемнело, а мир покачнулся.

«Я мертв, – подумал он, – точно мертв. Или вот-вот умру».

Он мог слышать лишь завывание глайдера, зависшего в воздухе над ним, мог видеть лишь, как разлетаются по сторонам кусочки попавшего под струю реактивных двигателей гравия. Он знал, что Хобгоблин склонился над ним.

– Все это неважно, – сказал Хобби и рассмеялся, на этот раз уже не так истерически. У этого смеха была цель, довольно мерзкая – в нем слышалось искреннее наслаждение. – Прямо сейчас ты, несмотря на все остроумие, хотел бы никогда в жизни не слышать обо мне. А вскоре весь город пожалеет о моем существовании. – Еще один приступ смеха. – Подожди и увидишь.

Смех затих вдали вместе со звуками глайдера. Человек-Паук лишь краем уха уловил, как Хобгоблин разносит своих подчиненных на складе, приказывая им пошеве-

ливаться, привести себя в порядок, загрузить грузовик и убраться отсюда подальше. Должно быть, после этого он ненадолго отключился, поскольку следующее, что он услышал – это звук удаляющегося вдаль грузовика, растворяющийся в величественном океане городских шумов.

Прошло какое-то время, прежде чем он смог подняться. «Щелк, вжик, щелк, вжик», – услышал он какой-то шум. Камера. Ее линзы отслеживали его движения. Движения одного очень оглушенного и побитого Человека-Паука, который, шатаясь, держась за голову и постанывая, приближался к камере. «Щелк, вжик», – пропела камера. И замолчала. Кончилась пленка.

Паучок тяжело плюхнулся рядышком, взял фотоаппарат и спустя мгновение нажал на маленькую кнопчку перемотки пленки. «По крайней мере, это сработало, – подумал он. – Но теперь я никогда не выясню, что здесь происходило. У меня даже не было времени установить маячок на этот грузовик. Ладно... готов поспорить, мы скоро обо всем узнаем. Что бы это ни было, это что-то крупное... в противном случае Хобби бы в это не ввязался.

А мне тем временем лучше вернуться домой».

«В ЭФИРЕ радиостанция WGN. В Нью-Йорке час сорок пять ночи. Температура воздуха двадцать девять градусов по Цельсию выше нуля, на улице легкий ветерок. Похоже, завтра все станет еще хуже. Наш крайне точный прогноз погоды обещает туманную, жаркую и влажную погоду на ближайшие дни, ожидается, что завтра столбик термометра поднимется до тридцати пяти градусов с ожидаемой влажностью девяносто два процента».

– Да выключи ты уже эту штуку бога ради, – слышался чей-то усталый голос.

Гарри вздохнул, потянулся к приемнику и уменьшил громкость.

– Не могу заснуть, не послушав новости, – ответил он, ворочаясь на тонком, изрядно сплюсненном спальном мешке.

Его спутник, наполовину спрятавшийся в картонной коробке, обернутой выброшенными одеялами Армии спасения и многочисленными чередующимися слоями газет и одежды, фыркнул.

– А я не могу спать с новостями! Почему бы тебе не воспользоваться наушниками, раз уж они у тебя есть? Боже правый! – И он беспокойно заерзал внутри своей коробки.

Гарри что-то согласно пробурчал и начал в темноте ко-

паться в вещах в поисках маленькой коробочки, в которой хранились наушники для транзисторного радио. Звук эхом разносился по пустому старому складу: других источников шума здесь не было. И все же Гарри, несмотря на жару, надел на себя почти всю свою одежду. Никогда не знаешь, кто... или что... будет ползать кругом. Лучше заранее позаботиться о защите и хранить те немногие пожитки, что еще остались, как можно ближе к себе.

Они с Майком ночевали здесь уже около недели: забрались через служебный вход в переулке – дверь вела к одному из грузовых лифтов, на которых, когда это здание функционировало, опускали на склад ящики и коробки. Этот конкретный лифт по назначению не использовали уже много лет. Немного магии с ломиком, который Майк таскал с собой для самообороны, – и вот они уже внутри. Они сумели протиснуться на нижний этаж, а затем поднялись по осыпающейся лестнице на складской уровень.

«Их» склад оказался новее некоторых из окружающих зданий. Похоже, его построили в конце сороковых или начале пятидесятих годов, когда эту часть города охватил промышленный бум. По общему виду помещения Гарри предположил, что оно пустовало примерно лет десять. По крайней мере, оно выглядело так, будто никто не чистил или не поддерживал его в порядке в течение именно такого периода времени. Весь пол оказался усеян кусочками отвалившейся краски и осыпавшейся штукатурки, большая часть бло-

кирующих свет элементов, наклеенных на стеклянные окна, давно отслоилась. В некоторых местах светившее без устали солнце обожгло стекло до прозрачного блеска. У одной стены стояли большие старые пыльные бочки, по всей видимости, забытые предыдущим владельцем здания, ну, или нынешним, кем бы они ни были.

Они не увидели никаких признаков того, что этим местом пользовался кто-то еще – весьма необычно для этого района. Здесь повсюду рыскали скваттеры и бродяги, ищущие место для ночлега на ближайшую ночь, или на пять, или на десять. Незаселенное, это здание оказалось настоящим сокровищем, секретом, который Гарри и Майк держали при себе и никогда не обсуждали в течение дня, когда выходили на улицу, копались в мусоре и попрошайничали.

– Представь, сколько еды ты бы смог купить на деньги, которые тратишь на батарейки для этой штуки, – пробормотал Майк.

Гарри фыркнул. Его друг был всецело сосредоточен на поисках еды. Что бы ни говорили о Майке, он точно не голодал. Но собеседник из него получился никудышный. Гарри, с другой стороны, хоть и не имел своего дома, любил знать обо всем, что происходило вокруг. Он же не навсегда останется нищим... по крайней мере, ему нравилось себя в этом убеждать.

В то же время было сложно представить, как он сможет выбраться из той ямы, в которую рухнул два года назад.

Сокращения в «Беринг Аэроспейс» оставили его, опытного авиамеханика, на улице, и он не смог получить работу даже в «Макдональдсе», потому что они сочли его слишком старым и слишком квалифицированным.

По крайней мере, ему не нужно было содержать семью, он так и не женился. Так что, когда у Гарри закончились сбережения и он потерял свою квартиру, рядом не оказалось никого, кто испытывал бы к нему жалость или стыд за него. Он и сам с этим отлично справлялся, стремясь сохранить те капли гордости, какие мог себе позволить. Как минимум раз в неделю Гарри ходил мыться в отделения Армии спасения и обращался к различным благотворительным организациям, кормивших бездомных, только тогда, когда у него не было другого выбора. А самое главное, он изо всех сил пытался не отчаиваться. Старался питаться настолько хорошо, насколько возможно, и не фаст-фудом. Когда появлялись деньги, Гарри покупал свежие овощи и фрукты. В то время как остальные рылись в мусорных баках исключительно в поисках недоеденных бургеров, он, когда его не отвлекал бурчащий желудок, вполне мог заинтересоваться чем-то из прессы, например иностранной газетой или журналом. И, как справедливо сетовал Майк, были ночи, когда Гарри решал обойтись без еды, чтобы купить батарейки для своего приемника. Маленькое радио принадлежало ему с детства: отец подарил ему один из первых транзисторных радиоприемников. Он уже еле дышал, но Гарри отказывался выбрасы-

вать его до тех пор, пока тот сам не сломается. В какой-то мере транзистор оставался последней ниточкой, соединявшей его со старой жизнью, а заодно и со всем остальным миром.

Гарри вставил наушники в разъем и принялся слушать.

«Гонконгская инвестиционная группа близка к заключению сделки со „Старк Индастриз“ стоимостью три миллиарда долларов на финансирование строительства жилого комплекса возле реки Гудзон, где застройщики некогда планировали возвести Телевизионный город. План создания огромного медиацентра на участке между 59-й и 72-й улицами провалился почти десять лет назад, когда городские архитекторы и местные активисты окрестили его левиафаном, который перегрузит инфраструктуру и исчерпает ресурсы района. Считается, что задумку Старка по возведению в этом районе жилья для малоимущих встретят с гораздо большим одобрением...»

– Я все еще слышу эту хреновину, – громко сказал Майк, – ты не можешь ее просто выключить?

Гарри очень сильно хотелось посоветовать своему товарищу обернуть вокруг головы подушку и заткнуться. Они стали ночевать здесь шесть дней назад, и постоянные жалобы Майка начинали действовать Гарри на нервы. Но он ничего не мог с этим поделать. Майк был подлецом и отморозком, и Гарри знал, что, если он попытается выгнать напарника отсюда, тот обязательно разболтает об этом месте всем, и

вскоре склад забьется разными людьми, которые будут толпиться, воровать друг у друга, напиваться дешевым алкоголем, обдалбываться наркотой, в общем, сделают пребывание здесь куда менее приятным, чем сейчас. Поэтому Гарри убавил громкость приемника до минимально возможной и продолжил слушать новости.

«Окружной прокурор Тауэр заявил о намерении баллотироваться на очередной срок. Он сослался на свой превосходный послужной список и жесткость по отношению к преступникам со сверхспособностями. Ожидается, что Тауэр будет единственным кандидатом на эту должность...»

Гарри ждал, когда Майк снова начнет бурчать, но тот пока молчал. В конце новостного выпуска ведущий произнес: *«...и если у вас есть подходящий сюжет, звоните 212-555-1212. Автор лучшей новости недели получит пятьдесят долларов».*

Гарри зевнул. Он знал упомянутый номер наизусть, но шансы увидеть нечто достойное стать новостью для радиостанции считал мизерными.

– Я больше не могу, – простонал Майк, – я все еще его слышу!

Гарри открыл было рот, чтобы сказать «Да ты спятил!», а затем захлопнул его. Он знал, Майка недавно выписали из клиники Пэйна Уитни² в противоположной части горо-

---

² Клиника Пэйна Уитни – психиатрическая клиника в Верхнем Ист-Сайде

да. Точнее, он сам себя выписал после того, как его доставили туда в полубезумном состоянии – Майк перебрал с тем, что на поверку оказалось плохой выпивкой... а возможно, и «Стерно»³. В любом случае, Майк трое суток пользовался доступом к хорошей еде и гигиеническим принадлежностям, после чего сбежал. «Пришлось уйти, – объяснил он, когда Гарри снова встретил его на улицах, – они все время с тобой разговаривают. Ни на минуту не затыкаются. Я бы точно там свихнулся. А еще у них крысы в стенах бегают».

Сам Гарри верил в обратное. Он не был экспертом, но полагал, что Майк порой слышал и видел вещи, которых на самом деле не существовало. Его жалобы насчет радио, скорее всего, относились к той же категории.

– Я не могу убавить звук еще больше, – произнес он.

– Тогда ты просто скотина, вот ты кто, – негромко сказал Майк, – просто скотина.

Он выполз из своей коробки и стряхнул с себя два или три верхних слоя обмоток.

Гарри настороженно наблюдал за ним, гадая, не собирается ли Майк снова полезть в драку, как пару ночей назад, когда ему втемяшилось в голову, будто Гарри всю ночь бубнил себе что-то под нос. Это оказалась скорее жалкая попытка, чем настоящая драка, и все же окончилась она тем, что Майк

Манхэттена.

³ *Стерно* – популярный бренд денатурированного, технического спирта, которым часто пользуются (и травятся) бездомные, алкоголики и прочие неблагополучные слои населения.

демонстративно перенес свои пожитки на противоположную сторону склада, всем своим видом показывая: таким образом он наказывает Гарри за плохое поведение.

– Я не могу больше выносить этот шум, – произнес Майк, – я буду спать там.

И снова он принялся перетаскивать к стоящим у стены бочкам свою коробку и набитые разнообразным барахлом сумки, по одной за раз, нарочито показывая, сколько усилий и проблем создает ему эта ситуация. Между Майком и Гарри образовалась дистанция по меньшей мере в пятнадцать метров. Но Гарри этому даже радовался – вшам теперь придется топтать гораздо дальше.

Перетащив свои пожитки, Майк приступил к достаточно трудоемкому процессу обратного заматывания в лохмотья и залезания в постель. Дождавшись, пока Майк закончит, Гарри с легким оттенком иронии в голосе прокричал:

– А теперь ты что-нибудь слышишь?

– Ничего, кроме звука из твоего огромного рта, – спустя мгновение донеслось в ответ.

Гарри смиренно приподнял брови и вернулся к прослушиванию радио.

«Аминокислоту впервые обнаружили в больших галактических облаках. По словам исследователей, это доказывает, что одна из важнейших молекул, необходимых для возникновения жизни, может существовать в глубоком космосе. Янти Мяо и Йи-

*Джонс Кнан из Иллинойского университета сообщили
во вторник на научной конференции „Урбана“...»*

– Эй, – раздался с противоположной стороны склада голос Майка, – я что-то слышу!

«Боже, – подумал Гарри, – я уже почти заснул».

– Что?

– Не знаю. Там что-то за стеной... какой-то грохот.

Гарри закатил глаза – такое было не впервые. Что-то барабанит по стенам, крысы или какие-то еще создания бегают по крыше...

– Боже правый, Майк, просто оберни голову подушкой или придумай другой способ. Оно уйдет!

– Нет, не уйдет! – ответил Майк с почти что довольной уверенностью. – В клинике никуда не ушло.

Гарри вздохнул.

– Слушай, просто ляг уже и спи.

– Оно все еще там, – возразил Майк, – грохочет!

Невообразимо уставший Гарри вынул из ушей затычки и прислушался.

Бамс.

Очень тихий, но определенно реальный звук.

– На этот раз ты прав, Майк, – мягко произнес он.

Бамс. И определенно что-то тяжелое, раз он услышал это через весь этаж.

Бамс.

– И какая чертовщина может быть в такое время ночи? –

поинтересовался он.

Они лежали на противоположных сторонах склада, вглядываясь в почти крошечную темноту и прислушиваясь. В высоко расположенные окна проникал лишь слабый золотой свет – отражение уличных фонарей с соседней улицы. Он коротко блеснул в их глазах, когда товарищи по несчастью повернулись и взглянули друг на друга.

А затем воцарилась тишина – никаких больше «бамс».

– А-а, наверное, просто кто-то что-то разгружал, – спустя какое-то время произнес Гарри, – может быть, в 7-Eleven⁴ в соседнем квартале поздняя поставка пришла.

Майк застонал. Затем еще раз, и Гарри внезапно осознал: стонет вовсе не он. Звук исходил от самой стены. Долгий, медленный, напряженный звук... возможно, металла? Он уставился на источник.

В темноте глазам свойственно обманывать, поэтому поначалу Гарри попросту не поверил тому, что увидел. Стена возле канистр клонилась к ним, вытягивалась, будто сделанная из гибкого материала; казалось, кто-то давил на нее с другой стороны. Затем вся стена как будто осела, превратившись в порошок, и словно стекла вниз, наклоняясь все дальше внутрь...

А затем с ужасным грохочущим лязгом несколько больших бочек оторвались от стены... оказались оторваны тем, что пыталось пробраться сквозь стену, толкало их... самые

---

⁴ 7-Eleven – крупная международная сеть небольших розничных магазинов.

нижние упали на пол и покатались. Другая бочка, стоящая повыше, покачнулась, наклонилась, затем рухнула и треснула.

Она упала прямо на картонную коробку, в которой спал Майк. При первом же жутком шуме, донесшимся от стены, он выскочил наружу и благополучно избежал попадания под канистру, но не избежал ее содержимого, которым его обильно окатило при падении. Какой-то металлический химический запах наполнил воздух.

Майк встряхнулся и принялся прыгать кругом и размахивать руками, ругаясь на чем свет стоит...

– Какого черта, это что еще за...

Последняя из бочек рухнула и покаталась прочь, заглушая его ругательства. А затем что-то прыгнуло сквозь дыру в стене.

Гарри взглянул на это что-то и сглотнул... а затем сглотнул еще раз, поскольку его рот мгновенно превратился в пустыню – проглатывать стало нечего. Стоящая в складских тенях тварь казалась чернее темноты вокруг. Тот блеклый свет, который еще оставался в помещении, просто исчезал словно в черной дыре, стоило ему упасть на эту фигуру. По форме она напоминала человека, большого, мощного, с огромными бледными глазами...

Майк все еще размахивал руками, прыгал и ругался, поэтому не сразу заметил появившееся нечто. Гарри изо всех сил старался не двигаться и не шуметь в своем спальном

мешке. Может, сейчас у него и не было телевизора, но он часто смотрел на светящиеся экраны, когда проходил мимо магазинов электроники. И Гарри узнал эту жуткую фигуру, наполовину человека, наполовину бог знает что, – последнее время она мелькала в новостях довольно часто. И тут наконец взбешенный Майк заметил пришельца и двинулся на него, грозя кулаками.

Существо не обратило внимания на Майка. Оно присело на корточки, словно какое-то странное животное. Из огромной зубастой пасти высунулся жутко длинный язык, широкий, цепкий и слюнявый, и начал слизывать вещество, выплеснувшееся из треснувшей бочки. Майк бросился на существо, безумно размахивая руками, словно собирался отпугнуть бродячую собаку.

Несколько мгновений пришелец его не замечал. Гарри лежал совершенно неподвижно, он весь вспотел, а кровь бешено стучала в ушах. Черное существо продолжало лакать своим огромным змеиным языком, и казалось, будто его огромная клыкастая пасть расплылась в улыбке.

Но Майк так далеко зашел в своем раздражении и паранойе, что подскочил прямо к существу и пнул его.

И тогда оно его заметило.

Сначала внимания удостоилась нога Майка. Огромный язык обвился вокруг нее и принялся скользить вверх и вниз, словно хотел досуха слизать окатившую Майка жидкость. Бездомный подпрыгнул, взревел от злости и раздражения и

ударил темную фигуру.

Тогда существо взревело само, на куда более высокой ноте, чем Майк, и набросилось на своего обидчика.

Потребовалось не так много времени, чтобы существо опробовало на Майке свои зубы. Гарри лежал, парализованный настоящим ужасом, а не только страхом за самого себя. В конце концов крики прекратились; черное существо оторвало последние заинтересовавшие его куски и отбросило в сторону жуткое нечто, бывшее некогда Майком.

Затем пришелец вернулся к процессу питья, такому естественному и благочинному, словно обычный зверь пришел на водопой в саванне. Он слизывал каждую каплю пролитой жидкости, не брезгуя и кровью.

А затем существо поднялось на ноги и вдумчиво, как человек, огляделось по сторонам своими огромными бледными сверкающими глазами.

Его взгляд упал на Гарри.

Не в силах отвести глаз, тот так и застыл в своем спальном мешке, из разинутого от шока рта стекала струйка слюны.

Пришелец отвернулся, обвинил своими чудовищными щупальцами несколько бочек и, без труда запрыгнув в дыру в стене, удалился в полной тишине.

Ушел.

Прошло еще очень, очень много времени, прежде чем Гарри смог пошевелиться. А когда он таки двинулся, потребовалось не меньше времени, прежде чем он сумел встать.

А когда он таки встал, то долго еще стоял на одном месте, трясаясь словно старый парализованный бродяга.

Затем, очень осторожно, огибая все еще влажные пятна и лежащие на полу останки Майка, Гарри выбрался через проделанную монстром дыру в стене и пошел на улицу, нащупывая в кармане четвертак, необходимый для того, чтобы позвонить на радиостанцию и забрать свои пятьдесят долларов.

В ЭТОТ РАЗ Человек-Паук лежал после драки гораздо дольше обычного. Сначала он осмотрел камеру, вытащил пленку и спрятал ее в костюме, а затем осознал, что чувствует себя неважно. Он сел, начал глубоко дышать и изо всех сил старался удержать позывы к рвоте. Ничего особенного – реакция всегда настигала его позже, порой более сильная.

Наконец, Паучок решил: ему уже и правда пора. Он направился к дому, стараясь не спешить и не перенапрягаться. Все его тело словно превратилось в один гигантский синяк, и несколько раз ему приходилось останавливаться и отчаянно моргать, чтобы перед глазами перестало плыть. Паук задумался, не наградила ли тыквенная бомба его еще и сотрясением. «Думаю, все-таки нет, – подумал он, – в конце концов, я же не отключался». Какое облегчение. Обращение в отделение неотложной помощи в качестве амбулаторного

пациента супергерою, хранящему тайну личности, особенно в вопросах, касающихся медицинской страховки, сулило определенные осложнения.

Электронные часы на здании банка возле его дома показывали 4:02 – две лампочки перегорели – и двадцать семь градусов тепла. «Боже, ну и жара...» Одно лишь радовало – пока он добирался до дома, в городе все было милосердно тихо.

Чувствуя себя смертельно усталым, Человек-Паук забрался по стене к своей квартире, стараясь избегать окон на четвертом этаже – они принадлежали двум медсестрам, всю весну и лето работавшим в ночную смену, – и жилья мусорщика на третьем – тот вечно просыпался не позже половины пятого.

Окно спальни Паркеров находилось в том же положении, в котором он его оставил. Питер толкнул створку, осторожно перелез через подоконник и закрыл за собой окно. Свет не горел. Он взглянул на кровать. Под одеялом свернулась калачиком знакомая фигурка. Питер с любовью взглянул на жену и уже собирался было идти в ванную, но тут Мэри Джейн пошевелилась и произнесла:

– Поздно ты сегодня.

– Позже, чем планировал, – ответил он, устало снимая маску, – это уж точно.

ЭмДжей села на постели и включила свет. Судя по ее виду, она вообще не спала.

– Прости, – сказал Питер, зная: она действительно не спала.

Мэри Джейн зевнула, наклонилась вперед и улыбнулась:
– По крайней мере, ты вернулся.

Тема «ночной работы» и его необходимости вечно рисковать собой, лазая по стенам во имя блага всего общества, служила источником постоянного беспокойства Мэри Джейн. Прежде чем их отношения перешли на серьезный уровень, Питер довольно долго считал, что костюмированный боец с преступностью не может иметь постоянных отношений с кем-либо, поскольку это по умолчанию подвергнет его партнершу риску. Это не удерживало его от мимолетных отношений как с супергероями, так и с обычными смертными – обстоятельство, на которое Мэри Джейн быстро указывала всякий раз, как всплывала эта тема. Также она не забывала отмечать: существовали другие костюмированные борцы с преступностью и супергерои, которые тем не менее были счастливо женаты и вели относительно нормальную семейную жизнь несмотря на то, что об их альтернативных личностях все знали. Этой информацией он сам же с ней и поделился. И ЭмДжей не видела причин, по которым у них не могло бы получиться то же самое. «Все, что тебе нужно сделать, – повторяла она в такие моменты, – это перестать беспокоиться».

Сейчас Мэри Джейн, конечно, ничего не сказала об этих беседах, хотя воспоминание о них явно всплывало у нее пе-

ред глазами.

– Ты попал в новости.

– Правда? – Питер моргнул и стянул через голову костюм. – Быстро они. Не видел там ни одного репортера перед тем, как ушел...

– Ага. Ты попал на WNN.

– Что? – Это его озадачило. – Должно быть, скудная на новости ночка выдалась, – пробормотал Питер, – и все равно я не понимаю, как они умудрились разузнать о произошедшем.

ЭмДжей ласково рассмеялась, но в ее голосе проскользнули тревожные нотки. Она встала с кровати.

– Надо же, да ты, я смотрю, пресытился своей жизнью. После того что творилось в этом городе последние несколько лет, возвращение Венома едва ли можно счесть скудной на новости ночкой...

– Что?

Смех ЭмДжей стал еще более нервным. Она обернулась и нащупала в полумраке ночную рубашку, оставленную на кресле.

– Веном, – произнесла она, а затем взглянула на мужа. И от изумления открыла рот. – Я подумала... – Она помолчала секунду. – Ты сражался не с ним?

– Вообще-то, с Хобгоблином.

Но теперь его голова закружилась.

Мэри Джейн сверлила его взглядом.

– Как я и сказала, это было в новостях. Говорят, его видели в центре города, на складе. Произошло убийство, и затем он сбежал... по-моему, они упомянули радиоактивные отходы.

– Кого убили?

Она покачала головой.

– Какого-то бездомного.

Питер недоумевал.

– Не похоже на Венома, – заметил он. – Радиоактивные отходы? На кой они ему сдались? Что касается убийства бездомного, – он тоже покачал головой, – это похоже на него еще меньше.

Питер протянул жене верх костюма.

– Когда ты задержался, я решила... – Она опустила взгляд и сморщила нос. – Это может подождать, – решительно произнесла ЭмДжей. – Лучше постираю твой костюм. – Отведя от себя «униформу» мужа как можно дальше, Мэри Джейн смерила его скептическим взглядом. – И я думаю, Питер, тебе стоит сменить свой дезодорант. Фу-у-у!

– Тебе повезло не провести такую ночь, как мне, – сказал Питер, – за что ты должна меня благодарить.

– Каждую минуту каждого дня, – ответила она, скривив рот. – Ты никогда не думал о том, чтобы сделать летнюю версию костюма? В этом тебе вряд ли комфортно в такую погоду.

– Эта идея приходила мне на ум, – признал Питер, – в

любую свободную минуту, какая мне только выдавалась, но ты же знаешь, как нелегко найти подходящего портного.

Мэри Джейн скорчила гримасу, затем улыбнулась и отвернулась.

– В общем, я просто постираю его, – сказала она, – ты купил вчера стиральный порошок?

– Вот черт, забыл.

– Что ж, придется обойтись жидкостью для мытья посуды. Не забудь купить его сегодня.

– Да, госпожа.

– Ты все вытащил из карманов? Все свои маленькие паучьи устройства?

– Ага.

ЭмДжей оценила абстрактное выражение его лица и, улыбнувшись, вручила костюм ему обратно.

– Лучше сам проверь... я никогда не смогу отыскать все потайные карманы. Этот костюм еще хуже твоего жилета фотожурналиста.

Питер послушно взял верхнюю часть костюма и вынул из карманов несколько паучьих датчиков и немного мелочи. Затем стянул низ и тоже вручил его жене.

– Иди в ванну, тигр, – велела Мэри Джейн, снова отворачиваясь. – Тебе не мешает немного отмокнуть, чтобы расслабиться.

– И чтобы меня снова впустили в человеческое общество? – прокричал он ей вслед.

В ответ Питер услышал слегка приглушенный смех.

– Когда закончишь, – сказала ЭмДжей, – можешь включить WNN. Там наверняка будут повторы.

Питер вздохнул, достал из шкафчика полотенце и пошел в ванную.

Веном. Который должен быть в Сан-Франциско. Подобные неожиданности были в его жизненном стиле.

С другой стороны, внезапное появление Ведома не обязательно стало неожиданностью. В прошлом всякий раз, стоило Питеру только подумать, что он наконец избавился от Эдди Брока, человека, превратившегося в Венома, как тот снова появлялся.

И, погрузившись в свои мысли и не глядя под ноги, Питер споткнулся о порожек ванной, быстрый кувырок в сторону помешал ему разбить голову о раковину, и растянулся на кафельном полу.

– Ты в порядке? – донесся из кухни взволнованный голос. Мэри Джейн заполняла большую раковину, чтобы замочить в ней паучий костюм.

– Если под «порядком» ты подразумеваешь лежание на полу в туалете в обществе щеток и чистящих средств, тогда да...

В коридоре послышались шаги Мэри Джейн, и Питер начал вставать.

– Ты что, упал? – озадаченно поинтересовалась жена. – А вот это уже не в твоём стиле.

– Нет, – ответил Питер, поднимаясь на ноги и потирая ушибленный локоть. – Нет, не в моем. С тех пор как...

И тут он осекся. Укус паука наградил его пропорциональной силой паука и нечеловеческой ловкостью, а паучье чутье всегда помогало, предупреждая обо всех несчастьях, которые могли произойти, о необычных опасностях, поджидавших его, и даже о совершенно рутинных неприятностях наподобие падений и столкновений с другими людьми. Теперь же это предчувствие просто пропало. Затем Питер вспомнил: паучье чутье не предупредило его и тогда, когда Хобгоблин швырнул в него свою последнюю тыквенную бомбу. А ведь он должен был получить хоть какое-то предостережение. Питер рассеянно потер ребра – те отозвались болью.

– Какое-то время назад, когда я впервые схлестнулся с Хобгоблином, – сказал он, – с Недом, а не с тем, который принял его обличье позднее, он сумел придумать какой-то химический реагент, который каждый раз примерно на день усыплял мое паучье чутье. Раньше он распылял этот реагент в виде газа из тыквенных бомб. Однако сейчас... – Питер наклонился и указал на неглубокий порез на ноге.

– Тебе нужно наложить швы, – озабоченно произнесла ЭмДжей.

– Нет, не нужно. На вид он хуже, чем есть на самом деле. Но он оказался достаточно глубоким, чтобы одна из его «мышей-с-лезвиями» накачала меня приличной дозой антипаучьего вещества, что бы это ни было.

Мэри Джейн взглянула на мужа.

– И как долго это продлится?

Питер пожал плечами.

– Ну, Джейсону Макендейлу далеко до технического гения Неда Лидса. Если бы Нед до сих пор оставался Хобгоблином, у меня имелись бы все основания ожидать намного худшего... по крайней мере, он бы каждый год выкатывал улучшенную версию вещества. Но этот, я думаю, продержится не больше дня.

– Что ж, будь осторожнее, – попросила ЭмДжей. – А теперь лезь в ванну и постарайся не утонуть.

– Да, мамочка, – с иронией пообещал он.

Питер открыл краны, поставил затычку, сел и стал наблюдать за тем, как поднимается вода. Хобгоблин сам по себе представлял проблему, но если добавить в уравнение Венома... если предположить, что новостные сюжеты не врут, то ситуация становилась еще менее приятной.

Хобгоблин умудрялся выделяться даже в городе, битком набитом супергероями с замысловатыми биографиями и жизненными проблемами и суперзлодеями, обладающими целым ворохом травм, историй и проблем, зачастую куда более сложных и запутанных, чем у героев.

Изначально это был совершенно другой злодей, его звали Зеленый Гоблин. Тот невзлюбил Человека-Паука еще в начале его карьеры супергероя и уйму времени посвятил охоте на Гвен Стейси и попыткам превратить жизнь Паука в ад. В

настоящем мире это был Норман Осборн, и оказался он полным психом и одновременно дипломированным гением, обладающим внушительным талантом в областях материаловедения и химической науки. Подобно многим другим суперзлодеям, он выбрал себе тему и с фанатической и даже немного лишенной воображения целеустремленностью придерживался ее, завоевав репутацию в опасном смысле «поехавшего духа Хэллоуина». Зеленый Гоблин носил костюм тролля, дополненный жуткой маской, и разбрасывал во все стороны миниатюрные «тыквенные бомбы», стоя на парящей в воздухе реактивной доске. Он брал у терроризируемого им города все, что хотел, пугал и мучил жителей, как и когда ему было угодно.

Человек-Паук, естественно, был вынужден стать исключением из запуганных горожан, и Зеленый Гоблин сделал исключение ему. Их маленькая личная война длилась очень долго, пока в итоге Осборн не погиб от одного из своих собственных устройств. Но перед смертью он успел погубить Гвен, прежнюю любовь Питера Паркера.

Питер вырвался из мрачных мыслей и оглянулся по сторонам в поисках чего-нибудь ароматического и успокаивающего, что можно было бы положить в теплую ванну. Однако на глаза ему попала лишь большая коробка с ароматической пеной для ванн Victoria's Secret. «Представить не могу, зачем она это покупает», – подумал он. Питер начал обыскивать шкафчики в ванной и наконец отыскал бутылку хвой-

ной эссенции для ванн.

«Зеленая, – подумал он, – она обязательно должна была оказаться зеленой...» Он пожал плечами и налил немного эссенции в ванну, затем уселся обратно и принялся наблюдать за появляющимися пузырьками.

Как только Зеленый Гоблин умер – а Питер, спустя время, смог примириться с собственным горем, – история тут же начала повторяться. Какой-то мелкий бандит наткнулся на одно из множества секретных укрытий Гоблина, продал информацию о его местонахождении другому, более состоятельному, бандиту, и тот нашел в логове новые костюмы, бомбы, энергетические перчатки и даже глайдеры. Он внес кое-какие изменения в запасные костюмы, поменял расцветку – и на свет появился более или менее новый суперзлодей, Хобгоблин.

Хобгоблином оказался репортер по имени Нед Лидс, по иронии судьбы коллега Питера из «Дейли Бьюгл» и муж другой ранней возлюбленной Питера, Бетти Брант. Этот человек, примерив на себя новый облик, начал досаждать супергерою, стараясь чем-нибудь занять его, пока сам разыскивал тайны, хранящиеся в спрятанных дневниках Нормана Осборна. Тайны, среди которых, как боялся Паучок, могла содержаться и информация о его личности – Осборн успел ее выведать. Лидс также смог синтезировать ту странную химическую формулу, которая даровала Зеленому Гоблину его нечеловеческие скорость и силу. Однако репортер проигно-

рировал содержащееся в журналах Осборна предупреждение, что эта формула способна вызвать безумие у человека, который использует ее для достижения максимального физического эффекта.

И, разумеется, она вызвала. Формула превратила Лидса в такого же безумца, каким был Норман Осборн, и в конце концов Нед тоже умер – от рук бандита-конкурента. И тогда все его вооружение, костюм, имидж и безжалостно беспринципная и охочая до денег личность проявилась снова, на этот раз в человеке по имени Джейсон Макендейл. Макендейл охотно превратился в Хобгоблина Номер Два, или, возможно, Два-А. Он решил, что избавиться от Человека-Паука, одного из наиболее активных местных борцов с преступностью, который имел больше всего шансов доставлять злодею регулярные проблемы, будет отличным продолжением традиции.

Питер выключил кран и проверил воду. Идеальная температура. Если осторожно в нее залезть, лечь и не шевелиться, она вымоет из тебя всю боль. Но если, будучи в воде, ты хотя бы чуточку двинешься, она моментально тебя ошпарит. Он забрался в ванну, опустился до уровня пузырьков и ушел в воду почти по нос. «Хобгоблин, – подумал он и вздохнул, – с ним я справлюсь. А вот Веном...»

Питер закрыл глаза и позволил горячей воде делать свою работу. Однако его разум отказывался оставаться спокойным.

Веном относился совершенно к другому классу проблем. Неприятности начались совершенно невинным образом, когда Питера даже не было на планете... Он усмехнулся от того, как буднично это прозвучало в его мыслях. Человек-Паук оказался втянут в войну между супергероями и внеземными силами, устроенной существом, известным как Потусторонний, на самом краю исследованной вселенной на поверхности всеми забытой планеты. В разгар сражения его прежний костюм оказался порван в клочья, а поскольку Паучок был совершенно не из тех супергероев, что чувствовали себя в своей тарелке, сражаясь голыми, он принялся искать замену и наткнулся на машину, которая послушно снабдила его новым костюмом. Да каким... Тонкая, изящная работа – так думал о нем Питер, когда впервые влез в новый костюм, и позднее, в течение Секретных Войн, и даже по возвращении на Землю. Это был не просто костюм, а настоящая мечта каждого супергероя. Иссиня-черный, со стилизованным белым пауком на груди, с графической точки зрения куда более запоминающийся дизайн, чем его красно-синий вариант. Возможно, машина позаимствовала идею рисунка из какого-то потаенного уголка сознания Питера, который считал, будто знает, как хочет выглядеть Человек-Паук.

Но костюм не просто круто выглядел. Он мгновенно реагировал на желания своего владельца. Его даже не нужно было снимать, стоило просто подумать об этом. Костюм мог освобождать рот, чтобы ты поел или поговорил. При одной

мысли мог принимать вид обычной уличной одежды, а в конце трудного рабочего дня просто стекал с тебя и превращался в небольшую лужицу у ног, которую можно было поднять и повесить на спинку кресла, и на следующее утро тебя бы поджидал идеально свежий, чистый и готовый к употреблению костюм.

Он оказался настолько удобен, что в конечном итоге стал немного нервировать Питера. Ему начали сниться странные сны об этом и его старом костюме. В этих снах костюмы боролись за право обладания им, угрожая разорвать его на части. В конечном итоге Питер отнес обновку Риду Ричардсу, наиболее технически подкованному члену Фантастической Четверки, и попросил ее проанализировать.

Питер, мягко говоря, удивился, когда узнал, что носил вовсе не костюм и даже не вещь. Хотя, возможно, он и был кем-то создан, но совершенно точно не являлся просто элементом гардероба. Костюм оказался живым – инопланетным существом, симбиотом, способным соответствовать его физиологии, даже его разуму. С течением времени «костюм» намеревался окончательно слиться с Питером, и они стали бы единым целым.

Питер вздрогнул от ужаса и тут же поморщился – горячая вода обожгла его. Он немного замедлил дыхание, пытаясь сладить с жарой и дискомфортом, который доставляли воспоминания.

Чтобы избавиться от «костюма», пришлось попотеть. Пи-

тер не был готов к настолько постоянным, интенсивным и близким отношениям, он вообще не был готов ни к чему подобному. Риду Ричардсу потребовалось применить весь свой научный гений, чтобы, наконец, снять «костюм» с тела Паркера и подвергнуть дальнейшим исследованиям. Одним из слабых мест симбиота оказалась его уязвимость перед звуками. Он не мог защититься от громких и, в особенности, акцентированных звуков. Но даже избавление от «костюма» не решило всех проблем.

Симбиот желал его, и в его простом сознании накапливался гнев: если ему когда-нибудь удастся сбежать из заточения, он найдет Паркера. Он сольется с ним. И накажет за предательство. И в процессе, скорее всего, выдавит из него всю жизнь, до капли. Ирония, разумеется, заключалась в том, что таким образом симбиот убил бы своего носителя, для которого был изначально создан, и затем наверняка умер бы сам. Но с точки зрения Питера Паркера, ирония заканчивалась при первом намеке на перспективу его собственной смерти.

В конце концов симбиот действительно сбежал – у подобных историй есть тенденция заканчиваться плохо – и выследил Питера. У Паука осталась единственная возможность избавиться от «костюма»: забежать на колокольную церквы по соседству – оглушительный колокольный звон прогнал инопланетянина. Питер счел, что симбиот погиб. Но, как оказалось, одна или две капли уцелели. С неземной настойчивостью симбиот размножился снова и нашел другого носителя.

Эдди Брока. Некогда он работал журналистом в «Дейли Глоуб» – главном конкуренте «Дейли Бьюгл», но затем его уволили из-за недоразумения, неправильной трактовки сообщенной им новости. Человек-Паук поучаствовал в менее видимом аспекте той же истории – она касалась убийцы в маске, известного как Пожиратель Грехов. Паучок раскрыл средствам массовой информации подлинную личность злодея, но Брок считал, что Пожирателем был совершенно другой человек. Он написал и опубликовал свою статью, основываясь на недостоверных данных.

Оказавшись на улице, Брок решил, будто во всех его бедах виноват Человек-Паук, и за это стенолаз должен умереть. И вот однажды ночью, в той же самой церкви, что-то темное вытекло из теней и нашло Эдди Брока, присоединилось к нему. Брок принял союз ненависти, который предложил ему симбиот, и слился с ним в единое целое.

Ненависть может объединять сильнее любви. Для Брока так и получилось. Хотя «костюм» не слишком хорошо изъяснялся по-человечески, он позволил бывшему репортеру прочувствовать всю свою ненависть к Человеку-Пауку, для которого был создан и который, с точки зрения симбиота, бессердечно отверг его. А по мнению Эдди Брока, все, ненавидящее Человека-Паука, демонстрировало свой хороший вкус.

Эдди Брок превратился в одного из людей, которые говорят о себе «мы» и которым для этого не требуется принад-

лежать к королевской династии. С тех пор он, или они, назвавшись Веномом, довольно успешно охотились на Паучка по всему Нью-Йорку, не гнушаясь даже запугиванием ЭмДжей. Эта тень – черный костюм, белый паук, грозная, клыкастая пасть и жуткий цепкий язык, который симбиот любил удлинять, – появлялась в жизни Питера и исчезала из нее, неизменно принося с собой страх, ужас, иногда боль и повреждения, практически ведущие к смерти. Сколько уже раз они выясняли отношения? По всему городу, и только навыки, смекалка, а иногда и удача спасали Человеку-Пауку жизнь.

Однако после множества столкновений случилось нечто странное. Во время сражения на одиноком карибском острове Человек-Паук (и так уже избитый до полусмерти) инсценировал свою гибель в результате взрыва газа и даже специально для Венома подбросил обгоревшие человеческие кости и остатки своего костюма в качестве доказательства. Сам же он как одержимый поплыл в сторону ближайших корабельных маршрутов в поисках судна, которое отвезет его домой. На борт одного такого корабля он и сел.

А Веном, или Эдди, убежденный в смерти своего старого врага, неожиданно пришел в удивительное состояние покоя. Некоторое время он оставался на острове – Питер предположил, что там к нему постепенно возвращался здравый смысл. Как бы то ни было, позднее Эдди обнаружился в Сан-Франциско. Пробыл там какое-то время, а затем, узнав, что Че-

ловек-Паук жив, начал пробираться на восток автостопом, чтобы раз и навсегда разобраться с ним.

Однако по дороге банда головорезов напала на семью, что согласилась подвезти Эдди через всю страну. Именно тогда Брок начал обретать цель. Именно тогда Веном поднялся и уничтожил бандитов, напавших на семью и других людей, находившихся на стоянке для грузовиков. Эдди решил, что, возможно, ему есть чем еще заняться в этой жизни. Он будет защищать невинных, подобно тому, как – он не сомневался – это делал и предавший его Человек-Паук.

Ну, по крайней мере, тех, кого он считал невинными. Не стоит забывать: Венома при всем желании здравомыслящим никто бы не назвал. Однако и тем, кто представляет исключительно угрозу, он быть перестал. Веном превратился в двойственную фигуру. Скорее всего, он в той или иной степени всегда будет угрожать Человеку-Пауку. Но, насколько понял Питер, бедные и беззащитные могли больше не опасаться. Вот почему новость о том, что Веном убил какого-то бездомного казалась ему невероятной.

– Как там у тебя дела? – донесся из коридора голос жены. Питер булькнул.

В дверном проеме показалась голова Мэри Джейн.

– Тебе что-нибудь нужно? Потереть спинку?

– Может, позже, – ответил Питер, – там новости еще не начались?

– Нет. Но постарайся, пожалуйста, вытереться насухо пе-

ред тем, как выйдешь отсюда, не закапай весь пол, как в прошлый раз, – она отвернулась, – здесь и так уже достаточно влажно.

– Из-за чего?

– Из-за твоего костюма. Он не оставляет попыток выбраться из раковины.

– Даже не думай шутить по этому поводу, – сказал Питер и снова ушел под воду по самый нос.

Сплошные плохие новости. Он вздохнул, снова булькнув. Паучье чутье отключилось минимум на день, ну, предположительно. А даже если бы оно и работало как обычно, все равно не отреагировало бы на симбиота, ведь инопланетная машина создала «костюм» таким, чтобы он не мешал работе сил хозяина.

«Плохо, – подумал Питер. – На месте Хобгоблина я бы из кожи вон лез, пытаясь добраться до Паука на следующий день. Завтра мне нужно быть максимально осторожным. У меня и выбора-то особого не будет. – Он поднял взгляд. Первые лучи утреннего солнца как раз начинали проникать в окно ванной. – Как только выберусь из ванной и высохну, начну проявлять фотографии... надо хоть как-то разобраться с этими счетами по кредитной карте. При условии, что в „Бьюгл“ вообще захотят купить эти фотографии».

Питер нахмурился на мгновение. Последнее время на рынке труда стало туговато. Появилось гораздо больше фотографов-фрилансеров, которые конкурировали за старое

количество мест для фото в ежедневных газетах. «Конкуренция просто бешеная, но тяжело уделять внимание композиции, когда кто-то швыряет тыквенные бомбы тебе в голову». Питер с огромным уважением относился к четкости и качеству работ военных фотографов. Он знал об их ощущениях, знал, каково быть на линии огня... и частенько многое бы отдал, чтобы в него стреляли простыми пулями, а не энергетическими разрядами или странными газами.

– Эй, тигр! Мне кажется, новости включают после этого сюжета! Вылезай.

Питер выбрался из ванной, ойкнув, когда вода снова ошпарила его, вытерся до сравнительно сухого состояния, обернул полотенце вокруг пояса и пошлепал в гостиную. По телевизору как раз крутили один из тех слишком часто повторяемых рекламных роликов чего-то под названием Flex-O-Thigh. В ролике люди, которые явно не нуждались в дополнительных физических упражнениях, с улыбкой работали с различными пружинящими механизмами, пытаясь убедить зрителя в легкости упражнений и необходимости рекламируемого устройства. Мелькнули бесплатные номера, и чей-то дружелюбный голос призвал всех и каждого звонить немедленно.

Затем включилась новостная сводка. *«Суперзлодей Веном оказался замешан в краже со взломом и убийстве, совершенных этой ночью в Нью-Йорке, – произнес диктор, – Веном, который, по последним сведениям калифорнийских пра-*

воохранительных органов, находился в Сан-Франциско, подозревается в убийстве одного человека на складе, с которого он украл несколько бочек, – в них, согласно мэрии города, содержатся ядерные отходы».

На экране появилось изображение склада. Большое отверстие с неровными, несколько странными, краями – создавалось впечатление, будто их измельчили или растопили. Питер с любопытством вглядывался в картинку, но та сменилась изображением удивительно маленького тела, упакованного в мешок для трупов. Его выкатили со склада и погрузили в машину скорой помощи. *«Пребывающий в состоянии шока свидетель получил медицинскую помощь в Госпитале Святого Луки и был выписан»*, – добавил диктор.

На экране возникло изображение лохматого, покрытого щетиной человека, который говорил: *«Да, он просто вошел через стену... опрокинул несколько бочек... а затем, – свидетель запнулся, – он убил Майка. Просто разорвал его словно бумажный пакет. Отрывал от него маленькие кусочки... знаете, как на фотографиях из газеты в прошлый раз... маленькие кусочки, он просто отрывал их... – Мужчину отвернулся от камеры, делая короткие рубящие жесты рукой... – Простите. Простите, я просто хочу уйти...»* – Он снова замолчал.

Питер и Мэри Джейн уставились друг на друга.

– Кусочки? – тихо спросила она.

– Он бы мог, если бы захотел, – пробормотал Питер, –

просто... просто это совсем на него не похоже.

– Может, у него был плохой день, – с сомнением произнесла Мэри Джейн.

«Органы правопорядка приступили к поискам Венома, но надежные источники в рядах полиции Нью-Йорка сообщили WNN, что сомневаются в успешности розыскных мероприятий. Они говорят, modus operandi Венома заключается в том, чтобы залечь на дно и не показываться, пока какие-нибудь обстоятельства не пробудят его застарелую ненависть к Человеку-Пауку, и тогда Веном проявляет себя. Жителям Нью-Йорка остается только надеяться, что Человек-Паук в ближайшем будущем будет осмотрителен. Ллойд Пенни для новостей WNN из Нью-Йорка».

– Между прочим, – произнесла Мэри Джейн, – все это время ты пробуждал застарелую ненависть у совершенно другого персонажа.

– Молчи, женщина, – хмыкнул Питер, хотя дела обстояли совсем не весело.

Он вкратце описал Мэри Джейн обстоятельства его вечернего столкновения с Хобгоблином. За это время ведущие WNN рассказали о новом фильме Мадонны и о содержании недавно состоявшейся пресс-конференции Мстителей.

– И там не было ничего, – подошел к завершению истории Питер, – кроме нескольких больших бочек... – Он осекся.

– Наподобие тех, которые только что показали в новостях? – изогнула бровь Мэри Джейн.

– Пожалуй, да... Я не могу ложиться спать... – сказал он, со стоном поднимаясь на ноги. – Мне нужно проявить фотографии и занести их в «Бьюгл», а еще заскочить в морг...

– Морг, – сухо сказала Мэри Джейн, – это именно то место, где ты окажешься, если выйдешь на улицу в таком состоянии.

Питер знал, нет смысла спорить с ней в таком настроении. Он просто молча сидел на диван, размышляя о том, какой раствор применить для проявления фотографий, и пил то, что дала ему ЭмДжей. Но в кофе без кофеина оказалось сплошное молоко, и Питер откинулся на спинку кресла всего на пару мгновений...

Мэри Джейн встала, улыбнулась, взглянула на мужа и покачала головой.

– Это все горячее молоко, – с удовлетворением произнесла она, – триптофан⁵ справляется с этим всякий раз. – Она накрыла Питера одеялом, выключила телевизор и тихонько прошмыгнула на кухню, чтобы заняться собственной кружкой кофе.

---

⁵ *Триптофан* – аминокислота, содержится в молоке, молочных продуктах, твороге, мясе и морепродуктах.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ проник в окна гостиной, и Питер заморгал. И заморгал еще сильнее. «Боже, я проспал!»

– Мэри Джейн! Почему ты меня не разбудила? – воскликнул он.

Нет ответа. Да и не будет, осознал он. В квартире стояла та разновидность тишины, когда он был дома один. Когда Питер уселся на диване, одеяло сползло на пол, а вместе с ним на полу оказалась и записка. Слегка постанывая – у полученных прошлой ночью синяков было время застыть – Питер наклонился и поднял ее. «Ушла за свежими газетами, – говорилось там, – узнала о горячей вакансии этим утром, могу получить работу. Увидимся позже. Люблю люблю люблю люблю», следом шел небольшой блок из смайлов-поцелуев.

Питер положил записку на кофейный столик, зевнул, потянулся, снова застонал, и все равно потянулся еще раз. По квартире витал аромат кофе. «Так похоже на ЭмДжей, сварить целый кофейник и оставить для меня...» Пошатываясь, Питер поднялся на ноги, дохромал до кухни, налил чашку кофе, добавил туда пару кусочков сахара, размешал и выпил. Когда кофеин побежал по венам, он направился в ванную, на этот раз в поисках особенно сильного аспирина.

Заглотив две таблетки и запив их добрым глотком холодной воды, Питер включил душ, забрался под него и позволил

горячей воде привести тело в подобие рабочего состояния. Восстановив способность передвигаться без стонов, он переключил кран на холодный, чтобы скорее проснуться. За следующие пятнадцать минут Питер оделся, причесался, опрокинул еще одну чашку кофе и пошел в темную комнату.

Там он включил красный свет и закрыл за собой дверь. Покосился на столик, на который кто-то положил его камеру и сэндвич в пластиковой упаковке на тарелке. Сверху лежала записка с текстом: «А теперь съешь вот это, глупыш!» – и смайликами. Внизу страницы красовался отпечаток губ. Улыбнувшись, Питер распаковал пластик и принялся. Салат с тунцом, самое то для завтрака.

Следующие несколько минут Питер доставал склянки с проявляющими растворами и перемешивал их содержимое в различных ванночках. Затем потянул за ниточку вентилятора, чтобы разогнать скопившуюся вонь, и достал из камеры перемотанную катушку. Осторожно вытащив пленку из контейнера, он бросил ее в первую ванночку и включил таймер.

Приглядывая за негативами, он проглотил половину сэндвича. В красном свете, как и всегда, ничего нельзя было сказать наверняка. Для Питера Паркера этот момент всегда был худшим: полное надежд ожидание. Кажущаяся поначалу полезной картинка может иметь изъяны в цвете или контрастности, может оказаться зернистой – подобные снимки на газетных страницах превратятся в пятнистую грязь. Никогда нельзя угадать, получилась фотография или нет, пока не от-

печатаешь контактные копии. А в некоторых случаях и они ничего не скажут – тогда придется делать пробные распечатки снимка в том издании, в котором ты бы хотел увидеть свою фотографию, и проверять, смотрится она или нет. На все это уходило огромное количество бумаги и химикатов – деньги на ветер, если фотография окажется плохой. Один из рисков профессии...

Таймер выключился. Питер потянулся в ванночку парой щипцов, немного побултыхал пленку, а затем бросил ее в фиксатор. На первый взгляд, снимки получились отличными. У многих фотографий в композиции присутствовали необходимые диагонали, это просматривалось даже сейчас. Однако оставалось непонятным, окажутся ли достаточно четкими мелкие детали. Питер снова включил таймер и принялся ждать.

Наблюдая за тем, как отсчитывается время, Питер принялся за вторую половину сэндвича. «Веном, – подумал он, – вот бы кого мне запечатлеть на пленку». Проблема, по крайней мере для Питера, заключалась в том, что при встрече с Веномом, ему приходилось слишком печься о сохранении собственной шкуры и не вспоминать об упущенных возможностях сделать хороший снимок. «Если Веном действительно в городе, нужно как можно быстрее с ним разобраться».

И наверняка долго ждать такой «разборки» ему не придется. Всякий раз, как Веном неожиданно объявлялся в городе, проходило не так уж много времени, прежде чем он

начинал охотиться за Человеком-Пауком, или, что еще хуже, за Питером Паркером. Вот в чем заключалась главная проблема. Веном знал, кто скрывается под маской Человека-Паука, знал, где найти его и Мэри Джейн. Большой, широкоплечий силуэт Венома – последнее, что Питер хотел увидеть еще хотя бы единожды на стене своей гостиной.

Таймер выключился. Питер вытащил пленку из фиксатора, поднес ее к красному свету и впервые хорошенько взглянул на негативы. «Чудненько», – выдохнул он. Там оказалось несколько хороших снимков Человека-Паука, парочка вполне приличных – Хобгоблина и еще немалое количество достойных с ними обоими в кадре. Датчик движения сделал свою работу. Питер задумался, нельзя ли еще добавить в систему контроля над движением несколько программ, которые управляли его паучьими датчиками. «Поставь один датчик на суперзлодея, и компьютер сможет постоянно держать его в кадре». Питер, конечно, не переживал, будет ли сам присутствовать на этих фотографиях, не настолько он эгоистичен. Город и так прекрасно знал, как выглядит Человек-Паук. Жителей очаровывали в первую очередь суперзлодеи, и на любом кадре, содержащем и героя и злодея, следовало позаботиться, чтобы по центру снимка оказался именно злодей.

А затем Питер наткнулся на то, что очень надеялся увидеть: один из первых кадров на пленке, соответственно, один из последних снимков, запечатлел процесс ограбления.

«Неплохо, – тихо сказал Питер, – уж такая сцена точно привлечет их внимание, если ничто другое не справится с этой задачей».

Он задумчиво уставился на большие бочки на фото. Один из немногих недостатков его камеры крылся как раз, к сожалению, в невозможности приблизить нужные объекты. На фото мало что представлялось возможным разобрать за исключением огромной наклейки «Опасно! Радиация!» на боку. Нет никакого смысла пытаться это увеличить.

«Теперь – печать». Питер подвинул блокнот и начал делать пометки. «Второй, шестой, седьмой, восьмой, девятый... четырнадцатый, шестнадцатый... восемнадцатый...» Он отметил все снимки, которые хотел напечатать, уточнил, какие он сделать в формате двадцать на двадцать пять вместо восемь на тринадцать, затем пожал плечами. «Обзорный лист, шесть двадцать на двадцать пять, затем эта, затем эта... эта... Готово».

После этого дела пошли бодрее. Выбор экспозиции всегда становился для него одним из худших – нужно было предугадать мнение редактора. Иногда было сложно сказать, что им понравится больше: тщательно составленная композиция или множество четко видимых деталей. Самое мудрое – выбрать лучшие экземпляры с тем и другим вариантами, прихватить с собой примеры других фотографий и не забыть обзорный лист, на котором содержались крошечные изображения каждого кадра на пленке. Последний не раз спасал Пи-

теру гонорар, ведь редакторы регулярно выбирали для печати снимок, который сам фотограф по каким-то причинам не потрудился распечатать.

Питер приступил к работе. Разложил печатные материалы, настроил увеличитель, разрезал негативы на более удобные в обращении полоски из пяти кадров. Проявлял он их еще три четверти часа.

А часики тикали. Два часа – последний срок сдачи всех материалов в пятичасовое вечернее издание, и никто не обрадуется фотографу, который забежит на огонек без пяти два, когда большие печатные прессы уже подготовятся к запуску. Час дня был более благоприятным вариантом, а еще лучше – суметь заскочить туда в полдень... но сегодня полдень уже отпадает. Питер слегка сморщился, представив, кто из фотографов мог обскакать его и продать «Бьюгл» свои снимки. Некоторые из редакторов «Бьюгл» истово верили в то, что любая фотография на руках, невзирая на ее качество, дороже двух обещанных. И никогда нельзя было предугадать, кто именно будет выносить решение по твоим снимкам. Например, Кейт Кушинг предпочитала рано сданные фотографии качественным. Хотя идеальны для нее вариант – сданные как можно раньше качественные снимки.

Вскоре фотографии висели на маленькой «бельевой веревке». Питер включил белый свет и взглянул на снимки, одновременно высушивая их взмахами руки. Довольно симпатичная подборка получилась. Первая проверка возможно-

стей управления движением камеры прошла хорошо. Особенно удачным ему казался снимок Хобгоблина – того запечатлело бегущим прямо на камеру, о существовании которой он даже не подозревал. Питер взглянул на ухмыляющуюся морду суперзлодея, слегка не в фокусе из-за скорости движения, и подумал: «Вот оно. Если ей не понравится этот снимок, тогда я вообще не знаю, в чем ее проблема». Это если предположить, что сегодня в редакции дежурит Кейт. Иногда она могла быть ужасающим подборником качества. Не самая плохая черта для редактора, когда вы конкурируете со всеми остальными газетами в городе, но довольно раздражающая для фотографа, которому нужно оплатить счета по кредитной карте.

Питер улыбнулся и взял с собой снимок Хобгоблина и два других. На одном Человек-Паук прыгал прямо на противника, струя паутины достигала края фото и обрывалась под самым драматическим углом, на втором Хобгоблин проносился мимо камеры. С этим кадром Питеру повезло: злодей легко мог выбраться через любой другой световой люк либо случайно опрокинуть камеру, пролетая мимо. «Нужно придумать способ понизить центр тяжести на этом штативе», – подумал Питер, снимая щипцами последний из снимков и трогая его пальцем: высох или нет. Высох. Питер засунул фото и его товарищей в бумажную папку с разделителями, ее положил в кожаную папку для фотографий, убрал туда же негативы и проглотил остатки сэндвича с тунцом. «Сегодня

мне заплатят», – подумал он, и в максимально приподнятом настроении направился в редакцию «Бьюгл».

ПОЛЧАСА СПУСТЯ Питер стоял прямо под потоками холодного воздуха из кондиционера в кабинете Кейт, пока она одну за другой доставала фотографии из бумажной папки и раскладывала их на столе.

– Неплохо, – произнесла она, положив фото с бочками. – Эта нормальная, чуточку темновата, – продолжила Кейт, затем затаила дыхание и улыбнулась. – Ну и мерзкий же ублюдок.

Питер уже слышал отдаленное звучание кассовых аппаратов. Он знал эту улыбку, какой бы неуловимой она ни была.

– Ну, конкурс красоты он точно не выиграет, – произнес он.

Кейт протянула фотографию Хобгоблина в анфас.

– Как ты умудрился снять это? – спросила она, пристально вглядываясь в Питера.

– Длиннофокусный объектив.

Дружелюбие в ее взгляде сочеталось с подозрительностью.

– С каких пор ты можешь позволить себе объективы, которые дают снимать такие детали без грамма зерна? И опять же, это случайно снято не на новую пленку ASA 8000?

– ASA 6000, – ответил Питер. – Урвал по скидке.

– Ну еще бы, – усмехнулась Кейт. – Будешь покупать такие вещи по полной цене, вмиг обанкротишься. Что ж... – Она взглядела в снимок с Хобгоблином. – А вот эта фотография, с бочками... это же непосредственно процесс ограбления, разве нет?

Питер кивнул.

Кейт искоса взглянула на него.

– Энтузиазм – вещь похвальная, – произнесла она, – но смотри, как бы он не превратился в безрассудство. Что вообще ты забыл на этой крыше в ночи?

Питер открыл было рот, затем опомнился и закрыл его. Кейт лишь улыбнулась.

– Длиннофокусный объектив, – сказала она, – я помню. Затем добавила: – Припозднился ты с материалом сегодня, а?

– Пришел так быстро, как только смог.

– Что ж, я уже отправила кое-кого на место преступления.

Питер мигом упал духом.

– И этот кто-то уже вернулся и проявил фотографии, и их уже завели в систему для подготовки макета. А теперь мне придется снова заходить в систему и вынимать их. Ты сэкономил бы мне кучу геморроя, придя чуток пораньше. Ненавижу это новое программное обеспечение.

Питер улыбнулся. В офисах «Бьюгл» это была распространенная жалоба. Редакция недавно перешла на новую ком-

пьютерную систему подготовки макетов, и все неустанно ныли по поводу бесконечного обучения, которое требовалось пройти для того, чтобы начать с ней работать. Все слишком привыкли к старой системе, и неважно, что новая, в теории, должна бы обеспечить большую гибкость и удобство использования.

– В любом случае, – добавила Кейт, – если кто-то выходит на охоту посреди ночи, вооруженный длиннофокусным объективом, и снимает подобные фотографии, он заслуживает небольшую прибавку к обычной ставке.

Редактор набросала что-то на блокноте, взглянула на цифры, внесла коррективы.

– Держи, – произнесла она, – это поможет тебе заснуть сегодня ночью.

Кейт потянулась к другому блокноту, и Питер тут же воспрянул духом: это был блокнот с квитанциями, по которым можно получить деньги в кассе внизу. Питер не видел точной суммы, но не сомневался: число трехзначное.

Она оторвала лист и вручила ему, и Паркер посмотрел, какое именно трехзначное число. И ахнул. Одна эта сумма разом покрывала половину счета за кредитку.

– Спасибо, Кейт, – выдавил он.

Та небрежно отмахнулась от него рукой.

– Ты сделал работу, получил оплату, – сказала она. – Композиция здесь лучше, чем на снимках, которые ты приносил в последнее время.

Питер ничего не ответил, но про себя порадовался: датчик сработал как надо.

– Я не возражаю против инициативы. Энтузиазм – это прекрасно. Просто будь осторожнее, – напутствовала его Кейт.

– Да, мэм, – ответил Питер и вышел из офиса.

Сжимая в руке чек, он направился в кассу. Пару раз он внимательно взгляделся в бумажку, стремясь убедиться, что сумма реальна. Но Кейт написала ее дважды, числом и прописью. Выйдя из коридора, Питер услышал два знакомых голоса. Если бы он не знал обладателя одного из них, Джей Джона Джеймсона, предположил бы, что кто-то ссорится, но на самом деле они просто что-то обсуждали.

– Да за каким чертом я вообще тебе плачу?! – кричал Джей Джона прямо в открытую дверь своего кабинета. Это тоже служило признаком обычного разговора. Если бы начался настоящий спор, Джеймсон орал бы, стоя прямо в коридоре. – Как ты можешь быть настолько тупым? У нас есть величайший суперзлодей, когда-либо угрожавший этому городу, и один из самых худших! И ты знаешь, зачем он здесь.

– На самом деле не знаю, – донесся следом спокойный голос Робби Робертсона. – Похоже, он опять забыл выслать мне факсом свой распорядок дня.

– Не шути со мной, Робби! – ДжДжДж выскочил в коридор, активно жестикулируя. – Все остальные газеты слетят на эту тему. Ты прекрасно знаешь, всякий раз, как появ-

ляется Веном, следом как чертик из табакерки выскакивает Человек-Паук, и они начинают дубасить друг друга по всему городу, круша здания, заставляя городской бюджет по расчистке завалов снова взлететь под потолок и творя кучу других вещей, которые обязательно попадут на передовицы. – Он устремился обратно в офис, по всей видимости с отвращением махая рукой в сторону компьютера. – А мы тут застряли с двумя грошовыми взломами и полученным из вторых рук репортажем о летающих хулиганах, которые носились в воздухе и швырялись взрывающимися бомбами во все стороны. Нам нужно гораздо серьезнее вложиться в эту историю с Веном. Это не то же самое...

– Не то же самое, что ценность новости о том, как он обглодал все кости того бедолаги? – слышался ответ. – Полагаю, нет. Но копы говорят, будто криминалисты озадачены. Нам не хватает...

– Озадачены? Еще бы они не были озадачены, когда убийца наполовину психопат, а наполовину читающая твои мысли амеба-каннибал с жуткой фигурой! Еще один маленький подарочек нашему славному городу от Человека-Паука, позволь напомнить. Говорю тебе, во всем этом городе мусорного бака не сыщешь, под которым не окажется этого долбаного стенолаза...

– Нам не хватает информации, чтобы всерьез взяться за историю о Веноме, – проговорил Робби. – И лично я предпочту опоздать, чем ошибиться. Серьезно ошибиться.

– Да брось, Робби, – прорычал ДжДжДж, – правильным будет подать эту информацию первыми. А я знаю, эта информация верна. Я знаю, это Веном. Нутром чую. Есть какой-то дьявольский договор между Веномом и Человеком-Пауком. Я уже видел это прежде. Сначала появляется один, затем – второй, и они разносят весь город на кусочки. И я не упущу возможности осветить это в моей газете!

– Со всем должным уважением... – по-прежнему не повышая голоса, начал Робби.

– Да, да, со всем должным уважением, ты не собираешься делать то, что я велю, ведь главный редактор больше не я, а ты!

– Как-то так, да, – согласился Робби. – Ты можешь говорить все что хочешь в своих издательских колонках. Но пока главный редактор я, определять редакционную политику издания буду именно я. И если, по моему мнению, нам недостает информации для репортажа, я подожду, пока эта информация появится.

– И куда только катится журналистика, – прорычал Джеймсона, снова выходя из кабинета. Робби шел следом, безропотно посасывая пустую трубку.

Питер стоял поблизости, со всем возможным уважением облокотившись о стену. Он постарался спрятать чек из поля зрения Джеймсона – не хватало еще тому увидеть его и начать стенать о том, что фрилансерам серьезно переплачивают. Но от возможности вставить свои два цента Питер не

мог удержаться:

– Но Джона, Человек-Паук...

Джеймсон крутанулся к нему:

– Да что ты о нем знаешь?

– Что Человека-Паука там не было, – заявил Питер, – когда появился Веном, Паучок был в другом месте, сражался с Хобгоблином.

– Да ну? Кто сказал?

– Я его видел, – ответил Питер, – у меня есть снимки.

– Неужели? – спросил Робби, изогнув бровь.

– Хм-м, – фыркнул Джона. – Думай, Паркер, используй свои мозги! Разве ты не видишь, что это значит?

Питер покосился на Робби, тот в ответ лишь едва заметно покачал головой.

– Нет, сэр, – ответил Паркер.

– Это значит, что Человек-Паук, Веном и Хобгоблин сговорились и действуют сообща! Хобгоблин наносит удар в одном месте, Паук показывается там и делает вид, что сражается с ним, и пока они отвлекают внимание, Веном убивает людей в противоположной части города или совершает еще неизвестно какие странные преступления. Пьет радиоактивные отходы, судя по показаниям свидетелей, боже правый. Можно подумать, он и без этого не доставлял достаточно проблем, а теперь еще и радиоактивными отходами балуется.

– О, – ответил Питер, не зная, что еще сказать.

— О, да иди уже, — передразнил его Джона, сверля взглядом и раздраженно отмахиваясь рукой, — я устал от твоего вида. У тебя нет вообще никакого воображения, в этом-то и проблема. А теперь, что касается тебя... — продолжил он, поворачиваясь к Робби.

Когда Питер проходил мимо Робертсона, главный редактор подмигнул ему. Сам Питер только радовался возможности сбежать. Когда Джону начинает вот так нести, его не остановить и не заткнуть. Дай ему время, он Человека-Паука и в дефиците федерального бюджета, и в глобальном потеплении, и в начале Второй мировой обвинит.

«Хотел бы я понять причины его неприязни, — размышлял Питер, направляясь к выходу, — одно дело, если бы Паук и в самом деле точил зуб на Джону, но ведь нет». Может, Джеймсон просто как тот старый король из Тербера, думавший, что «все вечно указывают на него». Человек-Паук бы с удовольствием помог ему лучше познать этот мир. Но кто знает?

Стоило Джону принять какое-то решение, и он больше не позволял фактам противоречить его мнению. Питер сомневался, что Человеку-Пауку хоть когда-нибудь удастся сделать нечто, способное переубедить Джону Джеймсона.

В любом случае сейчас у него на уме оказались другие заботы. Сперва нужно обналичить чек. Питер спустился на первый этаж, зашел в бухгалтерию и честно отстоял очередь к бронированному окошку кассы. Сидящая по ту сторону ок-

на Майя улыбнулась:

– Сто лет не виделись!

Она постоянно так шутила, со всеми фрилансерами.

– Ага, – ответил Питер и вручил ей чек.

Она оценивающе уставилась на сумму.

– Хватит на несколько порций кошачьей еды.

– У нас нет котиков, – усмехнулся Питер.

– Я знаю, именно это и делает тебя идеальным хозяином для одного из моих новых котят.

– Майя, – простонал Питер, – только не говори мне, что ты до сих пор не стерилизовала свою кошку!

– Я просто не хочу вмешиваться в природу, – ответила та.

Ее прекрасная персидская кошка завязала совсем не платонические и до ужаса плодотворные отношения с симпатичным черным котярой, живущим в нескольких домах от нее, и периодически бегала к нему на свидания, в результате чего дома у Майи раз за разом появлялись новые пометы роскошных длинношерстных котят смешанного окраса, которых она уже успела пристроить в дома половины сотрудников «Бьюгл».

– Нет, спасибо, – ответил Питер, – у нас в здании запрещено иметь животных.

Майя цыкнула и вручила ему деньги.

– Какое ужасное место для жизни, – убежденно заявила она, – вам следует переехать.

Питер лишь вздохнул, но про себя подумал: «Придется,

если Веном снова узнает, где мы живем».

— У меня есть один для тебя — настоящий симпатяга! — крикнула Майя ему вслед. — Черный, длинношерстный!

Питер лишь помахал ей на прощание и пошел дальше. Прямо сейчас ему и без котов забот хватало.

Он поднялся на лифте на второй этаж и направился в «морг» «Бьюгл». «Моргом» в редакции называли архивы, где хранились копии старых изданий газеты. Поначалу их хранили в оригинальном бумажном варианте, потом содержимое страниц перенесли на микрофильмы, но со временем и они стали занимать слишком много места. Теперь и новые бумажные издания, и старые микрофильмы перенесли на компакт-диски, доступ к которым можно было получить с любого терминала в редакции. По крайней мере, так планировалось: каждый сможет пользоваться электронным архивом, когда новую систему окончательно установят, но пока в этом процессе дошли только до половины пути и персонал оказался обучен примерно на столько же. Кроме того, всегда останутся те, кто предпочтет лично спуститься в «морг», чтобы передохнуть немного от необходимости торчать за своим рабочим столом. Многие сотрудники вообще считали, будто новую систему изобрели только для того, чтобы привязать их к рабочему столу, где спрятанная среди прочего программного обеспечения система контроля над продуктивностью сотрудников будет следить за тем, кто работает, а кто сачкует. Питер слышал о таких системах

в других компаниях, но очень сомневался, что подобное когда-нибудь появится в «Бьюгл». Он имел все основания полагать: Джеймсон попросту слишком жаден, чтобы оплатить установку программы контроля. Все равно он предпочитает вламываться в кабинеты сотрудников и докапываться до их продуктивности лично.

Паркер вошел в просторную комнату, где всего несколько человек рассредоточились по разным рабочим станциям. В одном углу стоял большой центральный компьютер, не издававший никаких звуков, помимо гула встроенных вентиляторов. По всему помещению ощущалась приятная прохлада – агрессивно работающая система охлаждения компьютеров успешно справлялась с понижением температуры.

Боб, компьютерный мастер, подошел к Питеру, пока тот оглядывался по сторонам. Волосы этого массивного, сурового, красивого ирландца преждевременно поседели, а большая улыбка, проглядывающая через соответствующие усы, каждого располагала к нему. В общем, человека, менее всего похожего на компьютерного зануду, еще следовало поискать.

– Нужна помощь? – спросил он.

– Лишь свободный терминал. И я бы не отказался от сегодняшнего номера, – ответил Питер.

– А почему бы тебе просто не взять бумажный экземпляр? – поинтересовался Боб.

– И всему вымазаться в типографской краске? – пошутил Питер.

– Мы еще сделаем из тебя специалиста по компьютерам, – фыркнул Боб. – Прошу сюда.

Он провел Питера к свободному терминалу и вручил копию буклета.

– Вот, – сказал он, – это самоучитель для дураков. Одновременное нажатие Ctrl и F1 выводит тебя в главное меню. Просто прокрути его и выбери нужный тебе день.

Стоящий перед Питером экран был большим, с первую страницу таблоида в реальный размер. Боб нажал на нужные клавиши, и на экране появилось главное меню: полный перечень дат в обратном порядке, начиная с сегодняшнего дня.

– Утреннее издание тебя устроит? – спросил Боб. – Вечернее еще не сверстали.

– Вполне.

Боб вывел нужный номер, оказавшийся черно-белым. На передовице красовалась хорошо скомпонованная, но ужасно освещенная фотография разрушенной складской стены, на фоне которой валялось несколько столь же ужасно темных бочек. «Поспешил, – подумал Питер, – на его месте я бы еще подождал и добавил несколько единиц диафрагмы – это дало бы больше света».

Питер нажал курсором на кнопку «Перевернуть страницу».

– Зови, если что-то понадобится, – сказал Боб и ушел по своим делам.

Питер прочел прямолинейное продолжение на третьей

странице: Венома действительно обвиняли в убийстве бездомного на основании показаний его приятеля, того самого парня, которого Питер видел с утра в новостях. Репортаж сообщал несколько новых деталей: адрес склада, название владельцев – «Объединенная химическая исследовательская корпорация», из Нью-Джерси, – и несколько бессвязное описание Венома, в котором свидетель сделал акцент на щупальцах. Что, по правде говоря, было довольно точно: щупальца симбиота действительно выглядели как нити или длинные плавные линии, или усики, которые оживали и хватали все, чего хотели.

Но больше всего Питеру не давал покой вопрос, какую роль в этом играл сам Веном. Предполагалось, он поселился в Сан-Франциско и защищал там бездомных и беспомощных. Питер с трудом мог представить, что Веном внезапно возник на Восточном побережье и убил бездомного, к тому же невинного и случайного свидетеля. Одним из немногих хороших качеств нового Венома была его святая вера в то, что жизнь обделенных достаточно тяжела и иногда им требовался защитник, обязанный оберегать их любой ценой.

Однако... Питер пролистал газету, пытаясь найти в потоках воды хоть что-то полезное, но тщетно. Ничего.

Он вернулся к заметке. «Объединенная химическая исследовательская корпорация, – подумал он, – я готов поклясться, что прошлой ночью видел логотип „ОХИК“ на стене склада». Паркер вытащил из портфолио обзорный лист и

принялся внимательно его изучать. Да, на одном фото в самом начале пленки камера захватила часть логотипа – три буквы из четырех: ОХИ... «Точно. И ЭмДжей заметила схожесть бочек и оказалась абсолютно права».

И вот еще одна странная деталь от бездомного в новостях. Он видел, как Веню пил радиоактивные отходы. Питер покачал головой: «Что за новые странные привычки у симбиота?»

– Как дела? – поинтересовался Боб, материализовавшись за плечом Питера.

– Неплохо. На этой штуке можно настроить поиск по ключевому слову или фразе?

– Разумеется. Хочешь найти ниточку? Просто выйди из графического режима. Вот.

Боб нажал нужную клавишу, экран очистился, лишь в углу красовалась команда C:>. Затем Боб ввел какую-то комбинацию цифр и букв, не отобразившуюся на экране – пароль, наверное. Экран потемнел, показалось еще одно меню, одна из строк которого светилась: «Поиск по тексту».

– Вот, – сказал Боб, – если я не ошибаюсь, ты можешь ввести до шестидесяти четырех символов. Есть возможность искать по две-три фразы за раз, если хочешь. Просто нажми вот сюда, и меню выведет тебе образец запроса с примерами, как вводить нужные тебе темы, чтобы получить искомое.

– Эй, не так уж и плохо, – заметил Питер, – почему же все так жалуются?

– Просто раньше все было по-другому, – вздохнул Боб.

– Все будет хорошо, – улыбнулся Питер, – через пять лет они привыкнут к этой системе, а потом Джона представит очередное нововведение.

Боб застонал:

– Я это прекрасно понимаю.

Питер вернулся к экрану и взглянул на окно справки. Осторожно, прекрасно зная, насколько рискованно допустить хотя бы одну ошибку при составлении запроса, он напечатал: «Объединенная химическая исследовательская корпорация».

«Подождите, – высветилось на экране, – ваш запрос обрабатывается».

Некоторое время Питер смотрел на мигающий курсор. Затем появился список статей, которых оказалось не так уж и много. Выяснилось: компания появилась совсем недавно и упоминалась в основном в финансовом разделе. Небольшая фирма, специализирующаяся на различных радиоактивных материалах, изотопах, разработанных специально для радиоиммуноанализа, медицинском оборудовании и прочем инструментарии для обращения с радиоактивными материалами. Ни в одной из этих статей не было ничего по-настоящему интересного.

Двумя последними записями в меню стояли: 8) Перекрестная ссылка на «Желтые страницы» и 9) Перекрестная ссылка на «Белые страницы». Питер выбрал вторую строку,

и на экране появился нью-йоркский телефонный справочник с длинным перечнем адресов: корпоративная штаб-квартира, филиалы, склады. Всего складов было четыре. В одном Питер и побывал прошлой ночью. В другой вломился предположительно Веном.

Питер вернулся в главное меню и аккуратно напечатал: «ВЕНОМ».

«Давность публикации?» – спросил компьютер.

Питер задумался.

«Три недели», – напечатал он.

«Некорректный запрос! Попробуйте снова!»

Питер нахмурился и напечатал «21».

«Подождите, – ответил компьютер, – ваш запрос обрабатывается».

И Питер принялся ждать. Здесь во время обработки данных хотя бы не играла музыка.

Наконец на экране высветилась надпись «1 совпадение».

«Ага!» – подумал Питер и нажал на кнопку.

Аннотация статьи заставила его затаить дыхание. «САН-ФРАНСИСКО. Благодаря революционному прорыву в технологиях разведения змей противоядие от яда гремучей змеи теперь можно вводить не многократными дозами в течение нескольких дней, а одной инъекцией».

– Да чтоб тебя, – выдохнул Питер.

Он закрыл статью, вернулся в главное меню и внимательно изучил критерии поиска. Похоже, поисковая выдача не

понимала различий между змеиным ядом-венмом и тем Венмом, которого имел в виду Питер Паркер. «Этой штуке не помешает приличный фильтр по именам», – подумал он.

Питер задумался, напечатал «Венм + Сан-Франциско». Компьютер выдал одно совпадение, и Питер развернул статью на экран, подозревая, что ему сейчас снова откроется сообщение о революционных методах разведения змей.

Так и вышло. Питер откинулся на спинку стула. «Ну что ж, мне кажется, я знаю, к чему это. Последние три недели его вообще не видели в Сан-Франциско. По крайней мере...» Он вернулся к меню, где предлагался перекрестный поиск по другим газетам или новостным сервисам, выбрал этот вариант и вновь в поисковой строке набрал «ВЕНМ + САН-ФРАНЦИСКО».

«Одно совпадение», – компьютер снова рассказал о революционных методах разведения змей.

«Ни слуху ни духу, – подумал Питер. – Никто его не видел, никто о нем не слышал, ни новостные агентства, ни репортеры газет. А это значит, он в самом деле может быть в Нью-Йорке...»

Или где угодно еще, разумеется. Вообще не угадаешь, с такой-то скудной информацией.

«И все равно. Радиоактивные отходы?» – Питер задумался. Такого добра в городе не может быть навалом. Они точно есть в больницах – источники гамма-излучения при радиотерапии, материал для получения изотопов крови и так да-

лее, – но эти материалы обычно хорошо исследованы и обладают строго определенным назначением. В преступном деле толку от них будет мало.

«Любому бандиту, – подумал Питер, – понадобится менее очищенный ядерный материал, или же в больших количествах, или даже и то, и другое. Такие ресурсы в городе можно достать только в двух местах».

Питер на секунду отбросил эти мысли в сторону. Проще всего было разобраться с фактами так, как он их понимал. Он знал: разные люди или сущности по, возможно, разным причинам, обчистили два склада «ОХИК» за одну ночь. Оба взломщика по причинам, которых Питер пока не понимал, интересовались бочками с радиоактивными отходами. В случае с тем складом, где спали бездомные, личность взломщика еще предстояло подтвердить. Так что Паркер по-прежнему не верил, что в этом как-то замешан Веном.

Что же касается Хобгоблина... Зачем ему вообще понадобились радиоактивные материалы? Питер в прошлом подробно изучал мотивы злодея, и, как правило, все сводилось к одному – деньгам. Он или воровал деньги напрямую, или воровал что-то такое, за что можно было получить выкуп или выгодно продать, или шел к кому-то наемником. «Но радиоактивные отходы?» Питер встал и забрал папку. Все это выглядело очень странно.

Затем у него появилась идея, практически сценарий судебного дня: «Бомба?» Чертежи ядерных бомб найти не так уж и

сложно: их в университетах студенты делают. Благодаря закону о свободном доступе к информации можно совершенно легально отыскать все необходимые данные, за исключением нескольких совсем уж важных сведений типа критической массы, но это можно вычислить и самому, обладая всего лишь, как уже однажды оказалось, школьными познаниями в физике. Проблема, разумеется, крылась в размере. Обладая по-настоящему губительным потенциалом бомба просто по умолчанию не могла быть маленькой. Достаточно разрушительную бомбу можно спрятать в багажнике легкового автомобиля, а с куда более страшным потенциалом – в кузове грузовика. Питер не сомневался: если бы Хобгоблин озадачился таким вопросом и ему хватило на это времени, он бы легко собрал ядерную бомбу.

А даже если бы он сам и не хотел ее собирать, в мире достаточно террористов, чокнутых низкооплачиваемых ученых и разочаровавшихся студентов-физиков, которых злодей мог нанять для подобного дела. «Но почему сейчас? Вряд ли такая идея могла прийти к нему внезапно?» Подобные самодельные бомбы попадали в заголовки новостей годами – как возможности, так и факты их создания. Если Хобгоблин на самом деле руководил или собирал бомбу сам, то почему именно сейчас? Почему он не сделал этого давным-давно?

Либо же только сейчас появился нужный ему гений, либо же что-то еще стало ему доступным.

Но что?

Питер тряхнул головой, помахал Бобу и направился к выходу из «морга». В этой головоломке по-прежнему не хватало слишком многих кусочков. Но Питер уверился на сто процентов: Веном тут не замешан.

И Питер совершенно точно знал, что Веному не нравится, когда его имя используют за его спиной. Симбиот имел привычку неожиданно появляться поблизости, если кто-то слишком часто поминал его имя. А когда Веном объявлялся... разверзался настоящий ад.

Будто мало ему Хобгоблина, который разгуливал на свободе с неопознанными ядерными материалами. Не хватало еще, чтобы старина Чавк-И-Пускослюн свалился ему на голову.

И все же оставалось еще два очевидных места, где хранились ядерные материалы в сырой и очищенной формах и иногда даже складировались. Одно из них – Университет Эмпайр-Стейт, где Питер работал над докторской диссертацией. Почти половина докторантов работали над тем или иным аспектом ядерной физики, каждый занимал отдельный стол в лаборатории, которая считалась самой укомплектованной на всем Восточном побережье. Вторым таким местом, на которое долгие годы жаловались горожане, не желавшие иметь под боком радиоактивные материалы, была Бруклинская военно-морская верфь. Атомные подводные лодки стояли там на приколе, заправлялись и дозаправля-

лись. Да, визит Человека-Паука верфи явно не повредит.

Направляясь к выходу из редакции «Бьюгл», Питер усмехнулся. «Охота за „Паучьим октябрём“, да?»⁶ – подумал он.

Глубоко задумавшись, Питер не глядя шагнул с обочины на проезжую часть. Пронзительный гудок автомобильного клаксона раздался совсем рядом, и Питер едва не выпрыгнул из штанов. Он отскочил назад, чуть не упал, наклонился и ухватился за фонарный столб. «Смотри куда идешь, тупица!» – проорал ему водитель грузовика, который едва не превратил Питера в паштет.

Паркер застыл на месте, провожая взглядом уезжающий грузовик. «Паучье чутье должно было предупредить меня». Но, разумеется, оно находилось в «коме» и не проснется еще восемнадцать часов.

«Надо внимательнее смотреть по сторонам, пока это не кончится», – пробормотал Питер себе под нос. Он нарочито внимательно посмотрел в обе стороны и перешел дорогу.

---

⁶ Питер перефразировал название американского фильма о советской атомной подлодке «Охота за „Красным Октябрем“».

МЭРИ ДЖЕЙН Уотсон-Паркер вздохнула, встала перед зеркалом в ванной и начала наносить макияж. Ее мысли крутились вокруг очевидного возвращения Венома. Однажды, давным-давно, в одной из первых квартир, которые они с Питером сняли вместе, она проснулась и увидела возвышающегося над ней Эдди Брока. Эдди знал, кто скрывается под маской Человека-Паука и ему не составило труда выследить их. Сейчас ЭмДжей гадала, не придется ли им снова переезжать, а если придется, то смогут ли они осуществить это. Учитывая ее безработность и лишь периодические заработки Питера, они не могли позволить себе сумму, необходимую для первого, последнего и страхового взноса за любое более или менее достойное место. «Но если нас вынудят переезжать, мы как-нибудь справимся. Как-нибудь». Мэри Джейн отказывалась мириться с идеей, что костюмированный злодей, или, в случае Венома, злодейский «костюм», снова будет преследовать ее и ее мужа в личном, интимном пространстве. Если Питер что-то и заслужил в этой жизни, то это тихого и спокойного места вдали от всех жутких и безумных людей и существ, с которыми ему постоянно приходилось бороться на работе.

ЭмДжей вытащила тушь для ресниц, потрясла кисточкой, чтобы смахнуть огромную каплю с кончика, и накрасилась.

В последние пару лет девушка начала относиться к супергеройской работе Питера куда более философски. Одно время она надеялась, что семейная жизнь остепенит его и заставит отречься от длинных ночей, полных опасностей. Сейчас прежняя наивность вызывала у Мэри Джейн лишь улыбку.

Питер был искренне предан тому, чем занимался, хотя большую часть времени и прятал это за бойкими и добродушными шуточками. Как только ЭмДжей это поняла, ее жизнь одновременно стала и проще, и сложнее. Проще, ведь она перестала ждать неосуществимого. Сложнее, поскольку теперь ей приходилось пахать за двоих. Они же команда.

У некоторых женщин, которых она знала по телевизионной и модельной работе, иногда возникал вопрос о финансовой поддержке. Не то чтобы мужчины не старались свести концы с концами, цепляясь за низкооплачиваемую работу. Женщины периодически собирались за чашечкой кофе на задворках студии или рядышком с местом фотосессией и, кивая и немного печально улыбаясь, сравнивали свои истории.

– Все еще не так плохо, – сухо сказала ей Джун, одна из коллег по «Тайному госпиталю», во время их последнего обеда, – ты могла выйти замуж за художника.

Джун была замужем за художником, одним из этих жутко креативных «художников-концептуалистов», чьи инсталляции с глубоким смыслом заключались в том, чтобы покрыть стены комнаты кусочками хлеба, приклеенными арахисовым

маслом вместо клея.

В такие моменты, пусть и сочувствуя Джун, Мэри Джейн знала: ее положение гораздо хуже, но она никак не могла объяснить этого подругам. Поэтому ЭмДжей позволяла им утешать ее в связи с растущей каждый семестр ценой обучения в Университете Эмпайр-Стейт и стоимостью учебников, и молчала о вещах, которые ее действительно волновали, например, о том, как поставить мужа на ноги после того, как он пришел домой в жутком состоянии из-за очередной драки с каким-то упрямым безумцем в маске.

Теперь же, хотя и стало известно, что один из худших врагов мужа может рыскать по соседству, ей все же нужно было сконцентрироваться на других вещах, в частности на работе. Питеру хватало забот и с его личной вендеттой, чтобы еще заморачиваться об оплате квартиры. По крайней мере, на время съемок в «Тайном госпитале» Мэри Джейн смогла избавить его от этой конкретной заботы. Но теперь роль на телевидении осталась в прошлом, и ЭмДжей стремилась как можно быстрее найти новую, лишь бы Питер снова смог сконцентрироваться на своей «ночной работе».

Мэри Джейн в последний раз проверила макияж. В теории, она просто шла «разведать обстановку», но, если попадется стоящий вариант, она должна выглядеть достаточно хорошо, чтобы сразу же, уверенно, пойти на собеседование или «холодную репетицию». «Не так уж и плохо, – подумала она, – для женщины, которая полночи не спала, переживая,

не свалился ли ее муж с небоскреба».

Она вернулась в гостиную, где Питер все еще посапывал под одеялом, и на мгновение задержалась, задумчиво оглядывая его. «Не нравятся мне эти мешки у него под глазами. Но с другой стороны, его рабочий график никогда нельзя было назвать нормированным».

Мэри Джейн взяла ключи и сумочку, вышла в коридор, заперла дверь и направилась к лифту.

В столь ранний час на улице было достаточно тихо. Она никуда не торопилась, а погода оказалась даже слишком приятной. Впрочем, долго это не продлится: синоптики пророчили, что столбик термометра снова перемахнет за тридцать пять по Цельсию, и с текущим уровнем влажности днем в городе развернется настоящий филиал ада.

Эти мысли сопровождали ее до открытых дверей магазина на углу.

– Доброе утро, мистер Ки, – сказала девушка, проходя мимо стоящего за прилавком владельца.

– Доброе утро, Мэри Джейн, – ответил тот, высматривая ее из-за залежей лотерейных билетов и жвачки. – У меня есть сегодняшние газеты.

– Спасибо.

Она задержалась у стойки, выбрала Variety и Hollywood Reporter и повернулась к стене, чтобы быстро пробежать глазами объявления. В Hollywood Reporter ничего особенного не нашлось, поэтому она спрятала его под мышку.

– Эй, ЭмДжей, ты собираешься его покупать? – окликнул ее мистер Ки.

– О нет, – ответила она, – я планирую просто постоять и смять все страницы.

Она улыбнулась. Мистер Ки не стеснялся дразнить ее, словно одного из десятилетних поклонников комиксов, которых владелец магазинчика называл бичом его существования.

Затем ее взгляд упал на обведенное рамочкой объявление в самом конце Variety:

КАСТИНГ

Молодые девушки, 22–25,
для эпизодической работы.

Прослушивание и просмотр:

12 августа, 54-я ул., д. 445з,

10:00–14:00

ЭмДжей моргнула и поспешно глянула в зеркало, желая убедиться, что выглядит на 22–25. Затем улыбнулась своему отражению, но улыбка получилась кривой: в эти дни казалось, будто для некоторых режиссеров, к которым она при-

ходила на прослушивание, 22–25 означало «прямо из колыбели», и несмотря на то, что она подходила под параметры, ее шансы получить роль в лучшем случае не превышали пятьдесят на пятьдесят. «Однако... кто не рискует, тот не пьет шампанского...»

ЭмДжей подошла к прилавку, все еще глядя на объявление в *Variety*. «Десять утра... достаточно времени, чтобы вернуться домой, взять парочку фотографий и портфолио... и успеть».

– Если будешь читать на ходу, врежешься в столб или еще во что-нибудь, – заметил мистер Ки, взглянул на взятые ей журналы и вбил нужные суммы в кассовый аппарат. – М-м-м... три сорок пять.

Мэри Джейн полезла за мелочью.

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался мистер Ки.

ЭмДжей приподняла бровь.

– Не уверена. Я выгляжу на двадцать два – двадцать пять?

Он улыбнулся и покачал головой:

– Минимум на восемьдесят.

ЭмДжей улыбнулась в ответ:

– От вас никакой помощи. Если мне восемьдесят, то кто на что тогда похожи вы, на печеночный паштет?

– Удачи, Мэри Джейн! – крикнул он ей вслед.

Вооружившись экземплярами портфолио и постановочными снимками, Мэри Джейн переоделась в костюм для собеседований и спустилась в подземку. Полчаса спустя она

уже добралась до указанного в объявлении адреса. Нужный ей в дом выглядел в точности как любое другое, несколько обветшавшее, офисное здание в этой части Вест-Сайда: нет кондиционера, линолеум грязный, лифт не работает, окна, кажется, в последний раз мыли в год, когда «Метс»⁷ впервые выиграли Мировую серию⁸. Единственным намеком на то, что внутри происходит нечто интересное, служила приклеенная к лифту бумажка, на которой было написано ручкой «КАСТИНГ – ВТОРОЙ ЭТАЖ».

Мэри Джейн нашла лестницу и медленно поднялась на второй этаж: температура росла, и она не хотела вспотеть. Сверху доносились приглушенные голоса. «Не слишком шумно. Может, там не так уж много людей. Удачно для меня».

Девушка открыла пожарную дверь, и ее ударило волной звука, издаваемого по меньшей мере сотней голосов. «Вот и думай после этого об удаче», – нахмурилась она, протискиваясь через коридор, заполненный женщинами в возрасте от 22 до 25 (ну, или делающими вид).

Сквозь толпу проталкивалась взмыленная помощница продюсера:

– Те, у кого нет номерка! – кричала он собравшимся актрисам. – Обязательно возьмите номерки! Номерки на столе, дамы.

---

⁷ «Метс» – сокращенное название бейсбольного клуба «Нью-Йорк Метс».

⁸ Это случилось 1969 году.

«Я вам не номер, – с некоторой иронией подумала Мэри Джейн, проталкиваясь сквозь толпу, – я свободная женщина». Она схватила одну из немногих оставшихся на столе карточек. «Свободная женщина номер сто шесть. Супер». О том, чтобы найти свободный стул, можно было и не мечтать. Смирившись, ЭмДжей осторожно прислонилась к самому чистому участку стены, какой только смогла найти, и достала заляпанный томик «Войны и мира».

Полтора часа спустя в помещении стало градусов на десять теплее, и оставшиеся вокруг нее женщины – около тридцати – постепенно падали духом. Мэри Джейн и сама страдала от жары, но сочетание описания русской зимы и высокая вероятность того, что из этого интервью ровным счетом ничего не выйдет, помогали ей сохранять спокойствие.

– Номер сто четыре, – раздался голос из соседней комнаты.

«Номер сто четыре», которой в лучшем случае едва исполнилось восемнадцать, одетая в блузку и самые на свете короткие шорты, исчезла в комнате и спустя мгновение вышла обратно с крайне угрюмым видом. За последние часы такая ситуация стала повторяться с заметной регулярностью.

«Жара, – подумала ЭмДжей. – Сказывается на интервьюерах так же сильно, как и на претендентах».

– Номер сто пять, – послышался тот же голос, и не оставалось никаких сомнений: помощница продюсера крайне утомлена этим днем, если не всей жизнью.

Номер сто пять подмигнула ЭмДжей и скрылась за дверью. Примерно три минуты спустя дверь открылась, и сто пятая вышла в коридор.

– Номер сто шесть, – донесся изнутри измученный голос помощницы продюсера.

Мэри Джейн убрала книжку в сумочку, вошла в комнату и огляделась. В помещении оказалось пусто, за исключением стола, за которым сидели та самая помощница продюсера и еще двое: женщина средних лет и молодой мужчина. Все они смотрели на вошедшую с разной степенью ненависти.

Однако выражение лица женщины средних лет тут же изменилось.

– Вы же играли в «Тайном госпитале», не так ли? – спросила она.

ЭмДжей улыбнулась.

– Да.

Сидящие за столом обменялись взглядами. Помощница продюсера протянула ей несколько листов бумаги:

– Вы не прочтете нам?

«Холодная читка, – подумала Мэри Джейн, ни на долю секунды не прекращая улыбаться, – ненавижу холодные читки». Однако взяла бумагу и, пробежавшись по строчкам лишь одним взглядом, начала читать.

Это было что-то связанное с социальной работой, какой-то диалог о бездомных. «Похоже, им нужен типаж из моей прежней роли, – подумала Мэри Джейн. – Возражаю ли я?

Думаю, нет». Она вложила в чтение все чувства, какие только могла, вспомнила, с каким состраданием рассказывала о своей волонтерской работе и помощи бездомным ее подруга Морин, вытащила из памяти все те жуткие истории, которые случались с этими несчастными чуть ли не ежедневно. Когда ЭмДжей закончила, все трое смотрели на нее с интересом.

– Вы можете вернуться в четверг? – спросил молодой мужчина.

– Разумеется, – ответила Мэри Джейн.

– У вас есть портфолио?

– Прямо здесь. – Она протянула бумаги.

Несколько минут спустя Мэри Джейн, оказалась на улице и с легким удивлением глядела на пятистраничный синопсис чего-то под названием «Жизнь на улицах». В драматическом, судя по описанию, сериале с комедийными элементами одним из персонажей был фанатичный социальный работник. Также в стопке бумаг обнаружились еще три диалога и половина сценария для изучения. В четверг она будет участвовать в настоящей читке.

«А как же собеседование?» – задумалась ЭмДжейн, спускаясь по улице и пытаясь восстановить самообладание. А, ладно, она все равно ненавидела интервью, предпочитая настоящие пробы, которые имели хоть какое-то отношение к ее актерским способностям, а не к жизненному опыту.

Мэри Джейн остановилась на углу, ожидая зеленого сигнала светофора. Перед ней пролетали машины. «А из это-

го, – подумала она, – может что-то получится. Так, это не телефонная будка вон там? Чудненько...»

ЭмДжей быстро перебежала дорогу, на ходу доставая телефонную книжку. Когда девушка добралась, оказалось, что телефон уже занял какой-то парень, но он управился мило-сердно быстро. Через несколько мгновений Мэри Джейн уже набирала нужный номер.

Послышался гудок, и трубку сняли. Первым, что услышала ЭмДжей, был зевок.

– Мори-и-ин! – обрадованно вскричала Мэри Джейн, ибо этот звук она слышала уже сотни раз. Ее подруга обожала спать допоздна.

– О, ЭмДжей, – откликнулась Морин, – ну в чем твоя проблема? Ты вообще где? Судя по звукам, на парковке.

– Почти. Я возле 7-й авеню. Скажи, ты по-прежнему работаешь в этом месте, где еду раздают?

– В приюте? Ага. – Еще один зевок. – У меня смена сегодня после обеда.

– Супер. Можно мне пойти с тобой?

Еще один зевок, пополам с ироническим смешком.

– Испытываешь внезапный приступ социальной ответственности?

– Знаю, знаю, должна бы. Но нет. Послушай, дело вот в чем... – И она быстро пересказала Морин детали утреннего прослушивания. – Было бы очень классно, если бы я пришла на пробы в четверг, прочувствовав на собственном опыте все

слова, что нужно будет сказать, касательно бездомных.

– Полагаю, Станиславский бы это одобрил. Слушай, нет проблем. Как у тебя с готовкой?

– С готовкой? Не жалуюсь.

– Отлично. Мне пригодится помощь на кухне. Забегай, я возьму тебя с собой, поможешь, пока я готовлю. Потом соберешь материал для роли, когда будем раздавать еду.

– Звучит отлично. Морин, ты лучшая!

– Продолжай мне это говорить. До скорого.

Примерно два часа спустя ЭмДжей и Морин входили в двери приюта «Третий шанс» в Нижнем Ист-Сайде. Мэри Джейн нарисовала у себя в голове картинку мрачного, спартанского места, но «Третий шанс» полностью перевернул это представление. Внешняя кирпичная стена была абсолютно голой, но, пройдя внутрь, девушки очутились во дворе, заставленном множеством зеленых растений и освещенном проникающим сквозь световой люк солнцем. В здании в несколько этажей нашлось место для кафетерия, комнат для встреч, мастерских, спален, игровых комнаты и офисов.

– У нас не так много кроватей, – объясняла Морин, ведя Мэри Джейн в кухонную зону кафетерия, где сотрудники заканчивали прибирать после обеда. – В основном мы стараемся накормить людей, а после еды обучаем их новым навыкам: офисной работе, работе за компьютером и тому подобным вещам.

Она остановилась на мгновение возле одной из промыш-

ленных печей из нержавеющей стали и собрала свои длинные светлые волосы в хвост. Морин была миниатюрной блондинкой с лицом, подобные которому люди называли «необычайно привлекательными», а ее роскошные волосы опускались практически до колен, вызывая зависть в каждом, кто их видел.

– Так вот как ты сюда попала, да? – спросила Мэри Джейн. – Обучение новым навыкам?

Морин кивнула, надела длинный фартук и протянула такой же ЭмДжей.

– Изначально они пригласили меня в качестве консультанта по компьютерам. Я пришла, чтобы учить, и осталась, чтобы служить. – Она усмехнулась. – Вот... – Подруга сняла с полки книжку в мягкой обложке и протянула ее Мэри Джейн. – Сегодня у нас картофельный суп.

ЭмДжей повертела книгу в руках.

– Алексис Сойер⁹. Почему это имя кажется мне знакомым?

– Он был шефом-основателем Клуба реформаторов в Лондоне. А еще величайшим экспертом прошлого столетия по дешевому питанию – он начал работать в столовых для бездомных в Дублине во времена Великого Голода¹⁰. Книга

---

⁹ *Алексис Сойер* (1810–1858) – французский повар, ставший самым знаменитым шефом Викторианской Англии. Помогал нищим, бездомным и голодающим, пытался улучшить условия питания английских солдат в военных кампаниях, занимался благотворительностью.

¹⁰ *Великий Голод в Ирландии* (1845–1849) также известен как Ирландский кар-

«Экономная кухня» по-прежнему один из лучших источников дешевых, но максимально питательных рецептов.

ЭмДжей улыбнулась и надела фартук:

– Что, даже лучше, чем макароны с сыром?

– Намного. Картошка там. Приступай.

И на протяжении следующего часа они чистили картошку за картошкой, сотни клубней, пока, наконец, Мэри Джейн не преисполнилась стойким желанием никогда в жизни более не брать в руки этот продукт. Затем они принялись готовить бульон – куриный, как выяснилось, – используя лишенные мяса скелеты, которые пожертвовало одно из местных заведений, специализирующееся на фаст-фуде с жареной курицей. Они добавили трав, ломтики картофеля и пюре, и когда два часа спустя суп был готов, ЭмДжей едва удерживалась от желания его попробовать.

– Старина Алексис, – улыбнулась Морин, – знал свое дело. У тебя есть время проглотить порцию супа перед тем, как начнут появляться первые посетители.

Через два часа работы у горячей плиты в такой влажности Мэри Джейн едва не плавилась от пота. Однако желудок все равно настойчиво забурчал, и когда Морин протянула ей миску, ЭмДжей схватила ложку и мигом добралась до дна

тофельный голод. Вследствие неурожая картофеля, основного продукта питания бедных слоев населения, многие крестьяне остались без еды, а земледельцы – без дохода. За четыре года население Ирландии сократилось на четверть – около миллиона жителей умерло от голода, еще столько же вынуждены были покинуть страну.

посудины. Подруга наградила ее одобрительным взглядом.

– Сейчас только половина пятого, – сказала она, – первая смена вот-вот появится. Помоги мне погрузить кастрюлю на эту тележку. Мы поставим ее возле сервировочного окошка.

Вдвоем они поставили огромную восьмидесятилитровую кастрюлю на низенькую тележку и покатали вперед. Проходя мимо сервировочного окна, ЭмДжей заметила, что кафе-терий уже заполнен, и слегка покачала головой.

– Почему так много людей пришли в пальто? – удивилась она. – В такую-то погоду!

Морин покачала головой.

– Некоторые из них слишком старые и постоянно мерзнут. Остальные... в руках много вещей не унесешь, а им негде больше хранить немногие пожитки, что у них еще остались. Проще носить все с собой... даже несмотря на то, что многие из них очень обезвожены и иногда теряют сознание. Мы здесь раздаем очень много воды в бутылках. Готовься, первая смена идет.

Они схватились за половники и начали наполнять миски, выставляя их на подобие прилавка. Другие сотрудники наполняли графины с водой или выставляли графины с домашним вариантом изотонического напитка.

– Электролиты, – объяснила Морин. – В такую погоду у тебя с потом могут из организма выйти все соли, а ты этого даже не заметишь, и умрешь.

Миски с супом быстро исчезали. Мэри Джейн уже пере-

стала считать людей в потрепанной одежде, которые подходили к прилавку, брали еду, произносили одно-два благодарственных слова и исчезали из виду. Девушка знала: в городе много бездомных, но впервые в жизни она могла своими глазами убедиться, насколько. ЭмДжей стало стыдно, что никогда прежде этого не замечала. Одинокие фигуры, стоящие на углу или у двери в магазин, можно проигнорировать, отвернуться от них, отвести взгляд, пройти мимо. Но происходящее сейчас так просто не проигнорируешь.

А затем суп кончился, и Мэри Джейн внезапно осознала: она понятия не имеет, что делать дальше. Взглянув в глаза человека, стоящего напротив сервировочного окна с пустой миской в руках, ЭмДжей смогла выдавить из себя только несколько слов:

– Эм... мне очень жаль, но у нас кончился...

Мужчина кивнул и отошел. Девушка едва не расплакалась.

– Морин... – произнесла она.

– Я знаю. Передохни. Выпей чаю со льдом. Потом мы выйдем и пообщаемся с ними.

– А они не возражают? – Мэри Джейн слегка потряхивало. Она взяла стакан чая со льдом и села.

Морин наградила ее печальной улыбкой.

– Не будем ли мы выглядеть покровительственно-снисходительными? Нет. Знают ли они, что это болезненно для обеих сторон? Да. Но так лучше, чем не делать ничего. Пей свой

чай.

Она выпила его. Потом они вышли в кафетерий.

И это действительно причиняло боль. Общаться с людьми, которые когда-то жили полной жизнью, гордились ею, а теперь вынуждены каждый день искать для ночлега какой-нибудь подземный переход, туннель или заброшенное здание. Но пример Морин облегчил положение ЭмДжей. Хотя в кафетерии находились и обозленные люди, и угрюмые молчуны, большинство все же отнеслось к новичку с любопытством и добротой. Казалось, они больше смущены своим затруднительным положением, чем ЭмДжей.

Мэри Джейн почувствовала, что с некоторыми из присутствовавших она бы с огромным удовольствием пообщалась в обычной обстановке, и от этого снова устыдилась; девушка осознавала: при встрече с этими людьми на улице она просто отведет взгляд. «Меньшее, что я могу сделать, это пообщаться с ними сейчас», – подумала Мэри Джейн и этим и занялась.

Сидящая за одним столом троица людей прикончила свой суп и помахала Морин. Они с ЭмДжей присели за столик, и Морин представила всех.

– Это Майк, – произнесла она, указывая на крупного рыжеволосого широколицего мужчину, – наш новый компьютерный гений. Сейчас он изучает C++. Мэрилин...

С виду, маленькой, закутанной в пальто и свитера старушке было около семидесяти лет, но она выглядела вполне здо-

ровой и излучала жизнерадостность.

– Мэрилин опережает Майка в учебе на несколько месяцев. Я в жизни не видела, чтобы кто-то «кодил» так быстро.

– Проблема в том, – произнесла Мэрилин, – что, для получения работы, придется выдать себя за двадцатилетку.

– Мы все сделаем онлайн, – улыбнулась Морин, – никто не узнает правды, пока не станет уже слишком поздно. А это Ллойд.

Ллойд оказался молодым и красивым темнокожим джентльменом, лицо которого, благородное и спокойное – за исключением случаев, когда на нем появлялась редкая улыбка, – напомнило ЭмДжей о египетском монументальном искусстве.

– Ллойд пока ищет свое призвание. Возможно, из него выйдет отличный секретарь. Печатает он очень быстро.

После этого беседа потекла легко. Собеседники мигом узнали и начали дразнить ЭмДжей по поводу ее безработного статуса – в их глазах это сделало девушку более близкой, и вскоре Мэри Джейн уже жаловалась на трудности поиска и содержания квартиры, делилась страхом потерять ее и признавалась, насколько ей с мужем тяжело держаться на плаву. Собеседники рассказали, как справляются сами. Все трое по возможности пользовались приютами, периодически останавливались на ночлег в излюбленном подъезде или туннеле. Ллойд, к примеру, предпочитал туннели под Центральным вокзалом.

– Они пытаются вычистить их, – говорил он, – пытаются избавиться от нас и от котов. Но мы и коты – всегда возвращаемся.

– В последнее время не все, – заметила Мэрилин, – я слышала истории...

Все обменялись взглядами.

– Только не снова транспортная полиция, – произнесла Морин.

Мэрилин покачала головой.

– Что-то еще. Там, в туннелях для поездов... скрывается нечто большое и темное... В последние несколько дней я не видела парочку людей, которые обычно останавливались там на ночлег.

Брови Ллойда взмыли вверх.

– Не Джорджа Возняка часом?

– Джорджа, – кивнула Мэрилин. – Род Уилкинсон... Ты знаешь Рода. Он сказал мне, будто видел какого-то огромного черного парня, не такого черного, как ты, а черного-пре-черного, там, на нижнем уровне, неподалеку от улицы Лексингтон, где находятся пути техобслуживания. Видел его прошлой ночью там, где обычно спит Джордж. И никто не видел Джорджа последние пару дней. А ты знаешь, какой Джордж предсказуемый. И это совершенно на него не похоже.

Майк поднял взгляд и произнес:

– А знаешь, что забавно. Дженни Макмэхон, такая светлая

дамочка, которая любит ночевать в районе 49-й и 9-й, она рассказала мне, будто слышала, как кто-то говорил о том, что в канализационных туннелях – знаешь, где эти входные туннели, – так вот, там что-то есть...

– Опять аллигаторы, – произнесла Мэрилин.

Майк покачал головой.

– Нет. Ходит на двух ногах. Зубастое, огромное. Она передала: рассказчик упоминал, что улыбке этой твари любая акула бы позавидовала. Куча зубов.

Это привлекло внимание Мэри Джейн, но она придерживала свое любопытство.

– Некоторые из постоянных обитателей признались мне, что боятся идти на поверхность, бояться наткнуться... на эту штуку, пока будут подниматься, – сказал Ллойд. – Пожалуй, сейчас безопаснее оставаться наверху.

Майк пожал плечами.

– После того что случилось с теми двумя парнями на складе? Не. В этом городе просто не осталось безопасных мест, по-настоящему безопасных. Ни в квартирах, ни на верхушке Башни Трампа, нигде. Уровень преступности просто чудовищный.

После этого разговор стал перетекать на темы, которые рано или поздно услышишь от любого жителя города в любом месте земного шара: дела катятся под гору, это место превратилось просто в помойку, десять лет назад такого ужаса не было, мэру пора бы уже что-нибудь предпринять... Мэри

Джейн с трудом успевала следить за беседой. Она думала о чем-то большом, черном и зубастом, чем-то таком, при появлении которого исчезали люди.

– А хуже всего то, – говорила Мэрилин, – что у них все волосы выпадают.

– Прямо все? – не поверил Майк. – Должно быть, вода некачественная.

– Хелен сказала мне, будто волосы Родена вываливаются прямо клочьями. И у них всех высыпали странные пятна на коже.

– Это под Пенсильванским вокзалом? – с любопытством поинтересовалась Морин.

– Да, – ответила Мэрилин, – Роден перебрался туда всего пару недель назад, и тут же началось. У других это заняло больше времени, но с ними подобное тоже происходит. Некоторые уже убрались оттуда... говорят, им стало все равно, насколько удобно там можно закопаться.

Морин покачала головой.

– И все они берут воду из одного источника?

– Не думаю...

– Тогда дело не в воде.

– Может, болезнь Лайма? – Ллойд покачал головой. – В Парке в прошлом году была вспышка.

Мэрилин покачала головой:

– Занимает больше времени, разве нет?..

Разговор снова переключился, и Мэри Джейн погрузилась

в мысли. «Волосы выпадают. Пятна на коже. Больше похоже на радиацию». Для нее это едва ли была революционная или требующая большого воображения идея. ЭмДжей жила с человеком, который по вполне личным причинам очень интересовался влиянием радиации на людей. Она выслушала более чем достаточно информации на эту тему. И затем ее мысли вернулись к огромному черному существу с зубами.

«Питер, – подумала Мэри Джейн, – Питер должен узнать об этом. Так быстро, как только я смогу его найти. Где бы он ни был».

ОДНАКО прямо сейчас Питер Паркер был недоступен для комментариев. Сидя на верхушке башни для сушки пожарных рукавов на юго-восточной оконечности Бруклинской военно-морской верфи, Человек-Паук оглядывал окрестности и размышлял.

«Сложно понять, откуда начинать. Даже военные не развешивают просто так огромные вывески с надписью: „НУЖНЫ РАДИОАКТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ? ВАМ СЮДА!“ . И все же... – Питер еще раз задумчиво оглядел огромное пространство верфи. – Подобные вещи не оставляют где-нибудь на задворках. Их стараются запихнуть так далеко в центр, как только можно – чтобы максимально усложнить жизнь то-

му, кто хочет забраться туда незамеченным и, желательно, выбраться тоже. Или, второй вариант, сам бог велел оставить начинку для ракет возле подводных лодок. Это одно из самых защищенных мест на всей базе».

На пути сюда Паучок заметил под водой заградительные сети, которые убирали только тогда, когда подлодка собиралась войти на территорию базы или покинуть ее. «Храни макеты возле ракеты, – Паук ухмыльнулся, – пилюля с козулей на лодке с пестиком...»¹¹

Человек-Паук выпустил струю паутины и направился в самое сердце верфи – туда, где стояли субмарины. В настоящий момент возле причалов оказалась пришвартована всего одна лодка, но Паучок не собирался спешить на борт с визитом. Его разведывательная операция носила, конечно, дружественный характер, но он сомневался, что служба безопасности верфи расценит его появление именно так.

Передвигаться по верфи было куда сложнее, чем, скажем, по центру города: большинство зданий не превышало в высоту одного-двух этажей. Приходилось довольствоваться тем, что есть. Опускались сумерки – вот и вся помощь, на которую он мог рассчитывать. Паук старался держаться подальше от освещенных окон и избегал путей, проходящих мимо дверей, из которых мог внезапно кто-то появиться – скажем, вооруженные люди.

---

¹¹ Парафраз крылатой цитаты из известной в США музыкальной комедии 1955 года «Придворный шут».

Оказавшись на крыше ближайшего к докам здания, с виду офисного, Человек-Паук остановился и оценил местное движение. На узких улочках, бегущих между зданиями, оказалось немногочисленно. «Время ужина? Недостаток персонала? Кто знает». Паучок вытащил камеру и штатив из переброшенной через плечо паутиной сумки. Эта точка ничем не хуже...

Его внимание привлек отдаленный воющий звук, а вовсе не сигнал паучьего чутья, которое все еще не работало. Оглядевшись по сторонам в поисках источника звука, Паук быстро отвел взгляд и поспешно включил камеру. Она также начала следить за источником движения, следуя за отдаленным отблеском, сверкнувшим в том месте, где солнечные лучи все еще пробивались к поверхности мимо падающих на воду теней небоскребов. Крошечная точка покинула освещенный участок, но не раньше, чем Человек-Паук узнал угловатую форму реактивного глайдера Хобгоблина.

«Моя догадка оказалась верна, – подумал Паук. На его глазах угловатая форма устремилась вниз, направляясь прямо к субмарине. – Не уверен, правда, что хорошего это ему даст...»

Однако более пристальный осмотр субмарины ответил на его вопрос: самый большой люк на корме лодки, тот, что использовался для обслуживания ракет, был открыт. А если через это отверстие можно погрузить целую ядерную ракету, то уж реактивный глайдер тем более мог легко влететь

внутри.

Человек-Паук выпустил струю паутины и моментально, на всей возможной скорости, помчался в направлении Хобгоблина. Передвижение по базе не стало проще, но на этот раз ему по крайней мере не приходилось заботиться о скрытности. Злодей уже и так привлек достаточно внимания к своей персоне: Паучок слышал окрики и как минимум один резкий треск предупредительного выстрела. «Лишь бы не попасть между двух огней. Ну ладно, паучье чутье меня в любом случае...»

Паучок выругался. «Не предупредит».

«Не важно!»

Он направился к снижающемуся глайдеру Хобгоблина. В кои-то веки удача оказалась на его стороне. Тот так увлекся лодкой, что не видел и не слышал приближающегося к нему Человека-Паука. «Нельзя позволять ему так просто вальсировать тут! На этой лодке столько ядерных ракет, сколько в метро пассажиров в час пик».

«Но как его остановить?»

Хобгоблин опускался все ниже, он находился уже всего в нескольких сотнях метров от цели. «О, самое время для на редкость глупой идеи», – подумал Паучок.

Он тщательно прицелился и выстрелил струю паутины прямо в глайдер. Паутина угодила в цель.

Его буквально смело с крыши здания и на огромной скорости потащило следом за суперзлодеем. Сперва у Паука

еще теплилась безумная надежда, будто его веса окажется достаточно, чтобы замедлить глайдер или даже заставить Хобби потерять равновесие и свалиться, но эта надежда скоро развеялась. Эта штука была быстрой, мощной и адаптируемой, так что она просто продолжила лететь дальше. Хобгоблин слегка пошатнулся, оглянулся, заметил прихваченный нежелательный груз, который теперь болтался за его спиной, словно буксируемая спасательная шлюпка за кормой корабля, и затем резко развернул глайдер. Паучка, судорожно цеплявшегося за самый конец паутиной нити, занесло в сторону, словно ребенка, замыкающего вереницу фигуристов, играющих в перетягивание каната. Он отчаянно держался за паутину, размышляя: «Это совсем не подходящее место для падения. Пятьдесят метров над землей, пятьдесят метров над водой, с такой высоты результат будет примерно одинаков. Шлеп!»

– Ты просто не можешь не совать нос в мои дела, не так ли? – прокричал ему Хобби, делая такой крутой разворот, что на какое-то мгновение Паучок еще продолжал лететь в одном направлении, а злодей уже двигался в противоположном. Они пролетели мимо друг друга, и на этот краткий миг эффект получился почти комическим.

И тут же перестал таковым быть – паутина резко дернула Паука в противоположную сторону, на этот раз еще жестче. «Около 3g, насколько я могу судить», – подумал Человек-Паук, стиснув челюсть и изо всех сил вцепившись в пау-

тину. Он думал, что столь резкие рывки переломают все кости, но каким-то образом ему удавалось держаться даже без паучьего чутья, которое предупреждало бы его о приближении наиболее жестких толчков.

– Давай назовем это просто моим гражданским долгом, Хобби! – прокричал он в ответ. – Это же государственная собственность...

Вторая пуля вжикнула, с тем самым «вжик!», с которым обычно летают пули, прямо мимо его уха. Стреляли в Хобгоблина, но тот, истерически хохоча, как раз закладывал очередной крутой вираж. А затем последовал новый резкий рывок...

Паучок держался, оглядываясь по сторонам в поисках достаточно высокого здания. Если ему удастся выстрелить в него паутиной, а затем связать две нити в одну и не быть разорванным в процессе на пару частей, словно дужка индейки в День Благодарения...

Однако времени не было. Следующим, что увидел Паук, и опять без малейшего предупреждения со стороны паучьего чутья, оказалась летящая прямо в его голову тыквенная бомба.

Человек-Паук отпустил паутину и, растопырив руки и ноги в стороны, рухнул вниз – из наблюдений за настоящими пауками и по своему собственному опыту он давно знал: это единственный способ выгадать себе секунду-другую свободного падения. Бомба разорвалась выше и позади него. Оче-

редная порция пуль просвистела мимо в направлении Хобгоблина. Паучок отчаянно огляделся по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, к чему можно «припаутиниться». На крыше одного из зданий стояла радиомачта, судя по виду, УКВ, довольно прочная. Паук выстрелил в вышку, почувствовал, как паутина прикрепилась к мачте, изо всех сил дернул, и ему удалось пронестись мимо, не пропахав лицом крышу здания.

Человек-Паук поднял взгляд и увидел, как Хобгоблин направляется прямиком к люку в корпусе лодки. Он успел углядеть, что какой-то матрос выглянул из люка, раскрыл рот при виде творящегося над головой спектакля и быстро нырнул обратно – но недостаточно быстро, чтобы задрать люк. Хобби нырнул внутрь, и на несколько секунд воцарилась ужасающая тишина.

А затем БАХ!

«О боже, нет!», – подумал Паучок и устремился следом за ним. До люка субмарины оказалось слишком далеко. Паук отпустил нить паутины и разве что не греб руками в воздухе, пытаясь преодолеть последние несколько метров.

Он рухнул на корпус подлодки по соседству с люком, из которого поднимался в небо дым. «Не самая его взрывная тыковка, – подумал Человек-Паук, – может, сегодня Хобби не в настроении для убийств».

Паук нырнул в люк и осознал: отсутствие паучьего чутья в очередной раз подвело его. Первые клубы дыма были след-

ствием зашла бомба, только и всего. Коридоры подлодки купались в густом тумане газа: люди дергались во всех направлениях и падали друг на друга. Воздействие этого газа Паучок знал по собственному опыту: при определенной концентрации тот мог парализовать и даже убить – и обычно подобные бомбы срабатывали в два этапа. Паук затаил дыхание и, вглядываясь сквозь дававшую хоть какую-то защиту маску, поспешил добраться туда, где облако газа казалось гуще всего. «Вот... похоже, сюда...» Его рука нащупала круглую форму тыквенной бомбы. Паучок подскочил к трапу, взлетел вверх и швырнул бомбу как можно дальше. В воздухе она взорвалась и выпустила основную дозу газа, которая должна была заполнить все помещение и убить людей на борту. Легкий бриз в заливе мгновенно принялся развеивать большое ядовито-зеленое облако.

Однако проблемы оставшихся внутри субмарины подводников это не решило. Паучок нырнул обратно в люк и стал любым способом: вниз головой, вперед ногами и так далее – хватать лежащих на палубе матросов и по двое за раз подтаскивать к трапу. Оказавшись возле люка, он снова скакнул вверх, на этот раз тщательно подготовив прыжок. Если пауки могли взмывать в воздух, держа на себе пропорционально такой же вес, то и он мог. Оказавшись снаружи подлодки, Паучок сгрузил моряков на внешнем корпусе и снова нырнул вниз. Второй заход, парни задыхались и кашляли, по щекам текли слезы, они на чем свет стоит

проклинали газ и пытались понять, что вообще происходит. Паук опять выпрыгнул на чистый воздух, сгрузил подводников рядом с их приятелями, глубоко вздохнул, снова нырнул вниз... и оказался попросту впечатан в открытую крышку люка. Хобгоблин, все еще истерически хохоча, взмыл в воздух, сжимая в руках что-то металлическое и громоздкое. И улетел прочь.

Паучок уцепился за кромку люка и выстрелил в Хобгоблина струей паутины, пытаясь не дать ему уйти. Паук был в бешенстве на свое в очередной раз не сработавшее паучье чутье. Но Хобби увернулся от его паутины, пересек реку и на полной скорости устремился в сторону Манхэттена. Его истерический смех затих вдаль. Паутина бесполезной нитью упала в воду – менять направление посреди полета она не умела.

Человек-Паук выбрался из люка и склонился над лежащими на корпусе подлодки людьми. Они все еще кашляли и потирали слезящиеся глаза, но все были живы, а это чего-то да стоило.

– Эй, – сказал один из них, сфокусировав на Пауке взгляд, – спасибо, приятель. Может, однажды я сделаю то же самое для тебя.

Человек-Паук оглядел элегантный темный корпус подлодки.

– Ты и так уже давно этим занимаешься, – сказал он, – я всего лишь возвращаю услугу.

Услышав позади себя шаги, Паук оглянулся. Высокий смуглый мужчина, держа в руке пистолет, выбрался из люка и холодно взглянул на него. Его глаза по-прежнему слезились от газа.

– Капитан хочет видеть вас, мистер...

– Дружелюбный сосед Человек-Паук подойдет, – ответил Паучок, стараясь, чтобы его голос звучал столь же прохладно. – С радостью. Ведите.

Сержант с оружием спустился внутрь лодки. Паук последовал за ним. Включилась вентиляция, и облако газа постепенно рассеивалось, так что слева от себя Человек-Паук смог разглядеть кое-что незамеченное в прошлый раз: огромную дверь с выведенной на ней надписью: «ОСТОРОЖНО – РАДИАЦИЯ» и знакомым предупредительным треугольником. «А вот это уже интересно, – подумал он. – Если я ничего не путаю, Хобби даже не удостоил эту дверь взглядом. Очень странно...»

– Сюда, – сказал сержант, указывая направо.

Паучок послушно свернул. Вокруг него матросы в противогазах помогали товарищам подняться на ноги. Коридор заканчивался на мостике, по крайней мере, в месте, напоминающем мостик. Там стоял еще один человек, неприлично спокойный для разворачивающейся вокруг ситуации. Три полосы на рукавах его короткой форменной рубашки объясняли причину его спокойствия.

– Человек-Паук, я полагаю, – сказал капитан. – спасибо,

сержант-пристав, дальше я сам.

Офицер отдал честь и удалился.

– Разрешите подняться на борт, капитан...

– ЛоБуоно, – представился офицер и протянул руку. Пау-чок охотно пожал ее. – Разрешаю. Мои медики говорят, ты спас жизни ребят, оказавшихся на корме.

– Похоже на то, капитан.

– Благодарю тебя, – произнес ЛоБуоно, – по всей видимости, лодка серьезно не пострадала. Но кое-что мы потеряли.

– Но не жизни экипажа...

– Нет. Твой друг...

– Не мой друг, капитан. Его зовут Хобгоблин.

– Он заслужил это имя. А то и чего похуже. Он вломился в одну из пусковых шахт по соседству с люком... – В этот миг к капитану подскочил молодой офицер. – Минутку. Докладывайте.

– Он вломился в третью шахту, капитан, – доложил офицер, – Украл верхний активатор.

– Чтоб ему пусто было, – совершенно спокойно ответил капитан. – Еще что-нибудь?

– Нет, сэр. Он попытался вломиться и в четвертую шахту, но, судя по всему, решил не морочиться.

– Видимо, одного ему хватило, – пробормотал ЛоБуоно, – очень хорошо. Начинайте процесс списания этой ракеты и уведомите берег и Омаху, стандартная процедура. И проверьте четвертую шахту. Свободны.

Офицер отсалютовал и скрылся с глаз.

– Активатор? – спросил Паук.

Капитан выдохнул.

– Устройство, которое детонирует ядерную реакцию в выпущенной ракете, – объяснил он, – определенно что-то, у чего может быть миллион других применений.

– Для кого-то вроде Хобгоблина, – тихо сказал Человек-Паук, – это вообще не вопрос. И за последние несколько дней он оказался замешан как минимум в одной краже ядерных отходов.

Капитан ЛоБуоно задумчиво посмотрел на него.

– Ядерных, говоришь... пойдём-ка со мной.

Паук последовал за ним. Воздухонепроницаемые люки в следующие отсеки лодки оказались задраены, поэтому воздух там оставался чистым. Они прошли несколько таких отсеков и, наконец, оказались возле двери, ведущей в капитанскую каюту. Зайдя, капитан закрыл дверь и предложил Человеку-Пауку сесть. Потом и сам устроился напротив гостя и провел руками по лицу и волосам. И на это мгновение вся его выдержка не то чтобы исчезла, но несколько ослабла и показала: за фасадом внешнего спокойствия скрывается очень усталый и расстроенный человек. Затем ЛоБуоно выпрямился, и его непробиваемое спокойствие вернулось.

– Я хотел бы снова тебя поблагодарить, – сказал капитан, – за спасение моих людей.

– Ерунда, – отмахнулся Паучок, – в противном случае я

бы продолжил о них спотыкаться.

Капитан улыбнулся, скупой, но улыбка казалась искренней – как улыбка человека, который привык, что окружающие его люди скрывают свои мысли или эмоции.

– Это не единственное странное событие, случившееся с нами за последние дни, – произнес он. – И в свете происходящего я подумал, тебе следует знать еще кое о чем.

Может, паучье чутье прямо сейчас и не работало, но Паук все равно ощутил нечто, перекликающееся со словами из одного известного фильма: «У меня очень плохое предчувствие».

– Мы принимали на борту очень необычного пассажира, – продолжил капитан. – Мы выбрали это... я не могу сказать, где... и должны были доставить в укромное место в Гренландии. Однако вскоре после того, как мы пристали здесь к берегу, пассажир предпочел нас покинуть.

– *Это*, – заметил Человек-Паук.

Капитан ЛюБуоно кивнул и скрестил руки на груди.

– Ты бывал в необычных местах, – сказал он, – и у тебя репутация того, кто неоднократно сталкивался с... скажем так, с необычными существами, поэтому я не боюсь поделиться с тобой этой информацией. Нет никаких гарантий, что наш, эм, пассажир останется на этой стороне реки. Он вполне может оказаться и в твоей округе.

– А кого вообще вы везли?

На лице капитана появилось крайне любопытное выраже-

ние.

– Я не могу сказать.

Тишина.

– Вы имеете в виду, «вам не следует»?

Капитан кивнул.

– Думаю, кое-что совершенно очевидно: оно инопланетного происхождения.

– Оно было в этом помещении... и выбралось наружу.

– Прямо сквозь корпус моей лодки, – сказал ЛоБуоно, и в первый раз в его голосе прорезалось раздражение. – Хотя, возможно, мне следует быть благодарным ему за это.

– Кто-нибудь его видел?

– Нет. Ни разу за все время нашего круиза, и не видели, когда оно нас покинуло.

Человек-Паук задумался.

– Оно было радиоактивным?

– Само по себе нет. Но его среда обитания диктует, чтобы оно находилось в помещении, содержащем радиацию.

– А сейчас оно вырвалось на свободу, – резюмировал Паук, – в городе с достаточным количеством источников радиации для питания.

Капитан ЛоБуоно кивнул.

– Вроде того.

Человек-Паук тоже кивнул.

– Капитан, чего конкретно вы от меня хотите в связи с этим?

ЛоБуоно на мгновение задумался.

– Берегись его, – сказал он, наконец.

– Только и всего?

– Только и всего. Сомневаюсь, что у меня есть право просить большего.

Человек-Паук подавил вздох.

– Ладушки.

– Очень хорошо. – Капитан поднялся на ноги. – Выход найдешь?

– Да, сэр.

– Тогда хорошего тебе дня. И, Человек-Паук... спасибо тебе еще раз.

Паучок кивнул. Его раздирали чувства смущения и глубокой растерянности. Он покинул лодку под аплодисменты и приветственные окрики спасенных им людей. Но только выбравшись с субмарины, забрав камеру и двинувшись обратно на Манхэттен, он смог спокойно поразмыслить над этой мешаниной. Было ясно, что капитан слил ему секретную информацию, пусть и крайне немного. Существо, которое никто не видел, нечто способное спокойно пройти сквозь корпус подлодки, само по себе не радиоактивное, но обожающее радиацию, вырвалось на свободу и шастало по его городу.

Внезапно Паук вспомнил сегодняшний репортаж по телевизору. Вспомнил стену склада, которая то ли рухнула, то ли расплавилась, и бездомного, который рассказывал о существе, лакавшем радиоактивные отходы.

Человек-Паук поспешил домой.

НА ПРОЯВКУ пленки у Питера ушло несколько часов. Сегодняшние снимки получились не такими хорошими, как вчера. Наверное, слишком много полетов и прыжков, подумал Питер. Судя по фото, у камеры едва не случился электронный нервный срыв, пока она пыталась уследить за всеми их дикими передвижениями в воздухе.

Питер с радостью отметил: камера сделала отличный снимок Хобгоблина, когда тот с полной охапкой оборудования выскочил из люка субмарины, попутно усадив Человека-Паука на пятую точку. Питер не сомневался: Джона разместит эту фотографию по центру первой полосы, хотя бы только желая показать, как его старому врагу утерли нос.

Сам Питер все еще злился от того, что не смог помешать Хобгоблину попасть в лодку. «Проблема в том, – подумал он, вешая готовый снимок на веревочку и критически его оценивая, – композиция в этой партии снимков оказалась совсем не так приятна глазу, как в предыдущей, – что я чересчур завишу от паучьего чутья, а нужно бы полагаться на мозги».

Полезно иметь шестое чувство, которое присматривает за тобой, пока ты полностью поглощен своими делами, заранее предупреждает об опасностях и проблемах. Паучье чутье неоднократно спасало его – от неприятных сюрпризов, от

серьезных или даже смертельных повреждений, от самых извращенных вариаций внезапных смертей, какие только оказались способны придумать его оппоненты. Но предположим, Хобби смог улучшить газ, который лишил его этого особого чувства. От одной лишь мысли о потере паучьего чутья навсегда у Питера мурашки по коже побежали. Но предположим, эта потеря таки стала безвозвратной? Предположим, всю свою оставшуюся карьеру Человек-Паук будет вынужден обходиться без чутья, что тогда?..

Питер вздохнул. Прямо сейчас он ничего особенно не мог с этим поделать, разве что продолжать действовать как обычно, на пределе собственных возможностей, стараясь держаться как можно дальше от опасностей, идущих в комплекте с работой. Вокруг творилось слишком много всего, чтобы сидеть дома сложив руки из-за потери одного конкретного чувства.

Работая над пленкой, Питер с нетерпением ждал звонка телефона. Мэри Джейн обычно не задерживалась так сильно без предупреждения.

«Интересно, получила ли она роль», – подумал он. Питер отчаянно надеялся на положительный ответ. Но все же не стоило слишком увлекаться надеждами. Уж очень часто в последнее время Мэри Джейн находила что-нибудь, казавшееся им обоим верным случаем, а потом впадала в депрессию, когда роль доставалась кому-то еще. Они оба на собственном горьком опыте научились не обнадеживать друг

друга без особой необходимости, поскольку неизвестно, когда именно улыбнется удача, и слишком часто можно ошибиться. «И все же мне бы хотелось, чтобы она поскорее вернулась домой. Я скучаю».

Была и еще одна мысль, не дававшая Питеру покоя. Веном. Слишком часто тот использовал Мэри Джейн, чтобы выманить Человека-Паука на открытое пространство, где они могли бы сразиться. Раньше в такие дни, когда Мэри Джейн задерживалась, а Веном таился поблизости, Питер не мог избавиться от страха, что в каком-то темном переулке или тихом месте, где никто не услышит криков, огромная темная фигура уже нависала над его женой, плотоядно оскалывая в улыбке зубастую пасть.

«Он не причинит ей вреда, – убеждал себя Питер, – она же ни в чем не виновата. Правда ведь?» Но на этот вопрос у него не было ответа. Он имел все основания полагать, что Веном считал достаточным доказательством вины хоть какую-то причастность к Человеку-Пауку. Тем не менее, Паркер был настроен решительно.

«Если он хотя бы тронет ее...»

Сложность противостояния с Веномом заключалась еще в одном: в битвах с ним часто всё складывалось против Человека-Паука. Они неоднократно сходились в отчаянных сражениях, и, хотя временами какое-то случайное гениальное озарение или простая удача склоняли весы на сторону Паучка, пару раз капризные кости судьбы все же выбирали Вено-

ма, и тогда для Человека-Паука исход битвы лишь чудом не оказывался фатальным. Искренняя ненависть и святая вера в то, что именно Паук разрушил ему жизнь и карьеру, делали Эдди Брока и его симбиотический «костюм» крайне опасным противником.

Питер повесил на веревочку последний снимок. На увеличенной версии фото с Хобгоблином, вылетающим из люка подлодки, он тщательно высматривал блестящую металлическую коробку с торчащими из нее проводками и парой лампочек и переключателей спереди. «Скорее всего, просто выдрал ее из панели управления. Слишком много оборудования в наши дни делают модульными. Легко вытащить для ремонта или замены, но также легко вытащить и для кражи. Это нападение только подтверждает мои подозрения о том, что он строит нечто наподобие ядерной бомбы. Сперва радиоактивные отходы, теперь детонатор. Какую дьявольщину Хобби задумал на этот раз?..»

Питер взял фен Мэри Джейн и в нетерпении начал сушить два последних снимка струями теплого воздуха. Больше всего в кражах Хобгоблина Питера смущал сам радиоактивный материал. Даже если ты собираешься построить ядерную бомбу, тебе потребуется специальное делящееся вещество военного качества, которое так любили авторы триллеров. Нельзя просто взять бочку радиоактивных отходов, вставить в нее детонатор и запал и надеяться, что в итоге это все сделает БУМ! Бочка пороха – да, бесспорно. Но не ра-

диоактивные отходы.

Сначала их нужно обогатить. А это очень дорогой, медленный, но прежде всего, как уже убедились некоторые страны, не говоря уже о бандитах, очень заметный процесс. Обогащение урановой руды, или даже отработанных низкокачественных радиоактивных отходов реактора, где часть процесса уже была пройдена, в изотоп U-235 требовало наличия взаимосвязанной серии массивных центрифуг для отделения тяжелых металлов. Такое оборудование занимало уйму места и потребляло эквивалентное количество энергии.

Как бы злодей ни старался замаскировать подобную активность, нельзя незаметно построить такое предприятие в населенном месте. Каждое включение подобной системы – а работать она должна практически непрерывно – будет черпать такое количество энергии из сети, что даже самый скудоумный инженер-электрик догадается: творится нечто подозрительное.

«Позже, – подумал Питер, – когда у меня появится хоть немного времени, нужно будет более тщательно заняться этими двумя кражами. Необходимо выяснить, что конкретно хранилось в украденных бочках. И гораздо важнее понять, почему кто-то держит отработанный радиоактивный материал, да любой радиоактивный материал, на Манхэттене?» Питер сходу смог вспомнить шесть групп, занимающихся защитой окружающей среды, которые всем коллективом слетели бы с катушек, если бы узнали об этом... а может,

слетают уже прямо сейчас. «Но это все потом, сейчас же...»

Питер проверил шесть лучших снимков, убедился, что они уже высохли, убрал в папку, вложил туда же негативы и направился к двери. Уже на пороге он бросил последний взгляд на упрямо молчащий телефон... «Мэри Джейн, – подумал он, затем тряхнул головой и улыбнулся собственной нервозности, – она уже большая девочка и сможет сама о себе позаботиться».

С этими мыслями он запер дверь и пошел в «Бьюгл».

– **ОПЯТЬ** твой длиннофокусный объектив? – поинтересовалась Кейт, заглядывая через его плечо, пока Питер один за другим раскладывал снимки на столе. – Вот этот не так уж и плох. – Склонив голову на бок, Кейт критическим взором изучила снимок, на котором Хобгоблин вылетал из люка субмарины. – С выдержкой, правда, небольшая беда.

– Это можно вытянуть на компьютере, – заметил Питер. Кейт кивнула.

На стол упала еще одна тень. Питер повернулся и увидел Дж. Джону Джеймсона. Издатель, скривившись, изучал снимки.

– Что это такое? – спросил он, беря в руки снимок с Хобби, подлодкой и Человеком-Пауком. – Опять они?

– А что, Джона? – сухо поинтересовалась Кейт. – Я думала, ты будешь счастлив. У нас сегодня хороший на новости день. Ты только подумай, как тебе заголовок «Хобгоблин наносит новый удар»?

– Да кому интересен этот убогий? – прорычал Джеймсон. – Меня заботит Человек-Паук! Что он забыл на борту атомной подводной лодки в порту Нью-Йорка? Он там какую угодно гадость мог сотворить!

– Эм, мистер Джеймсон, – мягко сказал Питер, – это Хобгоблин делал там «какую угодно гадость». Судя по всему, он похитил детонатор для ядерной ракеты. Это же явно видно на снимке.

– Возможно, – ДжДжДж нахмурился. – Но я все равно уверен: Человек-Паук там тоже не здоровье поправлял.

Вспомнив о ядовитом зеленом облаке газа, окутавшем его внутри подлодки, Питер молча согласился.

– Должна быть какая-то связь, – сказал Джеймсон. – Хобгоблин, Веном и Человек-Паук, все в один день. Только не пытайся убедить меня, будто эти события никак не связаны.

Питер и с этим согласился, однако по немного другим причинам.

– Слушай, Джона, – обратилась к нему Кейт, – прямо сейчас это не имеет никакого значения. У нас лучшая фотография в городе для передовицы «Бьюгл», и еще есть время, чтобы поставить ее в первое вечернее издание. Они могли хоть для еженедельной игры в бридж собраться, мне фиоле-

тово, благодаря этому снимку мы сегодня вечером будем отлично выглядеть. У тебя с этим проблемы?

Джона оскалился.

– Ну, не в этом смысле, но...

– Хорошо, – произнесла Кейт с удовлетворенной бесповоротностью в голосе, – такая формулировка тебя устраивает?

– Ну, на данный момент подойдет, но...

– Хорошо, – сказала она еще более удовлетворенным тоном. – Тогда все решено. – Она склонилась над снимком Хобгоблина. – Надо только решить, как обрезать...

И именно в этот момент в дверях кабинета Кейт показалась голова Гарри Пейна, одного из младших редакторов из отдела городских новостей.

– Эй, Кейт, – произнес он, – тут на сканере нарисовалось кое-что – может оказаться интересным.

– Да? И что же?

– Непонятное творится на сортировочной станции над 11-й авеню! – воскликнул он. – Мне кажется, это Веном!

– Что?! – закричали трое хором, мигом позабыв о фотографиях.

– Так сказано на сканере. «Неопознанная личность, большая, черная, зубастая слюнявая пасть». На мой взгляд, похоже на Венома...

Кейт покачала головой и улыбнулась:

– Сегодня мой счастливый день! – воскликнула она. – Питер, не вздумай с места сдвинуться, пока я не найду... – Она

высунулась за дверь, огляделась и спустя мгновение прокричала. – Бен? Бен! Собирайся, ты нам нужен! – Она повернулась обратно к Питеру. – Поедешь с Беном, – заявила она. – Поймайте такси. Езжайте!

– Дай мне знать, что из этого выгорит, – прорычал Джеймсон и зашагал в сторону собственного офиса.

Кейт проследила за его уходом, затем покосилась на Питера:

– Знаешь, я бы хотела крикнуть: «Остановите печатный станок!» Но это было бы проблемой с учетом того, что мы его еще не запускали... А ты чего ждешь? В дорогу, в дорогу!

Питер не знал, как долго Бен Урих – один из самых опытных репортеров «Бьюгл» – занимается журналистикой, вполне может быть, лет тридцать или больше, по его виду угадать наверняка не представлялось возможным. Казалось, возраст Бена навсегда застыл на отметке сорок пять. Питер подозревал, что репортер сохранит этот суровый хладнокровный облик, пока ему не стукнет девяносто.

Когда Питер спустился к главному входу в редакцию, на улице уже стемнело, а Бен нетерпеливо мерил шагами асфальт. Возле тротуара поджидало такси.

– Поехали! – воскликнул Урих. – Время – деньги!

Питер запрыгнул в такси. Бен забрался следом.

– Едем! – велел он водителю, и машина ворвалась в уличный трафик.

Бен взглянул на камеру Питера, поправил очки в толстой

оправе и перевел взгляд на самого фотографа.

– Она заряжена?

– Ага.

– Нервничаешь?

Питер внимательно посмотрел на него:

– Если там, на сортировочной станции, нас поджидает то, о чем мы думаем, я бы сказал, у нас есть все основания нервничать, не находишь?

Бен поднял брови.

– Если там именно то, о чем нам сказали.

– Ты так не думаешь? – поинтересовался Питер.

Бен откинулся на спинку сиденья и потянулся.

– Пока сложно судить. У нас есть лишь слухи, причем крайне странного толка.

– В смысле крайне странного?

Бен взглянул на него, и его очки снова съехали на кончик носа.

– Насколько я понимаю, Веном не из тех, кто убивает людей, которые этого не требуют. По крайней мере, сейчас.

– Я тоже это слышал, – согласился Питер, – и все же, ты не думаешь, что он мог внезапно изменить своим убеждениям?

Бен криво ухмыльнулся и снова поправил очки.

– Человек постоянно меняет свое мнение, – сказал он, – а вот убеждения – гораздо реже.

– Если можно назвать Венома «человеком».

– Ну, я не знаю, – ответил Бен, – где-то под всем этим

«костюмом» по-прежнему спрятано человеческое существо.

– Знаешь, есть огромная разница, – заметил Питер, – между человеческим существом и человеком.

Бен скептически изогнул бровь.

– Разница в основном смысловая, в любом случае мы скоро это выясним. Если предположить, – в голосе Бена появилось еще больше скепсиса, – будто этот человек, существо или кто он там, окажет нам милость и задержится на месте преступления до нашего появления.

Бен наклонился к водителю и начал давать указания. Они свернули к грузовому входу на сортировочную станцию. Огромные желтые натриевые фонари сияли над головами ослепительно резким, неприятным светом, придавая окружающим зданиям нереалистичный вид – прибывшие как будто очутились на съемочной площадке. Красно-синие мигалки нескольких полицейских машин только усиливали этот эффект, придавая происходящему вид детского калейдоскопа.

– Наша остановка! – воскликнул Бен и выскочил из машины.

– Твой друг опаздывает на встречу? – поинтересовался водитель, вместе с Питером любясь удаляющейся спиной Уриха.

– Надеюсь, нет, – искренне ответил Питер. Мысленно вздохнув, он заплатил по счетчику и взял чек. Он потребует возместить ему эти траты в следующий раз, как окажется в

редакции «Бьюгл».

Затем Питер последовал за Беном в помещение для охранников – длинное низкое здание, забитое картотечными шкафами, парочкой древних огнеупорных алюминиевых столов и целой толпой крайне взволнованных железнодорожных рабочих, многие из которых общались с полицейскими. Бен уже достал из кармана диктофон и разговаривал с одним из зрителей, не дававшим показания полиции.

– Он был вот такой высоты, – рассказывал блондин, указывая на точку сантиметрах в шестидесяти выше его собственной головы, – и вот такой ширины...

Питер прикинул указанное расстояние и задумался, не слишком ли сильно Веном прибавил в весе на Западном побережье. С другой стороны, «костюм» мог менять форму...

– Где вы впервые его увидели? – спросил Бен.

– Возле бокового пути, – ответил бригадир, указывая рукой, – сперва я подумал, это кот шастает в тенях возле входа в туннель. У нас тут куча кошек живет в округе, вечно туда-сюда шляются. Но затем я подошел поближе и пригляделся получше – кошки такими гигантскими не бывают. Оно выползло из туннеля, целиком черное...

– Черное, – повторил Бен, – а вы видели какие-то узоры или рисунки?

– Я видел огромные длинные лапищи...

– Узоры. Вы видели, какого они цвета?

– Нет, я не думаю, что... что... – бригадир покачал голо-

вой. – Оно двигалось слишком быстро. Вот в чем проблема. Оно просто внезапно выскочило из туннеля, понимаете? А затем в том направлении двинулся поезд, и оно взглянуло на поезд, да как зарычало... Поезд ему явно не понравился...

– Оно зарычало? – переспросил Бен. – Ничего не сказало?

– Нет, это был просто рык...

Питер, снимавший железнодорожника для той части сюжета, в которой «наши свидетели делятся показаниями из первых уст», прекрасно помнил этот конкретный рык. Обычно за ним следовало утверждение, в котором Веню указывал ту конкретную часть твоего тела, которую намеревался сожрать на обед в этот раз.

– Значит, оно зарычало, хорошо, – сказал Бен, – а что потом?

Еще один железнодорожный рабочий, низенький рыжеволосый мужчина, который только что закончил давать показания полиции, присоединился к разговору:

– Оно прыгнуло. Отскочило в сторону от надвигающегося на него поезда... поезд направлялся прямо в туннель, и да, как Рон и говорит, зарычало на него. Однако затем оно словно замерло. Просто присело на корточки и посмотрело...

– Да, – вклинился третий рабочий, низенький и смуглый. – Он просто огляделся по сторонам.

– Вы видели его глаза? – спросил Бен.

Все трое отрицательно покачали головой.

– Только пустые места, – сказал третий рабочий.

– Бледные, – добавил второй. – Совершенно белые. Но когда он был в тени, они слегка светились, понимаете? Словно флуоресцентные.

Питер сфокусировался на фотографиях всей троицы и подумал: он уже видел (или ему показалось, будто видел) это странное слабое свечение у «костюма» – возможно, служившее знаком того, что «костюм» был живым. Он сомневался.

– Оно нюхало воздух, – сказал бригадир. – Словно вынюхивало что-то.

– Вы слышали это? – спросил Бен.

– Нет, нет, – ответили все трое, качая головами и размахивая руками. – Он просто делал такие движения головой... ну, знаете, словно нюхал что-то... – Один из троицы сделал вид, будто принюхивается, настороженно поглядывая из стороны в сторону, словно в поисках чего-то. – А затем от него словно что-то оторвалось и начало раскачиваться вокруг...

– Оторвалось? – спросил Бен. – В смысле полностью отвалилось?

– Нет, просто вытянулось, понимаете?

– Как щупальца?

– Да, как у осьминога или что-то типа того, верно? Они просто раскачивались вокруг него, словно он и ими тоже принюхивался. Как медуза или осьминог? Осьминоги могут нюхать щупальцами?

– Здесь я вам не помощник, – сказал Бен. – А дальше?

– Ну, затем, – ответил рыжеволосый, – из тоннеля выехал

еще один поезд.

— И оно принялось к нему, — сказал низкорослый смуглый мужчина, раскинув в сторону руки и шевеля пальцами, имитируя, по всей видимости, щупальца осьминога. — И оно прыгнуло на него и...

— И опрокинуло поезд, — сказали все трое, почти хором. Бен моргнул:

— Поезд? Оно опрокинуло поезд?

— Пойдемте. — Бригадир повел Бена и Питера к задней двери помещения для охранников. За ней оказалась покрытая пятнами ржавчины бетонная платформа, заваленная штабелями шпал, катушками проволоки и кабеля и несколькими штабелями железнодорожных рельсов. С одного края платформа спускалась к путям. Там параллельно друг другу пролегали шесть путей, с двумя линиями ограждений с каждой стороны.

Между первым и вторым путями на боку лежал поезд. Локомотив, один из этих огромных дизелей Penn Central, оказался отброшен от путей дальше всего и теперь лежал на правом боку. Четыре вагона сошли с рельсов. Выглядело так, будто какой-то гигантский ребенок потерял интерес к игрушечному набору с поездом и хорошенько его пнул, попав между вторым и третьим вагонами. Питер начал со всей возможной скоростью делать снимки, проходя вдоль поезда к поверженному локомотиву, где остановились железнодорожные рабочие и Бен Урих.

– Сперва мы думали, оно собирается прыгнуть, – сказал бригадир. – Но оно не сдвинулось с места. Сидело неподвижно, припало к земле, а затем вытащило все свои лапищи, щупальца или что там у него было и просто схватило локомотив...

– С какой скоростью ехал поезд? – поинтересовался Бен. Бригадир покачал головой.

– С небольшой. Здесь скорость ограничена. По-настоящему ускоряться можно только после того, как пересечешь реку. Так что примерно двадцать километров в час?

– Даже так... – заметил Бен. – Сколько весит поезд? Сколько тонн?

– Эти дизели весят по двенадцать тонн, – сказал бригадир, – а оно просто схватило локомотив спереди...

– Когда оно это сделало, то словно немного отшатнулось, как-то отстранилось, – заявил рыжеволосый. – Гудок, знаете, гудок на дизелях при скорости меньше тридцати километров в час звучит постоянно, и он гудел черному парню прямо в лицо. Не думаю, что ему это понравилось.

Питер, удивленно вскинув брови, продолжал двигаться вдоль состава, фотографируя повисшие в воздухе огромные колеса. Он повернулся, чтобы еще раз запечатлеть жестикулирующего мужчину, такого крошечного на фоне громадного опрокинутого локомотива.

– Ну, этого я не знаю, – продолжил бригадир, – я этого не видел. Но затем оно схватило локомотив, просто присело на

карточки, а потом, – он пожал плечами, – просто сняло его с рельсов и отбросило в сторону.

– Машинист цел? – поинтересовался Бен.

– Да, он выбрался через окно после того, как локомотив опрокинулся.

– То есть оно схватило двенадцатитонный локомотив, – медленно повторил Бен, – и просто скинуло его с рельсов.

– Именно, – сказал низенький рыжеволосый мужчина. – Затем оно на мгновение замерло, снова принялось и направилось напрямик к третьему вагону...

– И с ходу оторвало дверь, – продолжил бригадир, – словно та была сделана из картона, забралось внутрь и вылезло наружу с маленьким бочонком. Сначала я подумал, там нефть.

– Но это была не нефть, – сказал Бен.

– Нет, – подтвердил низенький рыжеволосый рабочий. – На боку виднелся знак «Радиоактивно».

– Я достал транспортную накладную, вот она. – Бригадир засунул руку за пазуху своего ярко-оранжевого рабочего комбинезона и достал какую-то бумагу.

– А это еще что такое? – спросил Бен, указывая на строчку в накладной. – Гексафторид урана...

Питер подошел к собравшимся и заглянул через плечо Уриха:

– Ну, это точно не зубная паста. Это побочный продукт, образующийся в результате обогащения урана. – Питер по-

смотрел на бригадира. – И что оно затем сделало с канистрой?

– Сперва оно попыталось ее прокусить, – озадаченно ответил бригадир, – я подумал, с его-то зубищами у него не будет с этим никаких проблем, и у нас будет разлив радиоактивного вещества прямо на путях. Но у него возникли какие-то трудности. К этому моменту здесь уже стало довольно шумно – включились сигналы тревоги, в туннеле заработали громкоговорители и тому подобные вещи. Оно огляделось по сторонам, будто ему не понравился весь этот шум, затем опутало канистру еще бóльшим количеством щупалец и убежало прочь.

– В какую сторону? – уточнил Бен.

Бригадир ткнул пальцем во тьму туннелей:

– Ту.

– Я так понимаю, никто за ним не последовал, – пробормотал Бен.

Железнодорожные рабочие уставились на него и дружно покачали головами.

– Слушай, – сказал один из них. – У нас у всех семьи. Знаю, воровство железнодорожных грузов – это преступление, но никакая зарплата не покроет такое.

Низенький рыжеволосый рабочий перевел взгляд с Бена на Питера и обратно.

– Это же был он, не так ли? – спросил он. – Веном.

Бен взглянул на диктофон и выключил его.

– Послушайте, парни, я бы солгал, если бы сказал, что это не похоже на него. – Вся троица обменялась встревоженными взглядами. – Но я хочу быть уверен наверняка. Вы видели на нем какие-нибудь отметки? Белые узоры на черном?

Рабочие покачали головами.

– Только глаза, – ответил первый.

– И зубы, – добавил второй и вздрогнул.

Какое-то время все молчали.

– Что ж, господа, – сказал, наконец, Бен, – есть еще что-нибудь, о чем бы вы хотели мне рассказать?

Все трое покачали головами.

– Я бы не хотел увидеть его еще раз, – признался один из них, – и это факт.

– Надеюсь, и не увидите, – откликнулся Бен и повернулся к Питеру: – Ты достаточно снимков сделал?

– Более чем. – Он вручил Бену уже отснятую и вытащенную пленку. Камера тем временем тихо гудела, перематывая вторую катушку. – Ты не прихватишь это с собой? – спросил он. – У меня сегодня вечером встреча, которую я бы не хотел пропускать.

– Без проблем, – ответил Бен, – я знаю, у тебя был очень долгий день, то одно, то другое. Кейт сказала, что сегодня твои снимки украсили две первые полосы, – улыбнулся он. – Что ж, – повернулся репортер к железнодорожным рабочим, – господа, спасибо вам за помощь. Могу ли я записать ваши имена или телефоны на случай, если нам потребуется

уточнить информацию?

Несколько минут они улаживали формальности. Затем Бен и Питер вернулись в помещение для охранников, вышли на улицу и принялись ловить такси.

– Из этого может получиться интересное утреннее чтение, – заметил Бен, пряча диктофон.

– Каким думаешь делать заголовок? – спросил Питер.

– ВЕНОМ, – ответил Бен, – с огромным знаком вопроса.

– Ты все еще не убежден, – заметил Питер.

Бен покачал головой.

– Нет, не убежден. В их показаниях множество верных признаков, указывающих на причастность Венома, но не все.

– Костюм? – спросил Питер.

Бен кивнул.

– Отчасти. Но еще... – Он пожал плечами и оглядел улицу в поисках горящего огонька на крыше такси. – Веном всегда был жутким треплом. На него не похоже просто натворить дел и свалить, ничего не сказав, даже не похвалившись достижениями. Во всех отчетах, что я читал, он показан болтуном. Я просто не знаю...

Питер кивнул. Он радовался подтверждению собственных подозрений в рассуждениях Бена. У Уриха был острый ум. Сорвиголова, один из местных борцов с преступностью, признался Питеру, что Бен Урих самостоятельно разгадал его настоящее имя на основе минимальной информации, в то время как другие, имея гораздо больше, так и не смогли

сложить два и два.

– Что ж, – произнес Бен, – Джоне это может не понравиться, но я не собираюсь придумывать историю, которой не было на самом деле. Я передам информацию в том виде, в котором ее мне сообщили, и пусть уже факты доделают все остальное.

Питер кивнул:

– Когда вернешься, можешь позвонить Алисии в техподдержке, она позаботится о проявке пленки...

Бен фыркнул.

– Я знаю, что она сделает, – отправит твою пленку в фотомастерскую за углом! Предоставь это мне – я прослежу, чтобы твои кадры проявили должным образом. – Он ухмыльнулся Питеру, когда перед ними затормозило такси. – Свидание с Мэри Джейн?

– Среди прочего, – ответил Питер. – Спасибо, Бен! Я это ценю!

– Хорошего вечера, юноша, – сказал Бен. Забрался в такси и уехал.

Питер проследил за растворяющейся вдали машиной, затем отступил в тень в поисках укромного местечка, где мог бы переодеться в гораздо более удобную одежду.

Вскоре один дружелюбный стенолаз уже проносился над темными городскими улицами, перепрыгивая с паутины на паутину и размышляя.

Больше всего Человек-Паук раздумывал над мыслью,

пришедшей сравнительно недавно, после того как оправился от сумасшествия прошлой ночи. Неплохо бы действительно выяснить, что за радиоактивное вещество содержалось в похищенных бочках. Две кражи за одну ночь поднимали важный вопрос: о чем только думали в «Объединенной химической исследовательской корпорации», храня радиоактивные материалы на Манхэттене с настолько плохими мерами безопасности, да еще и в двух разных местах. «Зеленые», когда пронюхают об этом, просто с ума сойдут. Как и Агентство по защите окружающей среды, если уж на то пошло. Да и весь город, в обычных обстоятельствах. Подобные вещества не должны храниться в черте города. Материал, похищенный из поезда, с другой стороны, перевозился на совершенно законных основаниях и направлялся на юг, для захоронения на территории глубокой законсервированной соляной шахты, где ядерные отходы содержались в контролируемых условиях и под федеральным надзором.

Человек-Паук намеревался повнимательнее присмотреться к «ОХИК», желательно изнутри. Пусть небольшая незаметная проверка их подноготной и не обнаружит никаких доказательств незаконной деятельности – тем лучше. Но от всего этого мероприятия разило чем-то подозрительным.

Паучок аккуратно пересек весь город. Паучье чутье не показывало никаких признаков восстановления, заставляя Питера нервничать и пытаться смотреть сразу во все стороны. Хобгоблин при всем желании не смог бы найти более подхо-

дящего времени для нападения на него. «Разве что Хобби занят чем-то более важным в этот вечер, – подумал герой, – например возится со своей новой игрушкой». Человек-Паук покачал головой. Если Хобгоблин забился в какую-нибудь дыру и строит бомбу... «Вот что еще следует поискать в завтрашних газетах, – подумал Паук. – Нужно снова посмотреть в базе данных, не было ли в последнее время других зарегистрированных краж или потерь радиоактивных материалов где-то на территории страны. Хобгоблину не обязательно лично присутствовать при краже вещества, с него станется заплатить тому, кто выполнит всю грязную работу за него. А затем...» – Паучок нахмурился. Ему необходимо посчитать, какой конкретно окажется критическая масса при работе с изотопами урана. К сожалению, такое в уме не посчитаешь. Да и военное применение ядерной физики не входило в сферу его интересов. Некоторые его однокурсники радостно разрабатывали конструкторские решения и критерии для ядерных ракет, но Питеру мысли о подобной работе удовольствия не доставляли. «Займусь этим, когда вернусь домой», – решил он.

Прямо сейчас у него перед глазами маячило складское строение, откуда украли радиоактивный материал, а по соседству со складом возвышалось офисное здание, в котором располагалась нью-йоркская штаб-квартира «ОХИК». Офис «ОХИК» выглядел несколько потрепанным, но в целом находился в достаточно хорошем состоянии. Полиция оцепила

улицу перед офисами и отгородила склад: желтая полицейская лента слегка шуршала под слабым теплым бризом, идущим со стороны реки, и стоящие на улице полицейские обмахивались фуражками. День клонился к вечеру, и машин на улице было немного. Копы выглядели скучающими.

Все их внимание сосредоточилось на улице, поэтому Паучок без особого труда прилетел с задней стороны здания, отпустил свою последнюю паутину, приземлился на верхней части стены и приклеился к поверхности. Какое-то время он висел неподвижно, проверяя, не повредил ли что-либо своим приземлением и не привлек ли внимание полиции. Все было отлично. Через какое-то время до него донеслись обрывки разговора:

– Переходит мужик улицу и видит утку...

Паучок улыбнулся под маской. «Скучающие копы – счастливый Человек-Паук», – подумал он и принялся спускаться вниз по стене, проверяя все окна по пути. Защитные решетки были установлены только на нижних этажах. Все окна на верхних оказались заперты, за одним исключением. «Всегда найдется как минимум один беспечный сотрудник, – обрадовался стенолаз, – который не подумает, что Человек-Паук может вечером заскочить на огонек». Он толкнул створку старомодного окна и забрался внутрь.

Ноги утонули в толстом ковре. Паук огляделся по сторонам и увидел тяжелый письменный стол из орехового дерева и совпадающую с ним по стилю офисную мебель кругом.

«Отлично, это объясняет и окно. Какая-то большая шишка не желала, чтобы решетки портили ей вид на город... офис президента? Вице-президента? Хм-м». Скорее всего, поскольку кабинет был угловым. Паук огляделся по сторонам в поисках хоть каких-то охранных систем, но ничего не заметил. «Очень небрежно, особенно когда ты работаешь в подобной индустрии».

Человек-Паук бесшумно подошел к двери офиса и коснулся ее. Опять никакой сигнализации. Никаких проводов, которые выдали бы «тревожную кнопку», включающуюся при открытии двери. Паук повернул ручку, дверь открылась, и он очутился в следующем помещении, похоже, кабинете секретаря. Примерно две третьих от размера офиса, из которого он только что вышел, весь заставлен шкафами из орехового дерева, очередной толстый ковер на полу, на стене огромный телевизор, а еще диваны и стеклянные столы – похоже, это комната ожидания для высшего менеджмента. А теперь посмотрим...

Паук склонился над шкафами. Они оказались заперты, но с годами Человек-Паук изрядно прокачал свои навыки взлома. Вскоре он уже открыл первый шкаф и копался в содержимом ящиков в поисках хоть чего-то интересного.

Несколько ящиков спустя он наткнулся на папку, которая, если судить по толщине, содержала информацию о самой компании. Паук вытащил папку и начал листать содержимое. «ОХИК» оказалась крайне молодой компанией. Чле-

ны совета директоров, судя по именам, могли быть родом из любого района Нью-Йорка, но держатель контрольного пакета акций оказался не гражданином США – украинцем.

Паук еще раз глянул на дату основания компании. «Советский Союз только-только развалился...»

Не найдя больше ничего интересного, Паучок вернул папку обратно. Но в голове продолжали вертеться мысли. «Одна из проблем в той части света заключается в том, что радиоактивные материалы регулярно контрабандой вывозят на запад и продают за копейки. Что там говорили в одном сюжете? Будто два парня вывезли почти критическую массу U-235 из России в багажниках двух машин и бросили их где-то на автобанах в Германии, потому что неправильно рассчитали расстояние до Берлина и у них кончился бензин?» Паук покачал головой. Конечно, не всех, кто занимался радиоактивными материалами по ту сторону бывшего железного занавеса, можно считать такими недалекими.

Паук начал медленно и тщательно просматривать содержимое каждого ящика. Внутри оказалось большое количество папок с английскими надписями, но открыв их, Паук обнаружил целые страницы материалов, набранных кириллицей. Он огорченно цокнул языком. ЭмДжей уже какое-то время дразнила его, мол, он настолько целеустремленно занимался наукой, что позволил гуманитарным дисциплинам полностью обойти его стороной, в особенности языком. Русский был одним из языков, который она предложила ему вы-

учить. «Потому что он один из самых сложных», — объяснила она ему с таким видом, будто эта причина сама собой разумелась. Теперь Паук засомневался, стоило ли последовать совету жены. Но кириллица или латиница, цифры в обоих случаях были арабскими. Некоторые из найденных им документов явно походили на путевые листы: перечни и столбики цифр, суммы в рублях и эквивалентные им суммы в долларах — по крайней мере это он понял. Разобрал Паук и приличное количество валютных операций, в том числе множество переводов рублей на немецкие марки, а время от времени попадались документы на языке, смахивающем на немецкий.

Познания Паука в немецком ненамного превосходили его знания русского, но по крайней мере их алфавит был примерно таким же, как в английском. Появились новые суммы в немецких марках, параллельно им шли ссылки на вес, как правило, в десятках и сотнях килограммов. И несколько раз Питер наткнулся на немецкий аналог слова «ядерный», который успел выучить за время работы над собственной докторской — оно частенько встречалось в названиях диссертаций и статей в научных журналах. Названия трансурановых элементов в английском и немецком также почти не отличались, и Питер нашел многочисленные отсылки к U-235 и U-238 и еще немецкое слово, обозначающее «обогащенный U-235»...

Любое упоминание обогащенного урана сопровождалось

колонками цифр, явственно показывающих: кто-то кому-то за что-то платил. Но на всех этих документах не оказалось ни единой таможенной отметки или авторизованного любым правительством – а, насколько он знал, правительства были обязаны авторизировать подобные сделки, – счета.

«Это место, – подумал Питер, – почти наверняка прикрытие для организации, занимающейся контрабандой радиоактивных веществ. Условия, в которых они хранят эти вещества на складе, это только подтверждают. На всех бочках минимальная маркировка. Их хранили тайно...»

Он закрыл шкафы, постарался максимально скрыть следы своего присутствия и обратил внимание на стоящий на секретарском столе компьютер. «К сети не подключен, одиночный. Может, там есть что-то интересное». Паук направился к нему.

Откуда-то снизу донесся глухой звук. Дверь захлопнулась? Паучок замер и внимательно прислушался.

Звук повторился, но только один раз. «Бум».

«Думаю, стоит это проверить. Но сначала взгляну на эту стену за дверью».

Он подошел к двери кабинета, бесшумно открыл ее и огляделся по сторонам. Никого.

Паук начал искать дверь на лестницу и обнаружил ее в дальнем конце коридора. Он выскользнул на лестничную площадку, прикрепил к перилам паутину, медленно и бесшумно спустился до конца лестницы, – примерно на шесть

этажей. В конце лестницы красовалась дверь с большой буквой Г на ней. «Грузовой этаж?» – подумал Паук, застыв и прислушавшись. Где-то в здании глухое «бум» раздалось вновь, на этот раз гораздо ближе.

«На этом этаже? – подумал он. – Что ж, давайте посмотрим».

Герой осторожно приоткрыл дверь и выглянул в образовавшуюся щель. Ничего особенного: как он и ожидал, за дверью оказалась утопавшая в тени погрузочная площадка. Вот колонны поддерживают потолок, ровный голый бетонный пол, и... дыра с осыпающимися краями в дальней стене. Однако гораздо ближе к Пауку красовалась огромная дыра в полу. Ее края напомнили ему об отверстии на складе, увиденного по телевизору. Подняв взгляд, Человек-Паук сообщил: этот склад как раз через дорогу от офисного здания.

«Что они тут задумали?»

Глухой звук раздался снова. «Может, это полиция, – подумал Паук, – самое время откланяться». Но отверстие в полу, его размеры и вид, манили к себе, он подошел к краю и глянул вниз. Там оказался пролегающий под зданием большой кирпичный канализационный туннель. Из отверстия тянуло слабым запахом канализации. «Радиация, – подумал Человек-Паук, – определенно могла бы спровоцировать появление подобного отверстия, особенно если она была чрезвычайно интенсивной и в ограниченном пространстве – пол бы развалился от одной лишь усталости материала. Достаточно

было легкого толчка».

Бум!

«Это полиция. Готов поспорить. Что ж, пора». Человек-Паук подбежал к дыре в стене и спешно огляделся по сторонам. В дальнем конце переулка трепетали на ветру желтые полицейские ленты. Поскольку он оказался внутри оцепления, поблизости никого не было. Путь оказался чист, так что Паук спешно выбрался из здания, пересек переулок и запрыгнул в аналогичное отверстие в стене склада, где погиб бездомный.

Внутри воняло кровью. Она высохла, но недостаточно быстро при такой-то влажности. В складском помещении стояла атмосфера темной пустыни, очень похожей на первый этаж соседнего здания. Смотреть здесь не на что.

Бум.

Не в соседнем здании – в этом. Может, дверь стучит на ветру? Он обернулся – и увидел скрывающуюся в тениях огромную темную фигуру, стоявшую почти за его спиной. От паучьего чутья, даже если бы оно и работало, помощи бы не последовало в любом случае. Темная фигура, высокая, широкоплечая, на груди белое стилизованное изображение паука. Зубастая пасть, мечта любой акулы, расплылась в безобразной улыбке.

Человек-Паук кинулся на Венома и через секунду отлетел в противоположную сторону – противник всего лишь отмахнулся от него. Удар оказался такой силы, что Паук перелетел

все складское помещение, впечатался в стену по соседству с огромной дырой и на миг потерял ориентацию в пространстве.

– А мы-то подумали, – произнес низкий, угрожающий голос, сердитый, но до странного довольный, – что ты по крайней мере научился никогда не судить по внешности.

Человек-Паук прыгнул снова, и на этот раз жуткая пасть Венома расплылась в такой огромной улыбке, что верхняя часть его головы должна была просто отвалиться. Сцепив обе руки в замок, Веном встретил противника очередным мощным ударом, и на этот раз немного отступил. Паук пролетел несколько метров, пропахал собой бетонный пол, но перевернулся и снова вскочил на ноги. Затем присел на корточки и глубоко вздохнул, чтобы восстановить самообладание.

– Пустая болтовня меня не волнует, Эдди, – произнес Паук, высматривая лучший момент для атаки, – что бы ни происходило, ты все равно беглец...

– Что бы ни происходило, – тихо произнес Веном, – значит, и у тебя есть подозрения.

– Подозрения? Насчет чего?

– Насчет того, что мы бы никогда не оказались замешаны в... подобном. – Жуткая улыбка Венома увяла, и он с отвращением огляделся по сторонам. – Кто-то, – сказал он, – совершил здесь убийство и повесил его на нас. – Он покосился на Паука. – И мы этому совсем не рады.

– С чего бы мне тебе верить? – поинтересовался Паук.
Веном посмотрел на него в ответ, скрестив руки на груди.
– Потому что ты нас знаешь?

Паук вдохнул, выдохнул.

– Тут ты меня поймал, – признал он.

– Тогда, – продолжил Веном, – ты простишь нас за то, что на данный момент мы предпочтем не потакать твоим детским попыткам задержать нас. – Он мерзко рассмеялся, и симбиот выбрал момент, чтобы помахать своим слюнявым языком Пауку, вжух-вжух-вжух, усугубляя насмешку. – Позже мы с радостью присоединимся к тебе и обглодаем твои косточки. Но прямо сейчас у нас есть более важные дела.

– «Мы» в смысле ты, или «мы» в смысле мы с тобой?

Веном на мгновение задумался, а затем снова хохотнул.

– Университетское образование уже не то, что раньше, не так ли? «Мы» – это мы, я так думаю. По крайней мере, мы с радостью примем любую информацию, которой ты готов поделиться. Кто-то здесь, – Веном обвел мрачным взглядом заляпанные кровью стены, – пытается повесить на нас смерти невинных – и когда я поймаю их, и за попытку подставить меня, и за эти убийства мы сожрем их селезенки.

Человек-Паук испытал приступ краткого раздражения.

– Послушай, – сказал он, – я еще могу понять сердце, печень, даже легкие. Но селезенку? Ты вообще когда-нибудь хоть видел селезенку? Готов поспорить, ты даже не знаешь, где она находится.

– Мы можем выяснить, – ответил Веном, награждая его задумчивым взглядом, и его пасть снова расплылась в этой жуткой улыбке. – Будет весело.

– Ты вроде сказал, будто прямо сейчас не хочешь заниматься этими вопросами.

– Не искушай нас. Часть нас по-прежнему желает примириться с тобой максимально конечным способом. Но этому придется подождать. Мы немного изучили компанию, которая владеет этим складом и зданием по соседству. Ее тайные делишки заставляют нас нервничать.

– Ты имеешь в виду контрабанду? – спросил Паучок.

– Ты это вычислил? Хорошо.

– Ничего столь выдающегося, – ответил Человек-Паук, – я просто порылся в их бумагах. Их документы кишат валютными операциями с рублями и марками.

– Да, – произнес Веном, – это может свидетельствовать об оживленной торговле через границу бывшей Восточной Германии. Как и, возможно, найм старых гэдээровских ученых для каких-либо целей. Я слышал, они сейчас стоят очень дешево. Как и русские.

– И украинцы, – заметил Человек-Паук.

Веном кивнул.

– Владельцы, да. – Он снова покосился на дыру в стене. – Мерзкий бизнес, но он бы не привлек наше внимание – в обычных обстоятельствах нас волнуют другое.

– Ты имеешь в виду ту пещеру под Сан-Франциско?

– Это подземный мир, – парировал Веном, – причем не в том смысле, который обычно вкладывают в это слово. Люди нашли убежище в части города, похороненной и заброшенной в результате землетрясения восемьдесят лет назад. Мы защищаем их. – В его голосе послышалась нотка гордости.

– Всегда хорошо иметь цель, – заметил Человек-Паук, – отличную от поедания чужих селезенки.

Веном вздохнул:

– Ты наглый щенок, но насчет цели прав. Нам предстоит сделать достойную работу там, где невинные укрылись от мира, слишком жестокого для них. Благородная работа – строительство лучшего мира, чем тот, из которого они бежали.

– С этим не поспоришь, – согласился Паучок.

– Тогда ты поймешь, – Веном обвел холодным взглядом заляпанные стены, – что это вот все, – он обвел окружающее их пространство уже щупальцами, – вредит нашей репутации. Кто бы ни выдавал себя за нас, будет быстро пойман, разоблачен и дорого заплатит за свое преступление.

– Слушай, – Человек-Паук наклонился поближе, – я понимаю, это создает тебе проблемы. Но куча других людей имели проблемы с тобой и этим «костюмом». И многие их не пережили. Так что и ты меня поймешь, если я оборву эту беседу и хотя бы попытаюсь тебя поймать...

Именно в этот момент снаружи послышался голос:

– Чарли? Чарли, это ты там внизу или Род?

– Нет, Род здесь, – послышался еще один голос.

– Кто тогда в здании?

Человек-Паук и Веном ошарашенно уставились друг на друга. Вот это точно полиция.

– Ты простишь нас, – сказал Веном, – если мы не будем дожидаться того, что ты там планируешь сейчас попытаться предпринять. Но если попробуешь перейти нам дорогу еще раз, Человек-Паук... Не мешай нам. Мы здесь по делу. – С этими словами Веном выпрыгнул в дыру в стене и растворился в темноте.

– Род, ты это видел? – раздался голос из переулка. Практически сразу послышались звуки приближающихся шагов.

«Боже», – подумал Человек-Паук, выпустил струю паутины, чтобы ускорить свое отбытие, и отправился следом за Веномом.

– Вот еще один! – послышался голос. – Взять его!

Оказавшись в переулке, Паук увидел, как с обеих сторон к нему приближаются полицейские. Он выпустил струю паутины и с максимально возможной скоростью взлетел к офисному зданию «ОХИК», обогнул его и, не снижая темпа, скрылся из виду. По пути он оглядывался по сторонам в поисках Венома, но того и след простыл. «Разумеется, – подумал Человек-Паук, – у него иммунитет к моему паучьему чутью, даже когда оно работает, – и он может выдать себя за кого угодно. Я могу сейчас смотреть прямо на него и даже не узнаю».

Несмотря на то, что он направился к дому. В квартире горел свет. Он обнаружил, что ЭмДжей как раз кинула сумочку на столик возле двери и склонилась над автоответчиком, прослушивая сообщение. Когда он влетел в одно из только что открытых ею окон, Мэри Джейн с радостью взглянула на мужа.

– Эй, тигр! – воскликнула она. – Как прошел твой день?

Питер стянул маску, тряхнул головой, подошел к жене и обнял ее.

– Готов поспорить, не так, как твой.

– Не сомневаюсь, – сказала она, причесываясь, – слушай, переодевайся и перекуси чем-нибудь, нам нужно поговорить.

Питер так устал, что даже и не подумал спорить: переоделся, сделал сэндвич, съел его... и тут же сделал еще один сэндвич и съел. Затем они сели, и Мэри Джейн рассказала ему про свой день.

Когда она закончила, Питер какое-то время отходил от новости, что в городе началась лучевая болезнь. Все еще пытаясь сложить эту информацию с другими известными ему фактами, он с некоторыми подробностями пересказал жене события своего дня. Глаза ЭмДжей округлились, когда он передал ей беседу с капитаном ЛоБуоно, и распахнулись еще шире во время рассказа о дыре в корпусе подводной лодки. В итоге, его переход к встрече с Веномом на складе оказался практически антитезой кульминации.

– Ого, – выдохнула Мэри Джейн по окончании речи мужа, взглянула на него и покачала головой. – Вот какую загадку

нам предстоит сегодня решить. Что проходит сквозь стены, любит радиоактивные вещества, не Веном... и свободно перемещается по всему Нью-Йорку? И родом с другой планеты.

– Нас должна заботить первая часть загадки, – сказал Питер, откинувшись на спинку дивана. – В этом городе никому нет дела, местный ты или нет. Но нам нужно понять, что делать дальше.

В ТУ НОЧЬ они засиделись за разговорами допоздна. Тем для обсуждения оказалось гораздо больше, чем обычно, и нескольких минут мимолетной беседы им не хватило бы. Кроме того, из-за работы последние несколько дней они почти не виделись. Так что, прежде чем они снова вернулись к беседе, какое-то время ушло на объятия, поцелуи и тому подобные проявления эмоций.

– Притормози с сэндвичами, тигр, – весело произнесла Мэри Джейн, – оставь парочку для меня. – Она направилась на кухню, Питер не отставал. Его желудок урчал.

– Ты уже ел! – воскликнула она. – Ты не можешь быть все еще голоден!

– У тебя не было такого дня, как у меня! – ответил Питер и улыбнулся.

– Да неужели? Я, может, и не летала на паутине по всему городу, но, боже мой, как же я рада, что у меня прямо сейчас есть еда, крыша над головой и место для сна. – Подмигнув мужу, ЭмДжей начала рыться в холодильнике. – Кстати о сне, судя по мешкам у тебя под глазами, тебе стоит почаще с ним встречаться.

– Мешки или не мешки, прямо сейчас я не смог бы заснуть, даже если бы ты огрела меня по голове молотом. Слишком много всего в голове.

– В этом твоя проблема, – заметила Мэри Джейн, – если бы у тебя в голове ничего не было, ты бы не знал, чем себя занять. Просто представь на мгновение. – Она закрыла дверь холодильника и с вызовом взглянула на мужа. – Просто представь себе день, 24 часа, когда нет никаких трудностей. Когда за квартиру уплачено, счет за телефон погашен, за электричество деньги перечислены, и на твоей кредитной карте положительный баланс, и нет других счетов на оплату, и банк тобой доволен...

Питер открыл было рот.

– Тсс, – сказала она, – я на подъеме. – Он закрыл рот. – Так, на чем я остановилась? Ах да, и все суперзлодеи взяли выходной, и нет никаких преступлений...

– Ты уверена, что вообще про нашу Землю говоришь? – спросил Питер, вопросительно изогнув брови. – Передай, пожалуйста, мне майонез.

– Ничего не получишь, пока я не закончу, – заявила Мэри Джейн, загородив спиной холодильник. – Подумай об этом. Просто... – Она положила руку ему на грудь, легонько оттолкнула назад и помахала пальцем у него перед носом. – Ну, давай, попробуйся. Стань смирно хотя бы на минутку и представь себе. Один целый день, всего один, когда все работает как надо.

Он стал смирно, и попытался, и обнаружил, что это достаточно тяжело.

– Ну хорошо, – сказал он. – И?

– Не представляй себе просто события, представь себе свои ощущения.

Питер взглянул на жену и покачал головой.

– Должен признаться, я понятия не имею, – сообщил он. – Я не верю, что такое вообще возможно.

ЭмДжей вздохнула и отошла от холодильника.

– Ты никогда такого не достигнешь, – сказала она, – поскольку не можешь... или не хочешь... считать это достойным стремлением. Я готова поставить все свои деньги, что, если наша жизнь действительно станет такой спокойной, ты просто свихнешься. Я дам тебе примерно час, потом ты выбежишь на улицу, поймаешь первого попавшегося на глаза злодея и начнешь умолять его подраться с тобой.

– Не буду я делать ничего подобного, – возразил Питер, – я буду спать. Целую неделю, и не буду вставать вообще. Я так полагаю, в этом вымышленном мире, о котором мы говорим, мне не нужно ходить на работу.

Мэри Джейн покачала головой.

– Ну, нет. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Работа? Да если тебе не нужно будет заниматься этим, если тебя не будут поджигать деньги, ты просто побежишь на улицу. Ты будешь шататься по городу, снимая все, что движется, и все, что не движется. Один счет за пленку окажется таким...

– Ага! – триумфально воскликнул Питер. – И опять есть о чем беспокоиться. А теперь передай все-таки мне майонез.

– Пожалуйста, – произнесла ЭмДжей в покровительствен-

ной манере, отходя от холодильника и беря буханку хлеба, — держи свой майонез. — Она вручила ему бутылочку, которая в итоге оказалась вовсе не в холодильнике. — Послушай меня, тигр. Ты не понимаешь сути. Я действительно порой думаю, что эти твои попытки вечно себя занять, за кем-то погнавшись, постоянные попытки придумать важное дело — это именно оно. Это именно стремление занять себя настолько, чтобы тебе не приходилось останавливаться и задумываться о происходящем на самом деле.

— А что происходит? — рассмеялся Питер. — Болонская колбаса еще там?

— Забудь о ней... она превратилась в научный эксперимент.

— Дай взглянуть.

— На твоём месте я бы не рисковала, — предостерегла Эм-Джей, — тем более перед едой.

— Ну хорошо. Что еще там есть?

— Салями больше нет. Нарезанная куриная грудка?

— Сойдет.

Он потянулся за курицей, заметил болонскую колбасу, закатил глаза и захлопнул дверцу. Затем подошел к кухонному столу и начал сооружать себе сэндвич. Мэри Джейн взяла чашку, налила воды и поставила в микроволновку. Затем она какое-то время рылась в шкафу, после чего произнесла:

— Я все думаю об этом существе с подлодки.

Питер кивнул, намазывая майонез на хлеб.

– Я тоже.

– Они не сказали тебе, где они его нашли?

– Нет. Капитан говорил, оно не было опасным, – рассмеялся Питер. – Ну, он не был так многословен. Он намекнул на это, по крайней мере позволил трактовать это как намек. Не знаю, согласишься ли ты, но лично я при обычных обстоятельствах назвал бы существо, способное пройти насквозь корпус атомной подводной лодки, достаточно «опасным». Мне кажется, они обеспокоены. И если именно оно побывало на том складе и убило того бездомного, тогда оно уже соответствует моим обычным критериям.

Мэри Джейн расхаживала перед микроволновой печью.

– Он сказал, что это существо не радиоактивное.

– Так.

– Но как тогда оно смогло проделать дыру в корпусе? И в складской стене, и на полу.

Питер сам уже какое-то время ломал голову над этими вопросами.

– Я не знаю, – вздохнул он, – радиация сама по себе способна разрушить бетон за несколько дней.

– Но как это существо, чем бы оно ни было, смогло сделать это, не будучи радиоактивным?

Питер покачал головой.

– Я думаю, начальники капитана ЛоБуоно крайне экономно обошлись с правдой, когда поручали ему это задание. Может, это существо не является радиоактивным все время, но

при определенных обстоятельствах... и я даже не могу себе представить, при каких конкретно... – Питер замолчал, пытаясь придать своим беспорядочным теориям конкретную форму. – Может, у него иммунитет к радиации, как у змей иммунитет к собственному яду.

Мэри Джейн изогнула бровь.

– Не то слово, которое я бы хотела сейчас слышать, – заметила она. – Он же таки появился?

– О да, он здесь, даже не сомневайся. Хотя на данный момент я его не особо интересую.

ЭмДжей фыркнула:

– Полагаю, мы должны благодарить жизнь за такие маленькие радости.

Микроволновка тренькнула. Мэри Джейн достала чашку, поставила на кухонный стол и стала рыться в шкафу в поисках чайного пакетика.

– Меня беспокоит, – продолжила она, купая пакетик в чашке и наблюдая за тем, как темнеет вода, – что эта штука выглядит в точности как Веном. Если это действительно сбежавшая с подлодки тварь.

Откусив сэндвич, Питер скривился. И выражение его лица никак не было связано со вкусом бутерброда.

– Венома это тоже выводит из себя, судя по всему. Но я полагаю, внеземное происхождение существа не так уж маловероятно. Из того, что я слышал от других, в этой части галактики обитает огромное количество двуногих и более-ме-

нее гуманоидных форм жизни.

Под «другими» в данном случае подразумевалось множество разнообразных супергероев, обладающих суперспособностями существ и других костюмированных чудаков, с которыми приходилось сталкиваться Человеку-Пауку. Одна теория заключалась в том, что много, очень много миллионов лет назад одна разумная раса засеяла эту часть галактики сходным генетическим материалом. По крайней мере, все углеродные планеты. Не согласные с этим, и в том числе Рид Ричардс, возражали: нет никакой необходимости придумывать расу «создателей из машины», поскольку для всех углеродных форм жизни двуногое развитие является наиболее логичным и, соответственно, склонным к повторению вариантом. В общем, каковы бы ни были причины, относительно вертикальная двуногая форма жизни с двусторонней симметрией оказалась достаточно распространенным явлением, и Паучок привык встречать ее в самых неожиданных местах. А может, он уже начал привыкать видеть то, что ожидал увидеть.

– Я обязательно должен знать, каковы намерения этого существа. И как мы можем ей противостоять.

– Если это то же существо, сбежавшее с подлодки, – произнесла Мэри Джейн, – похоже, ему нужна радиация. Но зачем твари, которая сама по себе не радиоактивна, источник радиации?

– Я не уверен, – признался Питер и откусил еще порцию

сэндвича. – Все думаю о том железнодорожном рабочем, сказавшем, что первым делом это существо пыталось проку-сить бочку. Потом еще этот бездомный со склада, который утверждает, будто видел, как оно слизывало отходы с пола. – Питер поймал пальцем сбежавшую каплю майонеза и отпра-вил ее обратно в рот, затем взглянул на палец так, будто тот таил в себе все секреты вселенной. – Кусает и лижет, прямо как я делаю с этим сэндвичем! Может, ему нужны радиоак-тивные материалы для питания.

Он снова взглянул на сэндвич с курицей – капли майонеза все еще стекали в тех местах, где красовались два полукруг-лых следа от укуса, – и внезапно потерял аппетит. Питер от-ложил остатки бутерброда в сторону, вытер руки бумажным полотенцем, скрестил их на груди, и откинулся на спинку стула так, что передние ножки стула взмыли над полом.

– Интересный вопрос, – сказал он, – что за существо по-едает радиоактивные материалы, но не имеет в своем теле следов радиации. – Он задумался на мгновение. – Это если предположить, что не имеет. Капитан ЛоБуоно сказал: су-щество необходимо было запереть вместе с радиоактивны-ми материалами, поскольку это привычная ему среда обита-ния. – Он покосился на Мэри Джейн.

Та села и принялась снова купать в чашке чайный паке-тик.

– А я вспоминаю о гремлинах. И трибблах из «Стар-Тре-ка». Вдруг еда нужна ему для размножения?

Питер вздрогнул.

– Даже не думай об этом. Если эта штука начнет размножаться, тогда у нас возникнут реальные трудности. Можешь представить хаос, если целая толпа таких существ начнет носиться по городу, поедая все радиоактивное, что попадется им на глаза? И первым делом они начнут с госпиталей – откроют охоту на рентгеновские изотопы.

Мэри Джейн бросила пакетик на ближайшее блюдечко.

– Ты так хорошо представляешь всякие ужасы, – сказала она, – и от тебя совершенно никакого проку, когда нужно представить что-то хорошее. В этом явно кроется проблема.

– Разберемся с этим позже, – отмахнулся Питер. – А вот его метаболизм... Все должно откуда-то получать энергию. Мы привыкли считать, будто все живые существа черпают энергию из пищи, или из солнечного света, если говорить о растениях. Но вдруг мы имеем дело с формой жизни, которая появилась одним путем, а затем оказалась вынуждена адаптироваться? Переключиться с того, что мы считаем нормальными источниками питания, – он снова покосился на сэндвич, – на прямое потребление сырой энергии.

Питер вскочил на ноги, прошелся вокруг стола и снова сел.

– Я даже не обычный биолог, что уж говорить про ксенобиологию. Не силен в этой теме, у меня от нее голова болит. Но про радиоактивность я кое-что знаю. Если существует форма жизни, структура которой напоминает живой ядер-

ный реактор... – Он вздрогнул.

ЭмДжей наградила его сочувственным взглядом.

– Так может, тебе стоит спросить совета у кого-нибудь, кто разбирается в этой теме? Например, у Рида Ричардса. Раньше он всегда давал тебе какие-то ответы. Почему не сейчас?

– Да ведь я даже не знаю, в городе он или нет. И столько всего еще нужно сделать. Я должен разузнать об этих ребятах из «ОХИК», а потом еще Веном, а еще есть Хобгоблин...

– Сдается мне, – произнесла ЭмДжей, – что, если Веном найдет того, кто похож на него – кем бы оно ни было, – начнется знатный бардак.

Питер мрачно кивнул.

– Да. Причем скорее всего, как обычно в центре города и при свете дня. Веном не будет ничего дожидаться, если сочтет, будто настал нужный момент. Терпение – вообще не его конек. И затем мне придется снова заняться им. Я не могу просто стоять и, засунув руки в карманы, смотреть, как он разносит город на части. – Питер запнулся и потер плечо, все еще ноющее после организованного Веномом свидания с бетонной стеной.

Этот жест не укрылся от внимания ЭмДжей. Она встала позади мужа и начала массировать ему плечи.

– А ты знаешь, – непринужденным тоном проговорила она, – сколько тюбиков с согревающим кремом мы прикончили с момента нашей свадьбы?

Питер озадаченно уставился на нее.

– Восемьдесят шесть, – продолжила Мэри Джейн. – Обезболивающие мази всех марок, что есть на рынке. Мне приходится брать новую упаковку всякий раз, как я иду за покупками. Парень в магазине уже спрашивает, не мажу ли я их себе на хлеб.

Питер в ответ смог лишь простонать от удовольствия, которое он получал, пока жена прогоняла напряжение из его плеч. Он ткнул пальцем в сэндвич, решил не тратить зря хорошую еду и в три или четыре укуса прикончил его.

ЭмДжей остановилась и произнесла:

– Как я понимаю, паучье чутье так и не вернулось.

– Нет. Возможно, я просто получил бóльшую дозу чего там Хобби использовал в последний раз.

Жена с грустью посмотрела на него:

– Ты боишься, что оно ушло навсегда – во всяком случае тебя это беспокоит.

Питер поднял взгляд на жену, и та слегка улыбнулась.

– Ты всерьез думаешь, будто на данном этапе наших отношений можешь скрыть от меня свое волнение? Да я твое «храброе лицо» с пятидесяти шагов различу. Просто подожди еще немного и не забывай смотреть по сторонам. Паучье чутье – неотъемлемая часть твоих сил, поэтому раз все остальное по-прежнему работает как часы, я не могу представить, чтобы оно покинуло тебя надолго.

Питер тоже улыбнулся.

– Все не обязательно должно обстоять именно так, – ска-

зал он, – но прямо сейчас твое объяснение нравится мне больше моих. А Хобби обязательно ударит снова. Если не сегодня, то завтра. Но прямо сейчас я ничего не могу сделать, поскольку если не выплусь, то просто свалюсь с паутины.

– Вот это ты правильно заметил, – сказала ЭмДжей. – Ты не покинешь стен этого дома, и неважно, что там будет твориться в городе между этой минутой и восемью утра завтрашнего дня. – Ее глаза блеснули. – У меня есть планы на тебя.

– О боже! – совершенно искренне воскликнул Питер, хотя его мысли по-прежнему были заняты несколько другим. – Кстати, я сомневаюсь, что Хобби снова отправится на склады за покупками. Любой, кто занимается незаконной торговлей радиоактивных веществ в этом городе, наверняка уже заметил неладное и усилил охрану, или что там у них есть. Поэтому, думаю, мы можем вычеркнуть «ОХИК» или кто там еще есть на них похожий. И это оставляет нам законные источники, – нахмурился он. – Те тоже усилят охрану, но ничто не останавливало Хобби в прошлом. И я сомневаюсь, что она остановит его завтра. Или послезавтра. Придется выйти в патруль самому.

– И ты знаешь, где его следует ожидать? – поинтересовалась ЭмДжей.

Питер кивнул.

– Прямо сейчас единственным большим легальным местом в городе, где занимаются ядерной физикой, остается

университет Эмпайр-Стейт. У них хранится достаточно материала, чтобы привлечь внимание Хобби. А среди персонала обязательно найдется кто-то, желающий за деньги или из страха рассказать, где что лежит. У Хобби есть талант находить подобных людей. И если он уже не знает, где взять ему необходимое, то скоро выяснит.

– А какого размера удача понадобится тебе, чтобы это обнаружить? – поинтересовалась Мэри Джейн.

Он зевнул, потянулся, пока его конечности не щелкнули, затем улыбнулся жене.

– О, не переживай, я справлюсь. Завтра заскочу в лабораторию, переговорю с ребятами, соберу сплетни и послушаю, что вообще происходит.

– И будешь потихонечку выцеживать полезную информацию?

– Да. Уверен, я смогу все узнать. Я ничуть не сомневаюсь: Хобби заявится туда.

Мэри Джейн отхлебнула чай и задумчиво спросила:

– А как насчет Венома?

– Пожалуйста, по одной проблеме за раз! У меня и так голова раскалывается! Кажется, у меня мозг болит.

– Ну все, – решительно заявила ЭмДжей, отставляя чашку в сторону, – тебе полагается приличная горячая ванна – для тебя, твоей усталой головы и больных мышц. И я иду туда с тобой.

– О-о-о, – ухмыльнулся Питер, – мне сегодня везет! – Он

поднялся на ноги, поморщился от боли, которую старался игнорировать, и последовал за женой в коридор.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро, пролистав газеты и просмотрев новости, стремясь убедиться, что за ночь ничего такого не произошло, Питер направился в академический мир.

Университет Эмпайр-Стейт располагался в Гринвич-виллидже. Главный корпус ютился в стенах старого здания, полного маленьких комнатушек, спрятанных между уголочками и закоулочками. Из крошечного окна одной каморки, в которую Питер нашел дорогу, открывался вид на здание научных исследований. Существовали сотни путей, которыми Человек-Паук или любой другой незваный гость могли незамеченными пробраться на территорию университетского кампуса (при условии, что вышеупомянутые гости знали об их существовании). А если ты поджидал кого-то не знакомого с входами на территорию кампуса и выходами из нее, то мог встретить его крайне незабываемым способом.

Новое здание не столь вдохновляло с архитектурной точки зрения, как главный корпус, поскольку его построили в период, когда функциональность считалась более важной чертой, чем внушительность, но и у него существовали некоторые преимущества. За годы учебы у Питера было доста-

точно свободного времени, чтобы проследить, какие воздуховоды куда идут, в какую часть системы кондиционирования ведут те или иные решетки, какие места на крыше дают доступ внутрь с помощью служебных люков или дверей в складские помещения на чердаке. В подобных пустых помещениях умный и целеустремленный человек мог долгое время скрываться от всеобщего внимания, перемещаясь с места на место и приглядывая за происходящим. Это занятие Питер Паркер припас для Человека-Паука. Но сначала нужно было позаботиться о вещах, с которыми Паучок не смог бы справиться без риска для себя. А вот Питер Паркер мог.

Он поднялся по большой мраморной лестнице, прошел через главное здание и наконец очутился возле черного хода, который вел к маленькой площади, отделявшей это здание от нового корпуса.

Новый корпус был целиком построен в академическом стиле шестидесятых: листовое стекло, алюминий и солидные цветные блоки. Кто-то, обладающий крайне странным пристрастием к современному искусству, возвел в центре площади нечто из нержавеющей стали, названное Деревом Жизни. Студенты научных факультетов утверждали, будто залитыми лунным светом весенними ночами они танцевали вокруг Дерева, разбрасывая по сторонам шарикоподшипники. Остальное время года с ветвей сооружения свешивалась туалетная бумага. Дерево все ненавидели.

Питер поднялся по пологим ступенькам научного корпуса

и остановился возле главного входа у доски объявлений убедиться, что там не появилось чего-нибудь интересного. Как правило, в это время года, на каникулах между семестрами, там не оказывалось ничего, кроме устаревших приглашений на вечеринки и университетского перечня адресов электронной почты, который устарел, скорее всего, еще к концу той недели, когда его вывесили. Внизу страницы какой-то шутник написал: «Если хотите хорошо провести время, звоните PI 3-1417...»

Питер свернул направо, в сторону лестницы, что вела к аудиториям на втором этаже. Под ней в стене красовалась дверь, за которой и скрывалась кафедра ядерной физики, по одной простой причине – большая часть оборудования слишком много весила и его не могли поставить где-либо выше.

Основная часть дверей в здании была вращающегося типа, но эта запиралась на замок. Питер достал из кармана ключ и отпер дверь. Свои ключи имели все преподаватели, докторанты и аспиранты, работающие здесь, раздобыть их не составляло труда. Но сама дверь служила своего рода препятствием. За ней конструкция здания менялась, становилась тяжелее и прочнее. Стены здесь были толще, а сразу за дверью из левой стороны коридора вырастала перегородка, перекрывающая две третьих прохода. Примерно через полтора метра такая же стена вырастала с правой стороны. Старая добрая радиационная безопасность. Случись внутри ка-

кая-нибудь авария, радиация не сможет попасть прямо к двери и затем наружу. Сама конструкция и ее вид напоминали о противорадиационных бункерах и время от времени пробуждали в Питере детские воспоминания о том, как они прятались в школе под партами, прикрыв голову руками во время учений о действиях в случае объявления ядерной войны. Как там называлась эта старая песня? «Пригнись и накройся»? «Много пользы она бы нам принесла на нулевой отметке», – подумал он, пробираясь мимо перегородки.

Питер направился в сторону аудиторий и лаборатории. В помещении стояла гробовая тишина, но она царила здесь даже в разгар занятий. Здешнему оборудованию не требовалось присутствия тяжелых кондиционеров, у большинства машин практически не имелось движущихся частей. Но это место, такое чистое, светлое и яркое, само по себе несло легкий оттенок угрозы, молчаливой силы, которую одни применяли в благих целях, другие в менее благих и которая спокойно ждала, в каком направлении качнется маятник.

Питер подошел к двери в самом конце коридора. Она тоже оказалась заперта. И, как и внешняя дверь, открылась с помощью того же ключа.

Питер просунул голову в образовавшийся проем. Как он и надеялся, внутри горел свет, отражавшийся в больших запертых шкафах и массивных молчаливых машинах.

– Есть кто? – поинтересовался он.

– Привет! – раздался из противоположного конца комна-

ты знакомый женский голос. – Кто здесь?

– Питер Паркер.

– Боже правый, блуждающий мальчик вернулся! – практически пропел все тот же голос. Из-за разделяющей комнату перегородки выглянуло жизнерадостное женское лицо, обрамленное длинными светлыми волосами, туго стянутыми в хвостик на затылке.

– Дон! – воскликнул Питер. – Как поживаешь?

– Не так уж и плохо, – ответила Дон, – вот, наверстываю работу... – Она сделала непривычное для себя ударение на последнем слове и плутовато улыбнулась ему.

Питер надеялся, что Дон МакКартер – нет, теперь ее звали Дон Лакс, он все время забывал, что девушка вышла замуж, хотя с ее свадьбы прошло уже больше года, – все еще будет тут, работая над диссертацией. Она писала докторскую на кафедре ядерной физики и обладала одним из самых быстрых и ярких умов, что он когда-либо встречал. Дон с легкостью могла за секунду переключиться с заученного разговора о физике суперколлайдеров на «гу-гу-гу» со своей новорожденной дочерью. К слову о дочери, ведь он только сейчас заметил малютку. Девочка сидела в переноске на полу и размахивала бело-розовой жевательной игрушкой, время от времени хорошенько ее обсасывая.

– Смотрю, на этот раз ты застряла тут с ребенком, – заметил он.

– Рон глубоко погрузился в свой «работаю-за-компом»

режим. Малышка может упасть замертво перед самым его носом, а он даже не заметит. Поскольку я тут полирую диссертацию, я подумала, что пару недель смогу брать ее с собой. Ты же знаешь, мы не можем позволить себе сиделку на наши стипендии. Как там ЭмДжей? Чем занята в эти дни?

– Прекрасно. Ходит на прослушивания.

– Что привело тебя сюда? – поинтересовалась Дон. – Не думала увидеть тебя здесь до осени.

– Ну, я должен встретиться со своим научным руководителем, но что-то он запаздывает.

Дон рассмеялась.

– Нашел чем удивить.

Питер прошелся по комнате. Куча большого, громоздкого, дорогого и с трудом перемещаемого оборудования. Одна большая установка сбоку, герметизированный рабочий бокс с тремя наборами перчаток для работы с чувствительным материалом через защитную оболочку из стекла в свинцовой оправе и бетона. Рядом – большой свинцовый сейф для хранения радиоактивных материалов, а по соседству с ним – еще один, поменьше. Тут и там разбросано светочувствительное оборудование, а в самом дальнем углу, примерно в шести метрах, то, что больше всего его интересовало (и с чем сейчас работала Дон) – аппарат для создания корпусов и упаковки. В конце концов, нельзя носить радиоактивные материалы в коробке для завтрака, нужно собрать контейнер согласно всем требованиям для исследуемого образца –

он должен справиться с конкретным уровнем радиации и соответствовать целям его применения. Это было нечто среднее между герметичным боксом и механической мастерской, и очень компактное – меньше половины квадратного метра площадью. Питеру пришло в голову: если Хобгоблин собирается здесь что-то украсть, то вполне возможно именно этот аппарат. Его будет нелегко сдвинуть с места, но все-таки возможно.

В данный момент Дон внутри аппарата наносила последние штрихи на небольшую коробку со свинцовой подкладкой.

– Для суши, верно? – поинтересовался Питер, заглядывая через ее плечо.

– Дурачок, – ласково ответила Доун, – развлечения лучше спингрыза, пока я тут работаю.

– Привет-привет, красавица, – произнес Питер, усаживаясь рядом с ребенком, – как делишки?

Малышка вытащила жевательную игрушку изо рта, одарила ее задумчивым взглядом и предложила Питеру.

– Нет, спасибо, – ответил он, – я пытаюсь завязать.

Он позволил малышке схватить его палец и немного потрясти. Она загугукала.

Питер снова повернулся к Дон.

– Как успехи с диссертацией, к слову? Если я не ошибаюсь, она была как-то связана с трансурановыми сверхпроводниками, не так ли?

Встав, он достал из кармана один из паучьих маячков и незаметно прикрепил его к нижней части аппарата.

— Ага, — ответила Дон не поднимая взгляда, всецело поглощенная делом, — в большинстве работ говорится, что соединение с лантанидом оказалось не очень продуктивным... Поэтому я решила попробовать некоторые из высших трансурановых соединений и посмотреть, не даст ли их слияние с одним из высокотемпературных сверхпроводников каких-либо результатов.

— И с каким из них ты играешься? — Не переставая говорить, Питер отошел от бокса и направился к сейфам.

— В основном с америцием.

Питер улыбнулся.

— А почему бы тебе просто не попробовать носить воду в решете? Насколько я помню, у этой штуки период полураспада меньше, чем продолжительность концентрации внимания твоего ребенка.

Дон хмыкнула.

— И это проблема. Когда период полураспада длится десять часов, ты вполне можешь успеть изобрести революционный сверхпроводниковый сплав, но если уйдешь на обед не в то время, то все пропустишь, а результаты практически невозможно повторить. Что ж, если это не сработает... — Питер заметил улыбку девушки. — ...я попробую что-нибудь попроще, например низкотемпературный ядерный синтез.

Паркер усмехнулся.

– Понимаю, к чему ты клонишь. Что ж, надеюсь, это работает, – сказал он, – тебе все же надо защитить диссертацию до того, как дочка сюда поступит, а не то люди начнут задавать вопросы. Что нового слышно?

– Ничего такого не знаю, – рассеянно ответила Дон, – они вынесли практически все за исключением материала, нужного мне для проекта.

– Вижу, – произнес Питер.

Его взгляд упал на несколько маленьких свинцовых контейнеров, промаркированных как «тетрафторид америция». Их оказалось довольно много, так что едва ли Дон заметит пропажу одного, и каждый контейнер был достаточно мал, чтобы привлечь внимание любого существа, любящего радиацию. Пытаясь подавить чувство вины, Питер взял один контейнер и, незаметно для Дон, спрятал его в карман.

Затем он наклонился и поставил еще два маячка на полку с контейнерами и на дно большого сейфа.

– Слушай, Дон, может, поужинаем как-нибудь все вчетвером?

– Ох, Пит, ты знаешь, каково это, – пробормотала та, по-прежнему не отвлекаясь от работы, – каких трудов мне стоит оторвать Рона от его компьютеров... или малышки-дочери. – Она улыбнулась. – Может, тебе стоит пригласить на ужин ее?

– Лучше не надо, – ответил Питер, выпрямляясь, – ЭмДжей меня со свету сживет, если узнает, что я заинтересовался женщинами помоложе. Слушай, если не получится рань-

ше, увидимся осенью, когда начнутся занятия, лады? – Он помахал ребенку. – Пока, красotka.

– Агук, – ответила та, пока Питер закрывал за собой дверь.

Спустя некоторое время он переоделся в паучий костюм и забрался в вентиляционную систему научного комплекса. Пока Паучок незаметно передвигался от одного места к другому, проверяя, остались ли все воздуховоды на тех местах, где он их запомнил, ему хватало времени подумать о самых разных вещах. О том, что уже очень давно стоит позвонить тете Мэй, что он снова забыл купить стиральный порошок и о куче других вещей. Но ни одна из них не могла отвлечь его от маленького свинцового контейнера, прикрепленного паутиной к его поясу. Кожа под ним зудела.

Он, разумеется, знал: содержимое контейнера не могло быть в ответе за этот зуд. Он прочный, целый, а радиоактивность его содержимого – довольно низкая. И все же Питеру казалось, будто у него там все чешется.

Очень медленно день превратился в вечер. Аудитории начали пустеть и запирались на ключ, огни принялись гаснуть, а люди – выбираться на ужин. Подумав, что вид снаружи, пожалуй, полезнее вида изнутри, Человек-Паук, выбрался из вентиляционной системы и вернулся в главное здание, в крошечный чуланчик, откуда открывался вид на научный комплекс. Если поднять створку его грязного окна до самого верха, то он как раз сможет протиснуться внутрь. Внутри его

нельзя заметить. И он ждал там, пока тени росли и сгущались в сумерки...

...а затем внутри него что-то екнуло, очень слабо, всего один раз – ощущение приближающейся опасности.

«Химикат выветрился, – радостно подумал Человек-Паук, и его пульс участился, – паучье чутье возвращается». Он ликовал, пусть даже это легкое покалывание возвещало появление проблем.

С улицы донесся слабый, но сразу узнаваемый гул очень маленьких и навороченных реактивных двигателей.

«Он даже не стал дожидаться, когда окончательно стемнеет, – подумал Паучок, – нетерпеливый болван».

Паук наклонился вперед, наблюдая за тем, как реактивный глайдер с возвышающейся на нем зловещей фигурой Хобгоблина приземляется во дворе. Злодей стоял спиной к Человеку-Пауку.

– Шоу начинается, – пробормотал Паучок себе под нос.

«А это будет интересно», – подумал он. Хотя в стенах кафедры ядерной физики имелись окна, их было очень мало и все они были крошечными. Большая часть света попадала в помещение через стеклянную черепицу. Хобби же это, судя по всему, вообще не волновало. Он подвел глайдер к дальнему концу здания, где хранилось наименее важное оборудование, и просто швырнул во внешнюю стену тыквенную бомбу.

Мощный взрыв сотряс здание, часть задней стены рухну-

ла. Послышались сигналы тревоги, но Хобгоблину явно не было до них дела. Он устремился в открывшийся проем.

«Как я и думал, – Человек-Паук выпрыгнул из открытого окна и перенесся через двор, – кто-то рассказал ему, где находится какое оборудование. Что повредить нежелательно и о чем можно не беспокоиться».

Паучок начал поспешно обматывать паутиной почти весь фасад здания за исключением проделанного Хобгоблином отверстия. Паутина соответствовала традиции садовых пауков и представляла собой сеть с довольно мелкими ячейками, крепящуюся к земле. Когда весь фасад оказался закреплен, Паук подошел к отверстию и закрыл его аналогичной паутиной. Он как раз закончил половину работы, когда в глубине здания показался Хобгоблин. Он парил на своем реактивном глайдере, ошарашенно уставившись на Человека-Паука.

Паучок оказался также немного шокирован, поскольку злодей прикрепил к днищу своей реактивной повозки большой сейф, и, к вящему удивлению стенолаза, глайдер даже смог оторвать эту штуку от поверхности.

– Ну, хорошо, Хобби, – максимально спокойно произнес Человек-Паук, – положи эту штуку туда, где взял.

Шокированное выражение не задержалось надолго. На лице Хобгоблина расплылась мерзкая ухмылка.

– Ты, должно быть, пошутил, Человек-Паук, – со смехом произнес он. Достал очередную тыквенную бомбу и небреж-

но бросил ее в ближайшую стену.

Раздался очередной мощный взрыв. Обломки кирпичей и сломанные части оборудования разлетелись во все стороны, и Человек-Паук на мгновение горько прикинул, в какую сумму обойдется ремонт.

– Сайонара, жук! – воскликнул Хобгоблин и без промедления рванул в только что проделанную дыру.

А следовало бы помедлить. Злодей тут же на полной скорости угодил прямоиком в ловушку: паутина поймала и удержала его. Человек-Паук разорвал сеть и быстро прыгнул в первое отверстие закончить дело. Он за считанные секунды упаковал Хобгоблина как особо хрупкий ценный груз, тот дергался и ругался, но пользы от этого не наблюдалось. Через несколько секунд злодей только и мог, что молча прожигать Человека-Паука гневными взглядами, – паутина крепко опутывала его с головы до ног, и он ничего не мог с этим поделать. Не мог дотянуться до бомбы, не мог ее кинуть, не мог выпустить заряд из своих энергетических перчаток, не поджарив при этом себя. Привязанный глайдер опустился на пол вместе со своим свинцовым грузом.

– А теперь, – тихо произнес Человек-Паук, – нам с тобой нужно кое-что обсудить.

– Возможно, – раздался позади низкий голос. – Но мы думаем, что наша беседа с этим... существом... имеет больший приоритет.

Человек-Паук оглянулся. Там, на фоне паутины и проде-

ланного Хобгоблином отверстия, красовался темный силуэт Венома. Симбиот медленно улыбнулся, и его жуткий змееподобный язык потянулся к Хобгоблину.

– Нам с тобой надо прекращать встречаться при таких обстоятельствах, – раздраженно произнес Человек-Паук, – а не то слухи поползут. Это всего лишь обычная, старомодная кража радиоактивных материалов. Тебе не о чем волноваться...

– Мы так не думаем, – ответил Веном, медленно шагая к Хобгоблину. Тот оказался так плотно упакован, что даже не мог говорить, лишь издавал нервные, успокаивающе звучащие похрюкивания.

– Один лишь факт, что он крадет радиоактивные материалы, – произнес Веном, – намекает на его замысел. Другие «мы», о которых постоянно говорят в новостях, также их крадут, разве нет? – Он медленно приближался к Хобгоблину. – Ты, полагаю, убиваешь двух зайцев с одного удара. Реализуешь какую-то мерзкую преступную махинацию и спихиваешь вину на кого-то другого. И они все это слопают, не так ли? Медиа. – Веном ухмыльнулся жуткой клыкастой улыбкой и начал пускать слюни в предвкушении. – Еще никто и никогда не пытался провернуть с нами подобную наглость. Такие действия с твоей стороны заставляют усомниться в твоём праве на дальнейшее существование. А раз так...

Щупальца симбиота поползли к Хобгоблину, схватили его, паутину, глайдер, сейф и вообще все и встряхнули, как

обычный человек мог бы потрясти другого за лацканы пиджака.

– Прежде чем мы очистим твои кости от плоти и завяжем их бантиками у тебя на глазах, мы хотим знать – почему?

Хобгоблин издавал приглушенные, отчаянные звуки. Темные щупальца Венома превратились в бритвы. Они опустились на паутину и начали разрезать ее, кромсать, рвать на части.

– Эй, погоди секундочку! – воскликнул Человек-Паук. – Я потратил столько времени, чтобы его вот так обмотать! – Он прыгнул на Венома и начал оттаскивать от Хобгоблина.

Руки Венома были заняты. Часть щупалец – все еще острых как бритва, смертельно опасных, как любой нож, – отвлеклась от пленника, чтобы заняться Человеком-Пауком. Паучок увернулся от них, и смог – хотя и только в силу занятости Венома – опутать паутиной и симбиота.

Последовавшая за этим борьба казалась немного хаотичной: Веном пытался разорвать паутину, щупальца извивались и струились между нитями, пытаясь добраться до Паучка, Человек-Паук выпускал все новые и новые порции паутины, отчаянно надеясь, что та не кончится у него в самый ответственный момент – ведь на здании он использовал немало запасов. Они с Веномом двигались назад и вперед, разбрызгивая паутину, перерезая ее, щупальца хватали, запутывались, освобождались и снова запутывались...

...пока гул реактивных двигателей глайдера не заставил

их обоих замереть на месте.

Глайдер медленно, но постепенно разгоняясь, поднимался прочь от пролома в стене. Ключья паутины свисали с него, глайдера и сейфа – и все это вместе поднималось на недостижимую высоту.

– О нет, – простонал Паучок. Он подскочил к проему и отчаянно выпустил паутинную нить вслед удаляющейся фигуре, но реактивный глайдер резко дернулся в сторону, поднялся над стеной колледжа и скрылся из виду.

Яростно сверкая глазами, Веном выпутался из последних ошметков паутины.

– Болван. Теперь он улизнет и закончит ту жуткую вещь, которую начал! Не говоря уже о том, что продолжит выдавать себя за нас! И теперь уже не скажешь, куда он отправится дальше...

Человек-Паук ничего не сказал. Пока Хобгоблин удирал, Паучок успел заметить: его маячок по-прежнему крепился к днищу сейфа. Когда паучье чутье полностью восстановится, – а он надеялся, что это случится уже довольно скоро, – он легко сможет выследить злодея. Паук повернулся к Веному:

– А ты серьезно настроен. Видимо, на складе действовал и правда не ты.

– Ты все еще не веришь нам, – произнес Веном, его тон напоминал низкий, злобный рык, – о ты, малOVER¹².

---

¹² «Если же траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь,

– И дьявол может цитировать Писание в своих целях, – заметил Человек-Паук.

«И тем не менее, – подумал он, – все это время я сомневался в виновности Венома. А сейчас, когда он приходит ко мне и говорит, что я был прав, почему я не могу ему поверить?»

– Это не ты опрокинул поезд прошлой ночью? – уточнил Паук.

Улыбка Венома казалась мрачной, но чуть более веселой, чем обычно.

– У того, кто может опрокидывать поезда, – заметил он, – не будет таких проблем с твоей паутиной, какую только что испытали мы. – Он нахмурился. – Мы должны придумать более эффективный способ сопротивления ей.

– Давай пока отложим это, – сказал Человек-Паук.

– Согласен. Никакое создание не может и дальше продолжать выдавать себя за нас...

– Я не думаю, что это был Хобгоблин, – признался Человек-Паук, – а съесть его селезенку по ошибке стало бы трагедией, разве нет?

– Если он задумал именно то, что, как мы подозреваем, он задумал, – ответил Веном, и язык симбиота дернулся, разделяя его гнев, – это уже само по себе достаточная причина оторвать его конечности одну за одной, даже не беря в расчет мои личные счета. Хобгоблин практически наверняка стро-

ит какую-то бомбу, ты не думаешь?

Паучок мог только кивнуть.

– А человек может строить ядерную бомбу всего по одной причине – желая шантажировать других людей угрозой ее применения... а иногда желая и в самом деле ее применить. – Веном снова уставился на Человека-Паука. – И хотя мы считаем этот город адом для его невинных жителей и логовом для любой разновидности преступности и порока, мы бы все же предпочли, чтобы он не взлетел на воздух подобным образом... как и любой другой город на Земле. Хочет ли Хобгоблин лишь угрожать бомбой или помочь использовать ее кому-то другому – не важно, он одинаково заслуживает смерти по любой из этих причин. А если он, зайдя максимально далеко, на самом деле взорвет бомбу и унесет жизни миллионов невинных – тогда он будет заслуживать смерти миллионы раз подряд. И мы обещаем сделать его смерть настолько долгой и мучительной, насколько мучительными будут смерти всех тех людей, что он убьет.

– Слушай, – попытался вмешаться Человек-Паук, – я с тобой согласен, но...

– Никаких «но», – решительно возразил Веном, – мы отправляемся за ним. Ты уже неоднократно привлекал это жалкое существо к «ответу» – и к чему это привело? Вот к чему. Клянемся тебе, мы найдем этого Хобгоблина раньше тебя. И когда мы с ним закончим, он будет скорбеть по судьбе, которая помешала тебе найти его первым.

И с этими словами Веном развернулся и выпрыгнул через проем в стене здания.

Человек-Паук прыгнул следом.

ПРОВОЖАЯ МУЖА утром, Мэри Джейн заметила, что он покидает дом, будучи в крайнем замешательстве. Она знала: Питер хорошо отдохнул; в кои-то веки у него ничего не болело слишком сильно, он сытно позавтракал и, самое главное, у него было достаточно времени обдумать все произошедшее с ним за последние пару дней – и все же состояние мужа ее очень беспокоило. ЭмДжей боялась, что однажды он уйдет на работу чересчур усталым и не до конца представляющим свои дальнейшие действия и больше никогда не вернется.

Она знала – этот день Питер собирается провести в Университете Эмпайр-Стэйт. Сильно радоваться этому событию не приходилось, но по крайней мере он ушел настолько подготовленным, насколько вообще мог подготовиться Человек-Паук. Он составил план. Пожалуй, больше и нечего сказать обо всей нынешней ситуации. Отметив этот факт, ЭмДжей заварила себе чай, поджарила тост и уселась за купающимся в лучах поднимающегося за окном солнца кухонным столом и пролиставла журналы, купленные вчера у мистера Ки. Ничего полезного там не обнаружилось, все, представлявшее хоть какой-то интерес, Мэри Джейн уже видела и так. Новости о слияниях и поглощениях, сделки... «Хотела бы я, чтобы какая-нибудь сделка случилась со мной, – подумала

она, – такая, со множеством нулей на конце...»

ЭмДжей поджарила еще один тост, намазала маслом и вернулась было за стол, как раздался телефонный звонок. Она задумалась, не позволить ли автоответчику сделать свою работу, но затем поднялась и подошла к столику, на котором стоял телефон.

– Алло?

– Мисс Уотсон-Паркер?

– Слушаю.

– Это Ринальда Родригез из «Оун Гол Продакшенс».

– Да, – произнесла ЭмДжей, и ее пульс участился. Это были те самые люди, которые пригласили ее на второе прослушивание.

– Простите, что беспокою вас так рано, но у нас тут поменились планы...

«Ну вот, – подумала ЭмДжей, – ничего не состоится».

– Мы с моим партнером должны завтра утром улетать в Лос-Анджелес...

«Я так и знала, это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой».

– ...поэтому есть ли хоть один шанс, что вы сможете прийти на прослушивание сегодня?

– Сегодня? – переспросила Мэри Джейн, проглатывая вставший в горле комок. – Разумеется. Почему нет. Во сколько?

– После обеда вас устроит?

– После обеда...

В трубке слышался какой-то приглушенный бубнеж.

– О нет, погодите секундочку... – Родригез прикрыла трубку рукой и обменялась с кем-то парой слов. – Если точнее, в три часа дня – сможете?

– Идет. На том же месте?

– Нет, на этот раз мы расположимся подальше от центра. – Помощница продюсера дала ей адрес в Верхнем Вест-Сайде.

– Отлично, – произнесла Мэри Джейн, – я приду.

– Прощу еще раз нас извинить за такое изменение планов.

– О, пустяки. С вашей стороны довольно мило предупредить меня, – совершенно искренне сказала ЭмДжей. Некоторые знакомые ей продюсеры меняли планы без уведомления заинтересованных лиц, а потом ты оказывался виноват в том, что каким-то волшебным образом не узнал об этом и не подстроился под новые требования.

– Тогда до встречи. Пока!

ЭмДжей повесила трубку. «Сегодня в три. О божечки!»

Она-то планировала провести спокойный день за изучением сценария, который ей дали, за попытками прочувствовать материал, за работой перед зеркалом в попытках убедиться, что ее мимика передает именно те эмоции, которые она стремилась показать. Ну, придется ограничиться работой перед зеркалом, причем довольно поспешной. И разумеется, когда случался подобный кризис, Мэри Джейн мгновенно превращалась в комок нервов. Она подскочила к окну,

облокотилась о подоконник и, слегка подрагивая, принялась разглядывать нью-йоркские крыши. «Питер...» – подумала она.

Но Питер мог о себе позаботиться. Он уже не раз доказывал это в прошлом, что в одном обличии, что в другом. Теперь она должна взять себя в руки и сделать то, что положено львице. Муж еще будет ей гордиться.

Она еще раз восторженно вздохнула и потянулась за страницами сценария.

ВРЕМЯ до двух часов, когда Мэри Джейн нужно было выходить, пролетело быстро. Основная проблема заключалась в подаче Доры – социальной работницы. Дора молода – если продюсеры искали актрис в возрасте от 22 до 25, им нужна именно молодая девушка. Они определенно не хотели, чтобы Дора оказалась слишком опытной и знала слишком много. И в то же время человек, окончивший университет в таком возрасте, уже должен обладать определенным опытом – а «библия» проекта особо подчеркивала чувство юмора героини. И в этом, подумала ЭмДжей, и таится ключ к пониманию Доры. Когда героиня точно знает, о чем идет речь, она говорит деловито и уверенно, но когда происходит что-то такое, с чем она прежде не сталкивалась, та пытается

скрыть свою неуверенность за фасадом из шуток, одновременно стараясь спланировать свои дальнейшие действия.

По мере того, как стрелка приближалась к двум часам, Мэри Джейн становилось все труднее концентрироваться. «Интересно, сколько еще народу они пригласили на прослушивание?» – думала она. В прошлом у нее уже случались трудности с подобными мероприятиями. Но сегодня большинство приглашенных актрис определенно будет чувствовать себя не в своей тарелке. ЭмДжей все равно не очень хотела наблюдать за кем-то еще – боялась, что может подсознательно перенять чей-то подход, в то время как ее собственный сработал бы лучше. Однако ей постоянно приходилось просматривать кучу чужих прослушиваний – проблема всех людей с фамилией на «У» и списков по алфавиту. Обычно она изо всех сил старалась игнорировать все окружавшее ее... однако долгое ожидание все равно доводило девушку до белого каления. «Иногда мне кажется, я бы меньше нервничала, если бы отправилась на ночную работу Питера вместо него и ввязалась в противостояние с суперзлодеем».

Когда стрелки часов почти доползли до двух, ЭмДжей перечитала страницы сценария в последний раз, вкладывая собственные эмоции в строчки, где говорилось о голоде. А их накопилось прилично – изнутри взглянув на работу одного из приютов, Мэри Джейн лишний раз убедилась в том, насколько легко общество способно закрыть глаза на проблемы бездомных. И во время читки в ее голосе прорезались гнев и

разочарование – полезные чувства для роли Доры, подумала она.

«Что ж, – решила она наконец, – лучше уже все равно не получится. Пора одеваться и выходить».

ЭмДжей уже приняла душ, сделала прическу и нанесла макияж. Теперь же она пошла в спальню и принялась копаться в гардеробе в поисках подходящего костюма. Что-нибудь привлекательное, но подходящее для юной социальной работницы. Бежевая льняная юбка чуть ниже колена, средние каблук, белая шелковая блузка. Она задумалась на мгновение и достала свой единственный шейный платок Hermes, с рисунком тигрицы, подарок Питера. Мэри Джейн обмотала платок вокруг шеи поверх рубашки и оставила небрежно свисать.

«Ну вот, – подумала она, разглядывая свое отражение в зеркале, – изысканно и элегантно».

ЭмДжей взяла сумочку, ключи, сценарий, набор для прослушивания, томик «Войны и мира» и спустилась вниз поймать такси. Обычно Мэри Джейн везло: в дождь или солнце, ей было достаточно просто подойти к обочине, вытянуть руку, и такси возникало словно из ниоткуда. Сегодня же удача покинула ее на целых пять минут, заставив стоять на тротуаре, нетерпеливо переступая с ноги на ногу и размышляя: «А что, если я вообще не поймаю такси, а что, если я опоздаю, а что, если я попаду в пробку...»

«Питер...»

Она выдохнула и улыбнулась. В подобные моменты ее беспродумная тревога переключалась на любые темы, какие только могла найти. Питер прямо сейчас, должно быть, спокойно себе гуляет по университету в полной безопасности и ждет нужного момента.

Наконец материализовалось такси. ЭмДжей запрыгнула внутрь, назвала адрес. Ее мысли переключились с Питера на встреченных вчера бездомных. Пока они с мужем вечером проводили время в ванной, она рассказала ему о лучевой болезни – ну или о недуге, сильно смахивающем на лучевую болезнь, – которая поразила некоторых бездомных. «Капитан подлюдки сказал, – подумала она, – существо само по себе не радиоактивно. А Питер упомянул дыру в полу на складе, ведущую в канализацию. Если эта тварь скрывается в канализации и в туннелях метро, где живут некоторые из бездомных, не может ли она быть причиной их болезни? Но если капитан прав и это существо не влияет на них, что тогда ее вызвало?»

Мэри Джейн раз за разом прокручивала эту проблему у себя в голове, но так и не смогла найти очевидного ответа. «Может, какая-то часть радиоактивных отходов просочилась в туннели и канализацию? Мог ли кто-то сбрасывать там отходы незаконно?» Девушка знала: иногда токсичные отходы просто сбрасывали на свалках, где им было вовсе не место. Иногда целые цистерны этого добра попросту сливали на обочину какой-нибудь уединенной проселочной дороги,

а то и вовсе в канализацию, откуда они без каких-либо препятствий вытекали в море. А что, если кто-то подобным образом избавлялся от радиоактивных отходов прямо посреди города?

Сделать это не составило бы труда, и на то были свои причины. Утилизация радиоактивных отходов по всем правилам могла стать крайне недешевым удовольствием – компании, которые этим занимались законно, платили огромные деньги. Так почему бы не сэкономить и не слить отходы под каким-нибудь кустом?

Мэри Джейн слишком нервничала, чтобы нормально соображать. Ее преследовал образ людей, которые и так голодали и лишились крыши над головой, а теперь у них выпадали волосы, на теле появлялись пятна и язвы, и с каждым днем они чувствовали себя еще хуже и слабее чем вчера, – и это было практически невыносимо. Она надеялась, что кто-нибудь, кто угодно, Человек-Паук, полиция, да даже Веном, найдет существо, послужившее причиной всех этих бед, и покончит с этой угрозой. «До чего же их жалко», – подумала она, и, к своему удивлению, почувствовала, как в уголках глаз выступают слезы.

Мэри Джейн достала из сумочки платочек и промокнула их. «Нервы». А затем, через несколько секунд, огорченно покачала головой, уличив себя во лжи. Дело не в нервах, а в тех чувствах, что она испытывала, – и этого вовсе не нужно стыдиться.

Такси затормозило возле старого высокого кирпичного здания. Мэри Джейн расплатилась с водителем, привела себя в подарок, поправила прическу и, улыбаясь и готовясь ко всему, уверенно зашла внутрь.

ДВА ЧАСА спустя Мэри Джейн чувствовала себя куда менее готовой ко всему, но ее улыбка никуда не делась.

Приемная оказалась довольно типичной: много удобной, гладкой мебели, большие, изогнутые под очертания комнаты, диваны, роскошные образцы современного искусства на стенах, два телевизора, показывающие разные каналы, и занятая ухоженная секретарша, работающая за массивным и политически некорректным столом из полированного тика, который, по прикидкам Мэри Джейн, стоил примерно годовую сумму аренды их квартиры.

Комната для прослушивания, где она и еще двадцать три актрисы встретились с продюсерами, выглядела примерно такой же: самое современное звуковое и видеооборудование, без единого пятнышка или пылинки, надежно укрыто за стеклянной стеной от пола до потолка, все кабели и провода спрятаны. Затем помощница продюсера провела их в большое, яркое, чистое, покрытое коврами помещение для репетиций, где все так же оказалось совершенно новеньким.

В эту затею вложили приличные деньги, и Мэри Джейн была серьезно настроена так или иначе стать ее частью.

Конкуренция страшила ее. ЭмДжей выглядела хорошо – она это знала, – но некоторые из пришедших на репетицию девушек выглядели просто сногсшибательно. Они поражали этой особой разновидностью непринужденной красоты, которая буквально кричала, что ее обладательницам с утра нужно лишь умыться да зачесать назад волосы, чтобы не лезли в глаза. Зависть не входила в число привычек Мэри Джейн – обычно все ограничивалось первой вспышкой эмоций, которую можно было истолковать как «Это несправедливо!», после чего все растворялось в грустном и несколько разочарованном восхищении соперницами. Как минимум десять из ее сегодняшних коллег выглядели подобным образом. Все остальные смотрелись по меньшей мере прилично, и, возможно, все они были лучшими актрисами чем она. И вот Мэри Джейн стояла, в очередной раз мужественно перенося проклятие фамилии на «У» и наблюдая, как все остальные претендентки, одна за другой, уходят на прослушивание. ЭмДжей не могла даже представить, зачем, с учетом такой конкуренции, продюсеры вообще захотели увидеть ее.

Мэри Джейн вздохнула и твердо вознамерилась как-то поднять себе настроение. Правда, она не очень понимала, как. Она уже прочла все журналы, разложенные на кофейных столиках из итальянского стекла. «Война и мир» сегодня оказалась бесполезна. Запах горячего кофе из стоящего

возле стены кофейника казался таким соблазнительным, когда она пришла, но сейчас уже раздражал до одури.

Девушка откинулась на спинку стула и уставилась на телеэкраны. На одном большой фиолетовый тупорылый динозавр неуклюже танцевал и пел песенку о том, как он хочет с кем-нибудь подружиться. Мэри Джейн смотрела на экран и внезапно представила, как берет динозавра за пухлую фиолетовую лапу, подводит его к Веному и ласковым тоном говорит: «Вот, крошка, подружись с ним». Странная фантазия, но настроение ей подняла.

Другой телевизор рекламировал салон подержанных автомобилей. Машина за машиной, номер за номером мелькали на экране, сменяясь изображением владельца салона с таким лицом, что Мэри Джейн никогда не купила бы у него автомобиль. «Понятия не имею, как он еще не разорился, – подумала она, – может, я просто излишне подозрительна. Должно быть, это из-за всех суперзлодеев, которые регулярно появляются в жизни Питера и, слава богу, исчезают из нее».

Экран милосердно потемнел, а затем совершенно внезапно на нем появилась заставка «Специальный репортаж». Заставка сменилась изображением сидящей в студии ведущей, надписью «Срочные новости» и расположенным в нижнем правом углу экрана логотипом канала.

– Нам сообщают, что в кампусе Университета Эмпайр-Стейт в Гринвич-виллидж произошел взрыв, – сообщила ведущая, – экстренные службы уже среагировали на

вызов. Свидетели сообщают: научное здание университета получило серьезные повреждения...

Все самообладание, какое Мэри Джейн только удалось накопить, улетучилось в один момент.

«Питер!»

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ на другом конце города Человек-Паук перелетал от здания к зданию, отчаянно прочесывая улицы в поисках любого следа темной фигуры, за которой он гнался.

«А этот парень умеет бегать», – подумал он. Одной из самых раздражающих черт Венома было то обстоятельство, что они с Пауком имели много схожего в способностях и возможностях. А когда дело доходило до физической мощи, сила Питера, пропорциональная силе паука его веса и размера, очень уступала той, которой своего носителя одаривал симбиот. По сути, работа симбиота заключалась в исполнении любого желания владельца, и у Питера регулярно складывалось ощущение, что ради исполнения этих желаний пришелец регулярно выворачивал наизнанку различные законы физики. Поскольку он и сам какое-то время жил с симбиотом на себе, Паркер еще помнил это восхитительное ощущение, когда ты носишь что-то столь же легкое, как шелк, и

в то же время столь мощное, как стальной экзоскелет. Симбиот подстраивался под ситуацию: в зависимости от обстоятельств он мог быть жестким или мягким, острым или гладким. Он выглядел в точности так, как ты этого хотел, он превращался в то, каким ты его представлял. Без раздумий, без колебаний, просто раз – и все. Обладая симбиотом, ты не нуждался в оружии – ты сам становился им.

Веному не составит труда пройти сквозь стену. Возможно, он и не смог бы опрокинуть поезд, раз уж он сам так утверждал, но Питер все равно с радостью взглянул бы на то, как Эдди попытается это сделать. Да что там говорить, он бы даже заплатил за возможность увидеть подобное зрелище, а если бы там еще и принимали ставки на исход поединка – Человек-Паук всерьез сомневался в своей способности удержаться и не поставить пятерку на Венома. Просто на всякий случай.

Тем временем Паучок понятия не имел, куда делся Эдди. В теории, поскольку они преследовали летающую цель, Веном, как и Человек-Паук, должен бы оставаться на открытом пространстве. Но если Хобгоблин залег под землю, никто бы не смог помешать Веному пройти сквозь стены или, в этом случае, сквозь землю, чтобы добраться до злодея.

В любом случае у Человека-Паука оставался лишь один шанс найти обоих – забраться как можно выше и как можно быстрее осмотреть максимально протяженную территорию. «Так что направляйся к ближайшей высоте и начинай

искать», – подумал Паучок. Ближайший район небоскребов находился как раз немного к западу от его текущего местоположения, рядом с Площадью Колумба. Там он поднимется на старое здание Галф-Вестерн, оглядится по сторонам и решит, куда двигаться дальше, пока след еще не до конца остыл.

Человек-Паук летел высоко над 57-й улицей, перелетая от здания к зданию и заставляя врасплох «офисный планктон», мойщиков окон и случайных сапсанов. Свернув на запад, он почувствовал легкий укол – паучье чутье подавало еле ощутимый сигнал, что впереди его ждут проблемы.

Ощущение казалось более размытым, более продолжительным и более направленным, чем обычно, – возможно, побочный эффект от медленного возвращения способности. «Значит, я двигаюсь в правильном направлении». Прибыв в район, непосредственно примыкающий к Площади Колумба с юга, он не стал останавливаться и полетел дальше. Чувство укололо его еще раз, немного сильнее, и Паук продолжил двигаться на запад, хотя бы ради ощущения вернувшегося чутья.

Затормозив возле угла одного из зданий, Человек-Паук обогнул его по дуге, чтобы проверить, в каком направлении «гудение» чутья казалось самым сильным. Прямо на запад – хорошо.

Паучок по-прежнему двигался в том направлении. Здесь здания уже были не такими высокими – в основном жилые

дома, довольно приличные; настолько приличные, что он не решился даже подумать о стоимости здешней аренды. На 11-й авеню он снова сделал петлю, оглядываясь по сторонам...

Паучье чутье сильно его тряхнуло. Паучок посмотрел вниз, в сторону Вестсайдской магистралю. В конце 52-й улицы располагался загон для лошадей, и вдоль него в сторону проезжей части двигалось что-то черное. Двухногое, блестящее, темное направлялось в сторону ближайшего канализационного люка.

«Не Веном!» – на него чутье не сработало. Он мгновенно отпустил паутину и бомбочкой рухнул вниз, плотно обхватив себя руками для пущего ускорения. Когда до поверхности оставалась пара этажей, Человек-Паук выпустил очередную струю паутины, попал в столб уличного фонаря, крутанулся в направлении убегающей фигуры и приземлился на тротуар прямо перед ней.

Существо и правда оказалось черным. Оно блестело. Походило на человека, но не до конца. Исключением из черноты были бледные, напоминающие Луну пятна на голове, очень смахивающие на прорези для глаз в масках Венома или самого Паука. И чернота не являлась тканью костюма или какой-то одежды – в лучах вечернего солнца сияла сама кожа существа, она сверкала, словно до блеска отполированное эбеновое дерево, и, по правде говоря, это выглядело довольно красиво. Существо ходило на двух ногах, у него имелись руки, но какие-то необычные. Пальцы незнакомца

были гибкими, словно щупальца, но острыми, словно когти.

Мгновение существо задумчиво разглядывало Человека-Паука, а затем набросилось на него...

Паук отскочил в сторону и запрыгнул на ближайший фонарный столб. Пришелец приземлился в точке, которую мгновение назад занимал противник, но не с такой силой, как ожидал Паучок. Из тела существа выскользнули щупальца, метнулись к земле и с грацией опытного мастера дзюдо поглотили всю силу удара. Незнакомец поднялся на ноги, огляделся в поисках пропавшего противника, и вскинул голову с пустыми глазницами, словно бы принюхиваясь, – в точности как говорили железнодорожные рабочие.

«Кажется, зрение у него так себе, – подумал Человек-Паук, – не поэтому ли оно предпочитает темноту? Может, оно не особо нуждается в зрении? А может, если оно чувствительно к радиации, его раздражает фоновое излучение от солнечного света, здесь, на уровне земли...»

Существо бросилось на него снова, метя щупальцами и когтями прямо ему в грудь. На этот раз Паучок подпрыгнул вверх и поджал ноги, когда пришелец пронесся под ним. Он выпустил струю паутины в направлении ближайшего здания и, набрав немного высоты, принялся наблюдать за своим разочарованным противником, который приземлился на асфальт, перекувыркнулся, снова поднялся на ноги и принялся «оглядываться» по сторонам в поисках обидчика.

«Так и не пойму, может оно видеть днем или нет, или же

в воздухе, даже в такой час, остается так много рассеянного света, что его оптические чувства перегружены».

Паучье чутье ужалило его с такой силой, что Паучок попросту выпустил из рук паутину и рухнул вниз. И хорошо: существо пронеслось прямо над его головой, совершив потрясающий и совершенно невероятный прыжок с земли, размахивая щупальцами и когтями, метящими противнику в живот. Паук сгруппировался, стремясь быстрее падать, затем выпустил еще одну струю паутины и угодил в очередной фонарный столб. Придя в себя, он увидел, как существо врезалось в стену ближайшего здания и на мгновение приклеилось к ней, словно оглушенное.

Три раза – слишком много для простого совпадения. «Ему нужен контейнер, – догадался Человек-Паук. – Должно быть, оно действительно настолько чувствительно к изотопам, что способно учуять их даже сквозь свинцовую оболочку и всю фоновую радиацию».

Существо спрыгнуло на землю и снова принялось «искать» его. «Эта штука – ходячий счетчик Гейгера, – подумал Паук. – Интересно, на что вообще похоже его внутренности». Он задумчиво уставился на пришельца со своего наеста. «И, что более важно, что мне теперь с ним делать?»

Голова существа слепо повернулась в сторону Человека-Паука, и пришелец начал переходить проезжую часть. Череды машин, до той поры лениво ползшая на скорости, обычно позволяющей ньюйоркцам спокойно глазеть по сторонам,

остановилась полностью. Раздался автомобильный гудок, существо вскинуло голову и издало высокий пронзительный рев – странный звук для обладателя столь широкой груди. Чудище прыгнуло на ближайшую машину – это оказалось такси – и принялось раздирать ее на части внезапно выскочившими из всех частей его тела щупальцами. Обломки кузова машины – сначала крылья, затем крыша и капот – полетели во все стороны. Изнутри раздался возмущенный вопль таксиста и полный ужаса крик пассажира.

«Ой-ой». Человек-Паук спрыгнул с фонаря, стреляя паутиной с двух рук. Паутина окутала существо, сковывая, точнее пытаясь сковать его движения. Чудище отшатнулось от такси, снова заревело, разорвало паутину и принялось оглядываться по сторонам, стремясь понять, откуда та прилетела. Паучок, прыгая вокруг него и продолжая выпускать паутину, крикнул все еще сидящим в машине людям: «Этот борт под списание, ребята, лучше уходите, пока можете!»

Что они и сделали, выскочив с противоположных сторон машины. Сидевшая сзади элегантно одетая леди, похоже, не пострадала. Не теряя ни секунды, она мгновенно растворилась в ближайшем переулке. А вот таксист остановился неподалеку и прокричал:

– И что я страховой скажу?

Паучок покачал головой, не отвлекаясь от попыток укутать существо в кокон из паутины, которую оно продолжало разрывать с той же скоростью, с которой Паук ее выпускал.

– Не уверен, что они спишут это на «стихийное бедствие или обстоятельство неодолимой силы», – заметил он. – Слушай, приятель, шел бы ты отсюда, эта тварь...

Эта «тварь» внезапно изменила свои действия. Продолжая разрывать паутину быстрее, чем та появлялась из рук Человека-Паука, она потянулась к такси новым набором щупалец, толще и длиннее. Щупальца окутали машину, а затем существо без видимых усилий подняло остатки автомобиля в воздух и огляделось по сторонам, решая, видимо, в какую сторону его швырнуть.

Взгляд твари остановился на Человеке-Пауке. Существо размахнулось...

На этот раз Паучку не требовались подсказки чутья. Он как можно дальше отпрыгнул в сторону, на ходу хватая расстроенного таксиста. Перекатившись по асфальту, герой снова вскочил на ноги. Позади них такси с жутким грохотом врезалось в стену ближайшего здания и разлетелось на груды обломков, пригодных разве что для продажи в магазине автозапчастей. Где-то посреди процесса бензобак автомобиля повредился, и во все стороны выплеснулось топливо. Разлитый бензин тотчас вспыхнул.

Крики прохожих и гудки остановившихся машин стали громче. Огонь распространился по асфальту, по счастью, не очень далеко, и с энтузиазмом потрескивал. Посреди всего этого хаоса стояло существо – часть щупалец прижаты к голове, остальные колышутся вокруг, словно бы весь этот шум

и гомон слишком тяготят его. Тварь «посмотрела» на Человека-Паука, и несколько щупалец нерешительно потянулись в его сторону.

– Что ж такое, – произнес Паук, отпуская таксиста. – Слушай, ты все-таки уходи отсюда, я понятия не имею, что мой приятель выкинет следом. Вниз по улице есть таксофон. Позвони в 911, пока пожар не перекинулся...

– Без проблем, – откликнулся таксист и поспешил в указанном направлении.

Человек-Паук снова повернулся к инопланетному существу. Тварь осматривалась по сторонам, «принюхиваясь» к воздуху. Несколько раз взгляд ее бледных «глаз» падал на Паука, но пока она ничего особенного больше не делала.

Шум гудков и сирен становился все громче, и чудище явно начинало нервничать сильнее: оно дергалось и поворачивалось из стороны в сторону. «А ему здесь и в самом деле не нравится, – подумал Паучок, – может, все дело в шуме, может, в фоновой радиации. И ему действительно очень нужны изотопы. Но, похоже, оно учится на собственном опыте. Лобовой атакой оно их не добьется...»

Существо повернулось и направилось в сторону окраин, прочь от шума, пламени и дыма. Человек-Паук осторожно двинулся следом, не желая терять чудище из виду и намереваясь не позволить ему и дальше наносить урон окружающим, – если получится. Существо огляделось, затем припало к земле, выпустило новую порцию щупалец и оторвало

канализационный люк, к которому приближалось еще когда Паук впервые увидел его.

«Нам тоже туда». Паук и поспешил следом, не желая упустить существо и в канализации. По крайней мере, там оно с меньшей долей вероятности сможет причинить вред невинным горожанам.

Чудище, помогая себе щупальцами, нырнуло в люк головой вперед. Человек-Паук последовал за ним, стараясь не слишком приближаться, – он прекрасно понимал, в какой переплет попадет, если существо внезапно развернется в его сторону в туннеле, слишком тесном для маневров, но недостаточно тесном для использования щупалец. Паук по-прежнему слышал шум, с которым чудище продвигалось вперед и вниз.

Когда Паук опустился в люк и принялся спускаться по вделанной в стену лестнице, он снова услышал звуки, с которыми существо шагало на юг по соединительному туннелю. Паук медленно перемещался, внимательно прислушиваясь, позволяя глазам привыкнуть к темноте и ожидая, что паучье чутье вот-вот предупредит об опасности.

Предупреждений не последовало, слышался только тихий шорох существа. Здесь, внизу, городской шум не мешал, и Паучок разобрал другой звук: тихий стон, повторяющийся с интервалами в несколько секунд и затихающий по мере того, как дистанция между ними возрастала. «Это оно так дышит? Или еще что-то? У меня нет никаких доказательств того, что

метаболизму этой твари есть какое-то дело до кислорода или любой другой атмосферы, если подумать. И с его-то любовью к радиации...»

Оказавшись внизу, Паук остановился и огляделся. Насколько он мог судить, этот люк вел вовсе не в канализацию – здесь как минимум иначе пахло. Это оказался туннель общего доступа, один из служебных проходов, которые пронизывали весь остров на глубине от трех до шести метров ниже уровня улиц. Здесь пролегали все виды коммуникаций, иногда одновременно несколько в разных коробах: водопровод, электричество, кабельное телевидение, телефонные линии – они ничем не выдавали своего присутствия или местоположения, разве что иногда из коробов наружу вырывались струйки пара. В этом туннеле, насколько понял Питер, пролегали телефонные линии и кабели телевидения. Связки упакованных в водонепроницаемую оболочку проводов тянулись по бокам туннеля, периодически от него ответвлялись отростки и исчезали в потолке – шли к обслуживаемым ими зданиям. Тут и там, очень редко, туннель освещали слабые лампы, предназначенные для трудящихся здесь подсобных рабочих на случай, если их собственные фонари не работают. С южной стороны туннеля доносились слабые скребущие звуки – его добыча спешила убраться куда подальше.

Человек-Паук преследовал существо довольно долго. Чудище, похоже, не горело желанием подпускать его к себе слишком близко. Всякий раз, стоило ему хоть немного уско-

ритель шаг, существо тут же увеличивало скорость до тех пор, пока Паучок не переставал успевать за ним. Не замедляясь, существо начало петлять – вправо, влево, влево, вниз, снова вниз, вправо, вправо, и Человек-Паук очень скоро потерял любое чувство направления. Он мог только идти дальше. «Я никогда не смогу отследить дорогу сюда – мне следовало бы взять с собой клубок ниток, как тот парень из сказки». Но Паучок сомневался, что смог бы раздобыть настолько большой клубок, – придется найти какой-нибудь ведущий на поверхность люк и выглянуть наружу.

«Надеюсь, потом я найду его, – подумал Человек-Паук, ибо чудище опускалось все глубже и глубже, каждые несколько минут удаляясь еще на один уровень от поверхности, – полагаю, оно знает, куда идет. И это сулит мне неприятности. Плохое решение – сражаться на условиях противника».

Впереди, смутно различимое во мраке туннеля, существо остановилось и огляделось по сторонам. «Растерялось? – подумал Паук, – или устало?» Существо снова повторило «нюхающее» движение, словно бы охотясь на что-то. Под ногами Паучок почувствовал слабый грохот проезжающего поезда – они находились возле одной из линий метро. «Мы довольно далеко ушли на восток, – подумал он, – а может, и на юг».

Человек-Паук решил сократить дистанцию, стараясь при этом оставаться максимально незаметным, – он пополз, скрючившись, по потолку туннеля.

А затем паучье чутье огрело его по голове, и в этот же миг одинокое щупальце выскочило из тени у подножия туннеля, рванулось вверх, обвилось вокруг его ноги и дернуло вниз.

Следующие несколько минут напоминали ему кошмарный сон, в котором на тебя напал осьминог. Вот только в случае нападения осьминога, чисто в теории, кошмар должен закончиться после того, как ты спутаешь ему все восемь щупалец. Это же чудище выпускало новые щупальца всякий раз, как Паучок пытался закатать в паутину предыдущие. Оно определенно решило не тратить время на возню с липкими нитями, поэтому теперь щупальца попросту уворачивались от них. Черные отростки облепили Человека-Паука со всех сторон. С какой бы скоростью он ни сбрасывал их с себя, с какой бы скоростью ни укутывал в коконы из паутины, существо продолжало выпускать новые щупальца с еще большей скоростью, они хватали и тянули его... и привязанный к поясу контейнер.

И внезапно Паук осознал, что вообще не может пошевелиться – чудище основательно его связало. Оно разорвало паутину на обмотанных щупальцах, а затем одно из них превратилось в бритву и ударило сверху вниз...

Паутина, на которой контейнер крепился к его поясу, разошлась, хотя и не полностью – на мгновение тот повис в воздухе. Еще одна пара щупалец схватилась за него, и не предназначавшаяся для таких нагрузок емкость развалилась на части, с грохотом посыпавшиеся на пол туннеля. Один из

маленьких пакетиков с изотопом америция вывалился наружу.

Где-то поблизости гораздо громче прозвучал грохот поезда. Существо тоже изадло этот высокий пронзительный звук, затем выпустило Человека-Паука и метнулось к упавшему контейнеру.

«Нет, ты не посмеешь так поступить с научным проектом Дон!». Паучок прыгнул прямо на морду существа. Клыки разомкнулись – хотя и не для укуса, а для рева, – а затем несколько щупалец метнулись к Пауку и с силой отбросили его в сторону. Героя будто поездом сшибло – он взлетел в воздух, пронесся по всему туннелю, с хрустом ударился головой, боком и правой ногой об стену и отскочил в сторону. Мучительная вспышка боли перекрыла все остальные чувства, и Человек-Паук сполз на пол, не в силах пошевелиться. Ему оставалось только лежать там, хрипеть и хватать ртом воздух, мучительно пытаясь дышать.

Существо вцепилось в пакет с изотопами, склонилось над ним и запихнуло в пасть. Человек-Паук ощущал, как одна часть мозга тщетно пытается заставить его тело подняться с помощью импульсов: «Вставай, вставай, вставай!»

Он сумел приподняться на локте, затем, пошатываясь, встать на ноги. Существо застыло в позе, которую можно было бы назвать послеобеденным покоем, и не обращало на него внимания. Человек-Паук выстрелил паутиной сначала в одну половинку контейнера, затем в другую, и притянул их

к себе. Затем, как раз когда существо медленно повернуло голову в его сторону, начав, по всей видимости, выходить из своеобразного состояния усваивания пищи, Паук выпустил паутину в последний оставшийся пакет с изотопом и притянул к себе и его.

Он быстро привязал пакет обратно к стенке контейнера, нерешительно повернулся и побежал в противоположную сторону, не имея ни малейшего понятия, куда направляется. Да это и не имело никакого значения до тех пор, пока он бежал в противоположном направлении от этого существа.

За его спиной раздался высокий пронзительный рев, но Человек-Паук продолжил бежать. Грохот проезжающих поездов становился громче и заглушал остальные звуки. Спотыкаясь и держась за ребра, Паук продолжал бежать сквозь тьму, каждый вдох острой болью отдавался ему в бок. «Ребро сломал, как минимум одно ребро точно сломал».

Рев раздался снова, уже ближе. Человек-Паук отчаянно бежал к поездам. «Нельзя позволять ему заполучить остатки этого добра. Если оно его доест, вполне может решить на закуску употребить и меня – я довольно долго пробыл рядом с изотопами».

Рев, казалось, угасал во все возрастающем шуме поездов. Паук больше не слышал звуков преследования. Он упал, встал и, пошатываясь, похромал дальше, но далеко уйти не успел. Снова упав, Человек-Паук уже не смог встать, как бы сильно разум не побуждал его. Вся его правая сторона, от го-

ловы до ног, превратилась в пульсирующий сгусток боли, поглотившей все остальные мысли, она заставляла его сидеть, а затем лежать, беспомощным, на голом холодном бетоне, в полной темноте, которая все сгущалась и сгущалась вокруг него...

Пока не превратилась в крошечную черноту.

МЭРИ ДЖЕЙН в ужасе уставилась на экран. Выпуск новостей сменился игровым шоу, в котором роскошно одетая женщина переворачивала буквы на табло, пока участники пытались по очереди угадать слова в загаданной фразе. Обычно ЭмДжей считала, что эта игра может вызывать сложности только у людей с уровнем интеллекта ниже, чем у банановых слизней, но прямо сейчас она смотрела на всплывающие на экране слова и не могла понять их значения. «Питер!» – все, о чем она могла думать.

Мэри Джейн надеялась на продолжение новостного выпуска, но его так и не последовало. В университете Эмпайр-Стейт произошел взрыв. Она знала, как выглядит научное здание. Может, и не настолько огромное, как главное здание, но достаточно большое. Просто так оно на воздух не взлетит. «Питер был прав, – подумала ЭмДжей, – он знал, что Хобгоблин заявится туда. Иногда я жалею, что он у меня такой проницательный...»

Она огляделась по сторонам. Число женщин в приемной убавилось, но ненамного. Очевидно, многих попросили остаться – либо для повторного прослушивания, либо для чтения какой-нибудь другой роли. Такое порой случается. Может случиться и с ней. Она не может уйти сейчас.

К тому же ну будь она сейчас свободна, как бы она посту-

пила? Никто еще не знал наверняка, что именно стряслось в университете, и она не добилась бы ровным счетом ничего, если бы сорвалась в том направлении без весомых причин или хоть какого-то плана действий. Гораздо разумнее просто подождать. Питер разозлится, если она сбежит с намеченного прослушивания лишь потому...

– Мисс Уотсон-Паркер?

– Я здесь, – откликнулась ЭмДжей, поднимаясь на ноги и надевая на лицо маску непрошибаемого профессионала, пусть даже без привычного уверенного апломба. Мэри Джейн шла за помощницей продюсера с куда меньшим энтузиазмом, чем она испытывала всего несколько минут назад. «Хотела бы я вообще не видеть этот выпуск, – подумала она и печально улыбнулась. – Если Питер может быть героем, то и ты сможешь, даже если требуется всего лишь оставаться там, где находишься».

Высоко подняв голову, она прошла внутрь комнаты.

ПРОСЛУШИВАНИЕ прошло хорошо. Мэри Джейн еще в школе славилась хорошей памятью, а работа над «Тайным госпиталем» отточила этот талант, особенно если учесть, что порой ее реплики переписывали прямо на съемочной площадке. Несколько раз они снимали новые эпизо-

ды перед живой аудиторией, и некоторые сценаристов суетливо строчили пометки за кулисами, стараясь скрыть ошибки, допущенные актерами или другим сотрудником, позабывшем о каноне шоу. В такие моменты приходилось отпечатывать в мозгу новые реплики, пока зрителям показывали четыре тридцатисекундных рекламных ролика. Вообще, реплики, которые сохранились бы неизменными с первой версии сценария до финального монтажа, казались недостижимой мечтой, настоящей роскошью.

Так что ЭмДжей держалась довольно уверенно. Ее слушали женщина постарше – продюсер Ринальда, молодая женщина, помощница продюсера, молодой помощник продюсера и парень в костюме, довольно симпатичный мужчина с седеющими волосами и мукой во взгляде. «Исполнительный продюсер», – решила Мэри Джейн. По крайней мере он на него смахивал. На столе перед ними лежало несколько копий ее резюме и парочка ее промофотографий. Все четверо рассеянно разглядывали Мэри Джейн.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – попросила помощница продюсера, и начались обязательные две или три минуты светской беседы о том, чем Мэри Джейн занималась в последнее время (искала работу), снималась ли она где-то после «Тайного госпиталя» (нет), какое у нее расписание на следующий год – оказалось довольно сложно отбросить осторожность к черту и сказать «пустое», но ЭмДжей именно так и поступила.

– В этом году будет больше модельной работы, – задумчиво протянула молодая помощница продюсера.

ЭмДжей просто откинулась на спинку стула и произнесла:

– Эта работа мне нравится больше.

Затем ее попросили прочитать диалог. Мэри Джейн без запинки процитировала первые несколько реплик своего персонажа. Затем поднялась на ноги и стала зачитывать свои фразы в движении, общаясь с Ринальдой так, словно она играла второго персонажа в этой сцене. ЭмДжей изо всех сил пыталась походить на Морин, передать ее страсть и сострадание, ее энтузиазм, щепотку юмора, немного острого по необходимости, а также весь накопившийся гнев на несправедливость этого мира, допускающего существование обездоленных и голодных людей, лишившихся надежды. Выразить прямо сейчас ощущение безнадежности она посчитала весьма уместным. Даже посреди прослушивания Мэри Джейн никак не могла забыть, увиденное в новостях. Может, и к лучшему, и это придало ее образу больше резкости, чем ЭмДжей сумела передать дома, когда беззаботно готовилась в покое и безопасности.

Обычно Мэри Джейн не смотрела на аудиторию, но в этот раз она отметила: все четверо оживились и смотрят на нее гораздо внимательнее, чем в начале беседы. Молодая помощница продюсера улыбалась и записывала что-то в своем блокноте. Улыбка не была жестокой или скучающей – девушка казалась искренне довольной. На прослушивании такое

редко заметишь – большинство продюсеров гордились своими непроницаемыми лицами. Станным образом это подбодрило Мэри Джейн.

Как обычно, никто не сказал ей, как она справилась. Ринальда пролистала лежащий перед ней сценарий, нашла нужную строчку и показала Мэри Джейн.

– Не прочтешь нам вот это?

ЭмДжей взяла сценарий и сглотнула. Реплики ее персонажа были выделены розовым. Довольно любезно – некоторые продюсеры любили усложнять задачу и заставляли читать с листа на максимуме возможностей и смотреть, не сыграют ли нервы дурную шутку с претендентом, не прочтет ли под давлением чужие реплики вместо своих.

– Обе роли или только одну?

– Обе, пожалуйста.

Мэри Джейн быстро пробежалась глазами по первой странице и поняла: это диалог между ее героиней, Дорой, и молодым неопытным доктором, который, очевидно, был очень высокого о себе мнения, о чем свидетельствовали напыщенные фразы и неоправданно сложный выбор слов. ЭмДжей решила, что понимает, куда это движется. Она начала зачитывать свои реплики сначала терпеливо, затем с некоторым раздражением. Доктор постоянно сыпал сложными медицинскими терминами, и Мэри Джейн слегка покачивалась на носках, пока Дора «объясняла» собеседнику: ему вовсе не нужно запугивать ее длинными словами и, если ему незнако-

мы более короткие термины, наподобие «заботы» и «обязательств», тогда, возможно, ему следует чуточку попрактиковаться, чтобы лучше понять их смысл. По мере того, как сцена развивалась страница за страницей, их диалог стал превращаться в шумную ссору, и Мэри Джейн задумалась, насколько сильно продюсеры заинтересованы в ней. Персонажи начали кричать друг на друга, и это пришлось очень кстати – ЭмДжей оказалась не прочь покричать и сама. Испытываемое ею беспокойство отлично трансформировалось в раздражение на тупого доктора и на любое учреждение, которое мешало Доре добиваться действительно значимых вещей.

Мэри Джейн дочитала до конца сцены. Никто ее не остановил. Когда она замолчала, седовласый мужчина кивнул.

– Нам нужно отсмотреть еще несколько человек, – сказал он, впервые обратившись напрямую к Мэри Джейн, – вы подождете нас?

– Разумеется, – ответила ЭмДжей, а затем, под влиянием момента, неожиданно добавила: – Возможно, мне понадобится ненадолго отойти.

– Не думаю, что нам потребуется много времени, – проговорила Ринальда, глядя на ЭмДжей.

Мэри Джейн вгляделась в выражение ее лица, пытаясь понять, что именно хочет сказать ей продюсер: «Да, конечно, иди, все в порядке» или же «На твоём месте я бы осталась тут и не рыпалась». Сложно сказать, она же совсем не знала

эту женщину. Так что ЭмДжей лишь улыбнулась, кивнула и вернулась в комнату ожидания.

Она села на прежнее место. Одна из пришедших на прослушивание актрис, коротко стриженная блондинка, посмотрела на Мэри Джейн и улыбнулась:

– Сложно было, да? – спросила она.

Мэри Джейн кивнула:

– Сложновато...

Спустя несколько минут помощница продюсера вышла из комнаты для прослушиваний и стала подходить к некоторым оставшимся женщинам. Она обменивалась с каждой парой слов, улыбалась и пожимала руку. Смысл был ясен: их не рассматривали. ЭмДжей ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.